

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИТОГИ действий 324 мсп

Уничтожено	
- 967	ЛТП МТ-12 -1
- 8	МИНОМЕТ РАСЧЕТ -15
- 10	СПГ-9 -2
- 13	АВТОМОБИЛЕЙ -10
- 1	ДОЛГОБОЕ ОГНЕВЫЕ СООРУЖЕНИЯ -2

Захвачено	
- 2	РПГ -44
- 1	АВТОМАТОВ -28
- 1	
- 2	
- 1	
- 2	

Борис Цеханович
Обыкновенная война

324 мсп
31.01

ГРОЗНЫЙ

3 мсб

1 мсб

тб адн адн

Борис Цеханович
Обыкновенная война

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цеханович Б. Г.

Обыкновенная война / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Любая война, для человека, когда он в неё втягивается, меняет на всю жизнь в нём ВСЁ – жизненные ценности, критерии, ориентиры, взгляды и закаляет его или жёстко ломает. Хорошие люди становятся ещё более хорошими. Подлые ещё подлее. И самое главное на войне сохранить в себе человека, а не стать скотиной и сволочью. А если ты ещё и командир – сохранить своих людей. Книга основана на реальных событиях первой Чеченской войны и является полной версией предыдущей книги «Хлеб с порохом». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Боевое слаживание	7
Глава вторая	46
Эшелон	46
Глава третья	67
Толстый юрт	67
Часть вторая	80
Глава первая	80
Станция Примыкание	80
Глава вторая	95
Чечен-аул	95
Конец ознакомительного фрагмента.	108

...Последняя ночь была на исходе, но было ещё темно и в живых остался только я. Боевики из тёмной и недалёкой зелёнки хлынули неожиданно, без предварительной огневой подготовки и незамеченными успели пронестись половину пути до блок-поста и только тогда наблюдатели заполошно закричали и открыли огонь из автоматов, лишь чуть-чуть замедлив движение атакующих духов. Запустив вверх ракету и пока она разгоралась, я подскочил с дороги на бугор, где располагался батарейный наблюдательный пост и одного взгляда хватило, чтобы понять безнадёжность нашего положения: около ста боевиков, охватывая широкой дугой, стремительно приближались к блок-посту. Сзади меня, в расположение первого взвода слышались крики и команды, по которым солдаты и офицеры в ночной суматохе занимали позиции и теперь моя задача с двумя наблюдателями, была продержаться хотя бы несколько минут, чтобы остальные сориентировались в обстановке, успели подготовиться и дать хоть какой-нибудь отпор противнику. Крикнул команду и, показав рукой направление, куда надо стрелять, я ухватился за пулемёт, стоявший здесь на ящиках, повернул его и открыл огонь по правому краю атакующих, который опасно стал приближаться в колеблющем свете осветительной ракеты к нашей зелёнке, где уже не скрываясь, можно скрытно подойти и внезапно ударить в тыл нашего блок-поста. Пулемёт грозно рокотал и вёл свою ровную строчку, выкидывая в ночь сверкающие росчерки очередей, состоявших из трассер-разрывная, трассер-разрывная и снова трассер-разрывная. А из расположения наших второго и третьего взводов в небо, находившихся на втором блок-посту и на другом конце деревни, в нашу сторону, встревожено взлетали осветительные ракеты и теперь только они освещали поле боя. Я поливал огнём боевиков, не жалея пулемёта, длинными очередями и радостно орал, видя, как под ударами пуль часть цепи смялась, замешкалась и упала на землю. Повёл стволом дальше влево, убивая и заваливая всё новых, и новых боевиков на землю. Но в целом, судьба блок-поста всё равно была решена: два автомата наблюдателей, которые строчили слева от меня, лишь на некоторое время замедлили продвижение боевиков. Стремительно перекинул пулемёт на их сторону и открыл огонь по чеченцам, которые были уже в семидесяти метрах. Успел дать пару очередей, как пулей снесло полчерепа одному из солдат, забрызгав нас тёплыми брызгами крови и мозга. Тело мгновенно рухнуло на землю, как будто из него выдернули железный штырь. Второму бойцу пуля попала в плечо и он жалобно заскулив, ухватившись рукой за рану, осел вдоль стенки.

– Назад, уходи, назад...., – проревел не отрываясь от пулемёта, и у меня тут же закончилась лента. Грохот пулемётных очередей смолк и я услышал яростный рёв автоматов со стороны духов и жалкую стрельбу наших АКСУ: нас задавливали численным преимуществом и мощным огнём. На мгновение вслушался и не услышал стрельбы в районе второго блок-поста, обрадовался: понимая, что они в отличие от нас выживут. С их стороны и с расположения взводов седьмой роты, стоявшей ещё дальше, в небо, в нашем направлении шли одна за другой осветительные ракеты, облегчая ведение огня.

Срывая ногти и разбивая в кровь пальцы, мигом перезарядил ленту и подсоединил к пулемёту следующий короб на сто патронов, и вовремя: почти в упор врезал очередь в подбегающих двух духов, даже успел заметить обрывки тела и одежды, которые полетели в разные стороны от разрывных пуль, а один трассер застрял в теле боевика, опрокинув его на спину и продолжая гореть красно-оранжевым огнём. Раненого в плечо солдата рядом уже не было, только убитый солдат с разбитой головой лежал на земле, в большой луже чёрной крови. Дав, не прицеливаясь, ещё несколько очередей в набегающих боевиков, выскочил из наблюдательного пункта и, пятясь спиной, поливая перед собой свинцом, начал отходить к своему салону, вниз и за дорогу. И вовремя – вздыбились в небо ящики уже бывшего наблюдательного поста, от взрыва гранаты, меня сильно шатнуло взрывной волной, но устоял и в несколько прыжков оказался у салона. У входа в салон в агонии, крупным телом, бился старшина, выдирая из земли скрюченными пальцами пучки зеленой и сочной травы и пытаясь что-то сказать мне, но изо рта толчками, страшно булькая и густо брызгая, выбивалась чёрная кровь. Я в упор всадил очередь

в одного, потом во второго боевика, выскочивших из-за салона, но второй успел выстрелить в Лискова, суматошно выбежавшего из расположения первого взвода к салону. Пули попали моему заменику в лицо, превратив в кровавое месиво и мгновенно убив капитана. Всё. Духи уже были везде. Это был конец. Развернулся и ещё успел застрелить в упор последней очередью троих боевиков, длинными прыжками приближающихся ко мне от дороги: у одного из них в руке зловеще поблёскивал узким лезвием длинный кинжал. Они, как будто наткнулись на невидимую стену, но по инерции налетели на меня, сбив с ног и завалив своими телами. Пулемёт улетел под салон, а мимо меня, перескакивая через убитых, в расположение первого взвода пробежало до двадцати боевиков. Подождав секунд двадцать, я вздыбился и выбрался из-под убитых. Бой закончился, лишь слышались за кустами отдельные очереди и азартные крики боевиков перемеживаясь с криками погибающих солдат и офицеров. Тихо скользнув в темноту, добрался по кустам до окопа, вырытым ещё в первую ночь техником Толиком и затаился там, лихорадочно пересчитывая патроны, магазины и гранаты. Стрельбы уже не было, слышались лишь торжествующие голоса победителей. Я немного успокоился, лишь мимоходом и как-то отстранённо пожалев, как будто это не меня касалось, что не уехал домой вчера, как планировал, а остался ещё на один день. Пожалел и сразу же забыл и теперь прикидывал, как мне ловчее и неожиданно выскочить из зелёнки, напасть на духов и как можно больше их уничтожить, пока меня самого не убьют. Загорелся и ярко запылал фанерный салон, освещающая всё кругом, заработали двигатели обоих УРАЛов, куда боевики начали торопливо грузить трофеи и боеприпасы.

– Хрен вам, в первую очередь уничтожу машины, когда вы их загрузите, чтобы вам ничего не досталось, – пригнувшись к брустверу, я разглядывал суевившихся боевиков, выгадывая удобный момент открыть огонь, когда от них отделилось несколько человек и потащили в сторону сопротивляющегося человека. Ночь прорезал пронзительный детский крик: – Дяденьки..., дяденьки... не убивайте меня, не надо.... Дяденьки не надо, мне же больно..., – взвился до высокой ноты крик и перешёл в жуткий хрип. Я весь покрылся мгновенной липкой испариной: поняв, что только что моему солдату перерезали как животному горло. Какое-то время до меня, оцепеневшего от ужаса, доносились хлюпающие звуки, а боевики в десяти метрах от моего окопа расступились и теперь, весело гогоча, пинали друг к другу бившиеся в агонии тело солдата.

– Мразииии..., – я вскинулся и дал веером очередь: одну, вторую и не прекратил стрелять, пока в магазине не кончились патроны, а боевики не затихли на земле. Остальные чеченцы мгновенно сориентировались, и мощный огневой шквал накрыл зелёнку. Я вынужден был снова присесть на дно окопа, меняя пустой магазин на новый, а в расположение взвода взревел двигатель УРАЛа и теперь на зелёнку упал мощный поток света от фар, сразу же высветив мою позицию. Пуль не слышал, но бруствер кипел от свинцового ливня, срезая вокруг окопа всю растительность. Надо было как-то встать и попытаться загасить фары, но это было очень трудно, почти невозможно подняться под огнём автоматов.

– А..., всё равно убьют, – я мгновенно выпрямился над бруствером и с первой же очереди загасил одну фару. Сразу стало меньше света, а выпустив остаток магазина в мечущиеся фигурки чеченцев, я опять нырнул целый и невредимый на дно окопа, перезаряжая магазин и собираясь с духом для того чтобы в очередной раз, наверно последний, выскочить из окопа. Судя по звукам, духи двинули автомобиль вперёд и теперь он давил кустарник в десяти метрах от меня, неотвратимо приближаясь к окопу. Выдернул кольцо из гранаты, стремительно поднялся над окопом и неистово метнул гранату, целясь в фару, и не промазал. Граната с долгим стеклянным и звонким звоном впилась в фару, разбило стекло, лампу, но свет не пропал. Автомобиль продолжал двигаться на меня.

– Чёрт, где же взрыв? Почему меня слепит фара? Почему??? – Я закрыл глаза, продолжая слышать в своих ушах звон разбитого стекла.....

Часть первая

Глава первая

Боевое слаживание

Известие о том, что соседний мотострелковый полк уходит в Чечню, для восстановления конституционного порядка здорово взбудоражило всех в нашем кадрированном мотострелковом полку. Командиры подразделений сидели в тактическом классе, собранные на неожиданное совещание, и терпеливо ждали командира полка, который в свою очередь находился на совещании у командира дивизии.

Вообще, что происходит в Чечне, знал практически каждый офицер и прапорщик, но всё это происходило очень далеко и казалось, что нас это никогда не коснётся и мы так и будем сонно и лениво существовать и дальше. Всех возмущали события и тот криминальный режим, который сложился в республике, претендующий на мифическую независимость, но также все и понимали: в том, что происходит в мятежной республике была большая вина руководства страны. Обстановка вокруг Чечни закручивалась всё круче и круче. Уже прозвучали бравадные слова министра обороны, что десантным полком он за два часа захватит Грозный и наведёт порядок. И вот свершилось. Не хватило ни десантных полков, ни частей Северо-Кавказского округа, чтобы справиться с возникшей опасностью и теперь пришёл черёд обыкновенной пехоты, да ещё с Урала.

Ожидание командира затягивалось, а горячие споры вокруг этого известия только разгорались. Общее мнение было таково – нагонят войска в Чечню, в несколько дней переловят всех смутьянов и месяца через два полк вернётся обратно. Правда, как это всё будет происходить в практическом плане, никто толком не представлял, а большие и яркие плакаты тактического класса под многоговорящими заголовками «Дивизия в наступлении», «Дивизия в обороне», «Дивизия на марше и во встречном бою» не могли нам ничего рассказать о нашем ближайшем, военном будущем. Хотя какое будущее может быть у мотострелкового полка кадрированного состава. Или как мы военные острили – «кастрированного». И в таком кастрированном состоянии полк находился уже лет тридцать: вместо двух с половиной тысяч человек в нём сейчас было около восьмидесяти офицеров и прапорщиков и всего сорок солдат и то в основном в танковом батальоне. Но техника была в исправном состоянии и находилась в боксах на длительном хранении. И, как правило, в таких полках офицеры были возрастными, считаясь не перспективными для развёрнутых, полнокровных частей. Тихо и спокойно дослуживая либо до пенсии, либо если повезёт до удачной замены или освободившейся вакансии в развёрнутом полку. Я тоже был неперспективный – капитан, сорок лет, командир какой-то там кадрированной противотанковой батареи, у которого в подчинение были только два командира взвода из «пиджаков», не представляющие из себя ни какой военной ценности, и ничего мне в ближайшем будущем не светило. При большой удаче перед пенсией получу майора и так, бесславно, закончится моя военная служба, о которой буду иной раз вспоминать с определённой долей досады и неудовольствия от неудавшейся военной карьеры. Всё-таки, я ощущал в себе силы, способности и достаточную энергию, для того чтобы показать себя и подняться на более высокие ступеньки служебного роста.

– Товарищи офицеры! – Начальник штаба полка, молча слушавший наш наивный бред, первый увидел входящего командира и подал команду. Все встали, замерли по стойке «Смирно» и обратили взгляды на неспешно вошедшего в класс полковника Петрова. остано-

вившись у стола, он обвёл внимательным взглядом замерших офицеров и подал команду – «Товарищи офицеры!»! Все задвигались, рассаживаясь и замерли, ожидая, что скажет командир. Перекинулся несколькими словами с начальником штаба и начал совещание.

– Товарищи офицеры! Командиром соседнего полка получен приказ Командующего округа – Привести полк в боевую готовность «Полная». Укомплектоваться личным составом, прапорщиками и офицерами, техникой и вооружением на 100 процентов. Что касается нас в этой ситуации? Если рядовыми и сержантским составом наших соседей будут укомплектовывать за счёт военнослужащих частей округа, то офицерами и прапорщиками за счёт нашего гарнизона. Один из мотострелковых батальонов будет формироваться в Чебаркульском гарнизоне. И естественно, офицеры и прапорщики будут из их гарнизона. А остальные подразделения будут укомплектовываться за счёт нашего оставшихся мотострелковых полков нашего гарнизона и артиллерийского полка. Да.., хочу добавить в этом плане – всю недостающую технику мы тоже будем им предоставлять. Так что давайте и технику готовьте, укомплектовывайте ЗИПы и про АКТы тоже не забывайте. Дальше. Командующий приказал в десятидневный срок провести боевое слаживание. Погрузиться в эшелоны и убыть в Чечню для восстановления конституционного порядка.

Хочу сразу подчеркнуть, что события nazревают очень серьёзные и каждый из вас должен отнестись к ним с полной ответственностью. Оказать всемерную помощь в комплектовании соседнего полка. Ну и самим, кому «повезёт», быть готовыми встать в строй убывающих соседей.

Петров замолчал, давая присутствующим на совещании время для переваривания горячей информации. В классе сдержанно загудели голоса офицеров, которые стали оживлённо обмениваться репликами и впечатлениями от услышанного. Дав на это минуту времени, командир поднял руку, прервав обсуждения, и решительно призвал к тишине. Совещание ещё продолжалось минут сорок, где каждый из начальников служб и родов войск ещё раз отчитались перед командиром о готовности к грядущим мероприятиям.

Я вышел с тактического класса после совещания и тут же отвёл в сторону своих командиров взводов, двухгодичников: лейтенанта Дмитрия Матвиенко и Никифорова, которые тоже присутствовали на совещании.

– Ну, что скажете?

Дима виновато повесил голову, извиняюще шмыгнув носом: – Товарищ капитан, Вы же знаете, что у меня мама не отошла ещё от смерти моего отца, а тут вдруг придётся мне ехать в Чечню. Она этого не перенесёт.

– Насчёт тебя Дима, если возникнет вопрос, будем решать отдельно, – с сожалением посмотрев на Матвиенко. В мирное время, да с нормальным командиром подразделения, да под постоянным его контролем, лейтенант, конечно, ещё потянет. Но... , уж очень он мягкий, и характер у него явно не командирский. Я перевёл взгляд на второго командира взвода Никифорова и тот сразу же, обидчиво вздёрнув подбородок, вызывающе спросил: – А какого ответа вы от меня ждёте? Конечно, если мне скажут ехать, то я не поеду. – И демонстративно отставил ногу в сторону, как бы подтверждая твёрдость своего заявления.

В том, что Никифоров «гнилой», я не раз убеждался. Он был типичным представителем «дерьмократов» первого поколения. Причём был активным «дерьмократом» – борцом за права человека и какие-то там мифические свободы. Вечно лез во взаимоотношения офицеров полка и их подчинённых солдат. Строчил пакостные заявления в прокуратуру, после чего очередной командир подразделения, яростно матерясь, отписывал прокурорским кучу бумаг или накрывал «не хилую поляну», только чтобы отмазаться. Не один раз у меня были с ним беседы о том, что он государством призван на два года и независимо какие он имеет убеждения, он обязан выполнять все приказы командования. Нравятся они ему или нет. Согласованы они с правами человека или нет.

Я тяжело вздохнул: – Товарищ Никифоров. В этой обстановке хочу напомнить вам седьмую статью Дисциплинарного устава Вооружённых сил. Если вы мне подобное заявите в боевой обстановке или откажетесь выполнять приказ, то достану пистолет и расстреляю вас прямо там же - на месте. Вам ясно? И ещё, хочу вас предупредить. Если такое желание заявит кадровый офицер, то его просто – Уволят. Понимаете – УВОЛЯТ, а против вас, призванного на два года, возбудят уголовное дело и посадят. Поэтому вы сначала подумайте, прежде чем вкаты об этом повсюду.

Никифоров напыжился и сходу попытался вступить со мной в очередную «дискуссию» о праве выбора каждого гражданина...., но я его грубо оборвал и отправил обоих в парк для подготовки техники к передаче, а сам решил пройти в соседний полк. Просто чисто визуально посмотреть, что там происходит.

Полк был похож на сильно растревоженный муравейник, в котором хорошо пошуровали палкой. Перед казармами активно строились подразделения. Многочисленные группы солдат с офицерами сновали во все стороны. Что-то уже тащили со складов в подразделения, а из подразделений в парк, где уже ревели двигатели танков, БМП и автомобилей. Около штаба дивизии стояли десятки чёрных «Волг» и зелёных УАЗиков с номерами штаба округа. Разведывательный батальон, со своего плаца, отправлял по три – четыре человека во главе с офицером на маршруты патрулирования вокруг городка, для того чтобы наглухо перекрыть все входы и выходы в городок и в дивизию. Для сугубо гражданского взгляда это было бессмысленное «Броуновское движение», но любой профессиональный военный увидел бы в этой, суете железную логику движения и целеустремлённость усилий.

Поглядев на всё это со стороны и пообщавшись со знакомыми офицера соседей, я через некоторое время вернулся в полк и направился в парк боевых машин, в своё хранилище, где ко мне сразу же подошли командиры взводов и выжидающе уставились на меня.

– Парни, нам, наверно, повезло. Я сейчас у них в полку узнал, что их противотанковая батарея в Чечню не идёт. Так что противотанковые установки передавать нам туда не придётся, но всё равно ещё раз проверьте свои взвода и другую технику, которая за вами закреплена. А я пройду по парку и погляжу, кто и чем занимается.

А по парку деловито сновали командиры подразделений и в отличие от меня пехоте, танкистам, артиллеристам и другим придётся какое-то количество техники передавать в соседний полк. Вот все и суетились. Полк у нас был «кадрированный» и солдаты, человек двадцать пять, были в танковом батальоне, остальные в роте связи и других отдельных подразделениях. Так что танкистам, помимо танков, придётся передавать и солдат. Я своего единственного солдата отдал ещё года три тому назад в Приднестровье и теперь у меня в батарее были только два командира взвода.

Вечером к командиру полка прибежал донельзя взбудораженный кадровик из дивизии, и тут же начали по одиночке вызывать офицеров в кабинет к Петрову, а из кабинета они напрямик уходили в соседний полк, в подразделения, куда их назначили. У нас из артиллеристов забрали командира третьей миномётной батареи капитана Тетрюмова – старшим офицером миномётной батареи. Капитана Хорошавина, командира второй самоходной батареи – командиром второго взвода в одну из батарей дивизиона полка. Забрали ещё несколько офицеров из мотострелков, танкистов и пару зенитчиков. Солдат из танкового батальона, как и предполагал, забрали всех ещё днём. Забрали у нас и только что пришедшего в полк начальника артиллерии полка подполковника Докторевич.

Поздно вечером на совещании командир полка сообщил, что артиллерийский полк тоже готовит к отправке реактивный дивизион подполковника Климец. К нему то и попал Докторевич заместителем командира дивизиона. Довёл расчёт техники, которую нужно было передать завтра в соседний полк. Как и предполагал, меня, единственного командира подразделения, не коснулась эта разрядка и чехарда. Поэтому, после совещания отпустив командиров взво-

дов, я и сам пошёл домой, а остальные остались готовить акты передачи техники. Было где-то около полуночи, но жизнь у соседей не прекратилась, а на первый взгляд даже активизировалась. Везде сновали сотни солдат группами и в одиночку: в основном это был маршрут из казармы в парк и обратно, а также из складов в парк или в казармы. На центральном КПП, вместо обычных двух-трёх полусонных дневальных, было человек десять солдат разведбатальона, которые активно сдерживали натиск родных и знакомых солдат, узнавших каким-то образом об отправке в Чечню и желающих встретиться с ними. Но их не пускали. Уставший офицер со штаба дивизии, в который раз, уверял: что слухи об отправке в Чечню ложные, что идёт обычная подготовка к полковым учениям. Тут же суетились телевизионщики с камерами, пытающие через ажурное Каслинское литье **ворот** хоть что-то снять на территории военного городка. Вдоль забора в виду друг друга прохаживались патрули разведывательного батальона, пресекающие любые попытки посторонних проникнуть на территорию военного городка.

Дома меня встретили встревоженные родные. Жена раз за разом недоверчиво спрашивала – Еду я или нет? Но я её успокаивал: говорил, что едет другой полк и другие офицеры. Про то, что у нас уже забрали несколько офицеров и не заикался. Говорил, что я уже пенсионер и меня никто не возьмёт, чем вроде бы немного успокоил жену и тещу.

Утром, задолго до развода, я уже был в полку. Оказался не первым – многие офицеры даже не уходили домой, готовясь к передаче техники. И теперь они спали в крайне неудобных позах – кто на полу, кто на столах, а кто просто развалившись на стульях. А уходящий полк ночью вообще не спал. После полкового развода всё снова закрутилось. Пришли офицеры и механики-водители соседей и стали принимать у нас технику. Выглядели они уже уставшими и измотанными бессонной ночью. И каждый из нас старался им всячески помочь и облегчить приём техники. Отдавали самые лучшие машины. ЗИПы укомплектовывали почти на 90 процентов и к обеду, к обоюдному облегчению, практически всё передали. Помогало и то, что декабрь месяц был очень тёплый. Температура стояла где-то в пределах 2-3х градусов мороза, что также очень облегчало многие моменты, как нам, так и братскому полку.

После обеда в полк наведлся начальник ракетных войск и артиллерии округа, недавно назначенный на эту должность, полковник Шпанагель и начальник штаба артиллерии округа генерал-майор Фролов. Мы, уже предупреждённые о прибытии начальства, открыли свои хранилища и ждали. С Шпанагелем я ещё ни разу не сталкивался, но много был наслышан о его непредсказуемости в отношениях со своими подчинёнными и с внутренним напряжением ожидал встречи.

Когда в воротах появился невысокого роста, крепкий и с решительным лицом полковник в сопровождении высокого генерал-майора, я чётким строевым шагом подошёл к ним, вскинул руку к головному убору и доложил: – Товарищ полковник, личный состав противотанковой батареи занимается плановым обслуживанием техники и вооружения. Командир противотанковой батареи капитан Копытов. – И сделал шаг вправо.

Полковник сумрачно поздоровался со мной и подошёл к командирам взводов, замершим около машин. Осмотрел их, недовольно хмыкнул и также молча осмотрел всю технику. Резко повернулся ко мне и начал сверлить тяжёлым взглядом. Видно, что он был очень недоволен, вот только чем – непонятно.

– Товарищ полковник, разрешите доложить, – опередил его, предполагая, что меня сейчас будут ругать за обшарпанный вид боевых машин, – противотанковые установки 76 и 77 годов выпуска. Документы на капитальный ремонт готовы. Техника находится уже три года в ожидание отправки в капитальный ремонт. Не отправляют, потому что отсутствует финансирование на транспортировку железнодорожным транспортом. ЗИП укомплектован на сорок процентов.

Я замер, закончив доклад, но Шпангель продолжал молчать, недоброжелательно рассматривая меня, потом нарушил затянувшееся молчание и веско произнёс: – Да вы бездельник, товарищ капитан. Идите за мной.

Мы небольшой группой вышли из моего бокса и проследовали в боксы дивизиона, где нас встретил командир дивизиона майор Фомичёв и командир батареи капитан Бондаренко. Шпангель точно также молча обошёл и осмотрел технику дивизиона, потом повернулся и сказал всё, что он думал о нас. Суть монолога сводилась к тому, что мы бездельники высшей пробы, родимое пятно на здоровом теле армии. Что из армии, нас пенсионеров, надо гнать поганой метлой. Что-то сказал про пасеку, на которой мы пасёмся и балдеем, в отличие от других офицеров, из развёрнутых полков, которые «пашут», и так далее и тому подобное. Командиру дивизиона он посоветовал подготовить вещмешок с носками и с чистыми кальсонами, так как с такой рожей ему место только в Чечне. После такого содержательного изложения нашей сущности и ближайшего будущего, Шпангель и Фролов, правда, последний всё время молчал, лишь иногда морщился во время наиболее сочных выражений полковника, ушли из парка, оставив нас в недоумении. Но мы не обиделись на него. Это было знакомство с новым начальством, а на начальство, тем более такое, не обижаются. Только посмеялись над его манерой общения с подчинёнными. Я тоже посмеивался и не предполагал, что моё будущее, моя карьера на протяжении нескольких последующих лет будет полностью связана с этим человеком. Но это в будущем, а пока мы посмеялись и разошлись заниматься своими делами.

На протяжении нескольких дней наш полк сильно лихорадило. Забирали ещё офицеров, технику, имущество со складов. Забрали и майора Фомичёва. И когда из полка забрали всех офицеров кого можно, и выгребли почти всё имущество со складов: у нас всё успокоилось. Меня лично задевало очень сильно то обстоятельство, что практически со всеми офицерами беседовали на предмет откомандирования их в соседний полк, а меня избегали. Никто со мной не беседовал и не спрашивал моего мнения. Почему – непонятно? Сам же я всегда придерживался испытанной практики – Не напрашиваться. Но это игнорирование болезненно задевало моё самолюбие, тем более что я был на неплохом счету у командования.

Соседний полк в отличие от нас не прекращал ни на минуту своей деятельности. Когда они спали и отдыхали, я не понимал. Днём и ночью интенсивность подготовки полка к отправке в Чечню не ослабевала, а наоборот с каждым часом, с каждым днём только нарастала. Несмотря на строжайшее предупреждение командования не болтать – слухи о том, что полк едет в Чечню, стремительно распространились по городу. Родные и близкие солдат, особенно журналисты всеми силами, правдами и неправдами пытались прорваться на территорию городка. Как-то поздно вечером включил местный телеканал, тележурналист которого сумел пробраться на территорию дивизии и пытался взять интервью. Первым ему попался внушительного вида солидный полковник из штаба округа.

– Это правда, товарищ полковник, что мотострелковый полк едет в Чечню для восстановления конституционного порядка? – Сунул ему журналюга под нос микрофон.

Полковник сделал глубокомысленное выражение лица и начал вещать: – Нет. Это всё панические слухи. На самом деле полк готовится к погрузке для участия в полковых учениях на Чебаркульском полигоне....

Поняв, что от офицера правды не добиться, журналист ринулся искать новую жертву и ему навстречу тут же попался замученный и задёрганный всей этой суматохой солдат.

– Товарищ солдат, вы из какого полка?

Боец непроизвольно шмыгнул носом: – Со «смешного», то есть с 276 нашего полка.

– Это правда, товарищ солдат, что ваш полк едет в Чечню? – Задал очередной вопрос журналист.

Солдат сильно набычился, что даже на экране телевизора было хорошо видно, как в нём закипела здоровая злость за нервотрёпку, за бессонные ночи, за накопившуюся усталость: –

Да, блин, лучше в Чечню ехать, чем здесь трахаться. – Выплеснул он в крике всю горечь на журналиста....

Но всему приходит конец и наступил день отправки полка. Артиллерийские подразделения грузились на рампе «Зелёное поле». День был солнечный и очень морозный, а я, имея в ста метрах от погрузочной рампы каменный гараж, почёл своим долгом организовать там для убывающих офицеров и прапорщиков артиллерийских подразделений пункт обогрева. Натаскал туда дров и растопил печь. Не сказать, чтобы там было жарко, но согреться и перекусить в тепле можно было. К девяти часам утра вся техника артиллеристов выдвинулась к рампе и началась погрузка. После того как технику загнали на платформы и начался её крепёж, в мой гараж зачастили офицеры. Сначала они сложили туда вещи, но после того как процесс крепления техники пошёл по нарастающей, вещи распаковали и оттуда начала появляться водка и закуска. Постепенно стол был заставлен всем необходимым – где чьё, уже никто не разбирался. Приходили офицеры, прапорщики выпивали, чуть-чуть закусывали, грелись у весело гудевшей железной печки и уходили, потом приходили опять. Я сидел, конечно, тоже выпивший, но довольный тем, что хоть чем-то смог облегчить погрузку коллегам-артиллеристам. Где-то во второй половине дня в гараж втайне от мужа пробралась Галка Хорошавина, которая и взялась хозяйничать за столом. Юрка Хорошавин когда её увидел, то сначала отругал свою половину, но потом смирился и был даже рад что она пришла проводить его.

Уже в темноте закрепили технику, железнодорожники приняли эшелон. Объявили о предстоящем построении. Гараж опять наполнился офицерами и прапорщиками. Все разлили водку по стаканам, начали чокаться и разбирать свои вещи, собираясь на построение. Ко мне подошли с кружками в руках Фомичёв, Тетрюмов и Хорошавин, чокнулись со мной: – Ну что, Боря, до встречи.

Я махнул в сильнейшем огорчении рукой: – До какой встречи? Вы уезжаете, а я остаюсь. Знаете, как обидно, когда тебе даже никто не предлагает, вот также, как вам ехать. На хрен я тогда старался, служил....?

Снова вяло и обидчиво махнул рукой, стукнулся кружкой с друзьями и залпом выпил водку, выдохнул с шумом воздух и с недоумением посмотрел на смеющихся товарищей.

– Оооо..., Боря, засиделся ты сегодня в гараже и не хрена ничего ещё не знаешь? – Все опять засмеялись. Я действительно весь день просидел в гараже и не особо владел информацией.

– Боря, не расстраивайся, – Лёха Фомичёв благодушно похлопал меня по плечу, – вам в понедельник уже окончательно объявят, что и вы тоже пойдёт вслед за нами.

Но я был сильно выпивши и воспринял его слова только в качестве утешения. Все засуетились и, похватав вещи, помчались на построение, а в гараже остались я и Галка Хорошавина, которой Юрка запретил идти его провожать. Она налила водку в кружки и мы с ней выпили за их удачу, и также молча сидели, закусывая и прислушиваясь к громким голосам на улице. Я заткнул пробкой оставшуюся водку в бутылке и поставил её на полку.

– Галя, вот эти двести грамм ставлю вот сюда, и мы их выпьем, когда все вернуться с Чечни. – В этот момент мой взгляд остановился на вещах Алексея Фомичёва, сиротливо лежащим в углу гаража. – Галя, сиди здесь, а я помчался и найду Алексея, а то он в суматохе забудет про вещи. – Мигом выскочил из гаража и устремился на рампу, где построение уже закончилось и все перемешались, начиная посадку по вагонам.

– Майор Фомичёв. – Заорал на всю рампу и во всю глотку, – майор Фомичёв....

Но его нигде не было видно. Порыскав несколько минут по рампе, я опять заорал, пытаюсь криком привлечь его внимание, но привлёк внимание совершенно другого человека.

– Товарищ капитан, чего вы тут орёте? – Из-за спины вывернул неизвестный полковник и остановился передо мной.

– Товарищ полковник, майор Фомичёв оставил у меня в гараже свои вещи. Боюсь, как бы в суматохе он их не забыл...., – попытался объяснить ситуацию полковнику, но он резко оборвал меня.

– Вы, товарищ капитан, пьяный и орёте как дикий осёл на случке. Кто вы такой?

От таких нелестных слов мне стало почему-то очень обидно, отчего пьяно напыжился и с апломбом представился: – Я, командир противотанковой батареи капитан Копытов. А вы кто такой, товарищ полковник?

– А я, полковник Удальцов, со штаба округа, – также с вызовом ответил офицер.

Тут, совсем потеряв контроль над собой, «закусил удила» и также с вызовом, без всякой логики ответил: – Ну и пошёл ты на Х...., товарищ полковник, – гордо развернулся и пошёл в сторону вагонов.

– Товарищ капитан, вернитесь! – Заорал полковник, возмущённый выходкой пьяного капитана. Но я, не обращая внимания на вышестоящего офицера, нырнул в толпу и тут же наткнулся на Фомичёва и командира зенитно-ракетного дивизион подполковника Николаева Георгия Сергеевича.

– Боря, Боря, пошли отсюда. – Потянул он меня за рукав.

– Георгич...! Георгич...! – Пьяно забарахтался в его руках, – дай, отдам вещи Лёхи, а то ему даже трусов в Чечне не поменять....

– Боря, Бораяя..., – Алексей оказался невольным свидетелем моей стычки с полковником, – давай дуй домой, ты уже нарвался на неприятности с окружником, а вещи я забрал. Так что не беспокойся.

Обнял Фомичёва, троекратно по-русски поцеловал его и покорно пошёл в сторону городка за Николаевым, который тоже попрощался с офицерами. Как пришёл домой, я уже не помнил.

В воскресенье утром проснулся с большой головой и помнил только смутные обрывки прошедшего дня. Хорошо только помнил, что гараж я так и не закрыл. Через два часа, напив пару бутылок ледяного пива и немножко придя в себя, пришёл на рампу, где всё кругом было изрыто следами колёс, гусениц, а снег вокруг рампы был утоптан до твёрдости асфальта. Везде валялись остатки крепёжного материала, скобы, гвозди и проволока. Всё что представляло собой какую-либо ценность, собрал в гараж и закрыл его на замок. Остаток дня провёл дома реанимируясь от последствий похмелья. Что было достаточно тяжело и тоскливо.

* * *

Утром в понедельник, что случается довольно редко, я позорно проспал. Наспех побрился, что-то перекусил и помчался на службу. Уже подбегая к полку, понял – опоздал. Залетел как ошалелый в вестибюль штаба полка, где дежурный по полку едва успел прокричать мне в спину: – Боря, давай живей подымайся в тактический класс, там командир всех собирает, а то ты почти опоздал.

И всё-таки в класс заскочил секунд на двадцать раньше командира полка. Под недовольным взглядом начальника штаба пробрался мимо уже сидевших товарищей и с шумом рухнул на своё место. И тут же пришлось вновь вскочить по команде подполковника Фильчукова – «Товарищи офицеры», когда в класс зашёл полковник Петров.

Командир полка, сопровождаемый взглядами подчинённых, остановился у своего стола, взялся за спинку стула, заинтересованно качнув его на задних ножках несколько раз, и поднял глаза на замерших офицеров: – Товарищи офицеры. Мною получен приказ Командующего военным округом – С четвёртого января, в течение десяти дней, провести развёртывание полка до штата военного времени, в это же время провести боевое слаживание, погрузиться в эшелоны и совершить марш железнодорожным транспортом в Чеченскую республику. – Дал нам переварить сообщение и подал команду садится.

Класс возбуждённо загудел. За два дня, как появились первые сведения, что вполне возможно мы будем развёртываться и тоже пойдём в Чечню, мы все как-то привыкли к мысли о вполне возможной отправке, но всё-таки никто до конца, не верил в это. Поэтому сообщение командира полка застало нас в какой-то степени даже врасплох. Все прекрасно видели, с каким трудом укомплектовывался соседний полк личным составом, техникой, материальными средствами. Но всё-таки у них в полку было где-то более тысячи своих солдат, то есть был фундамент, ядро на чём можно было доукомплектовывать полк. Мы же отдали самую лучшую технику, ЗИПы, отдали офицеров, а теперь самим надо укомплектовываться. Сразу появилось тысячу вопросов. Каким личным составом будем укомплектовываться? Откуда он будет поставляться: из военкоматов или из частей? Откуда нам подадут недостающую технику, материальные запасы и так далее, и тому подобное?

Полковник Петров дал нам несколько минут, для того чтобы мы быстро обменялись между собой мнениями, после чего постучал энергично линейкой по столу, привлекая к себе внимание и требуя тишины.

– Личный состав прибудет бортами, ИЛ-76ми из Забайкальского военного округа: всего полторы тысячи человек. Техნიкой, материальными запасами, офицерами и прапорщиками будем укомплектовываться за счёт нашего округа. Время до прибытия личного состава, более десяти дней, поэтому все эти дни употребить для подготовки имеющейся техники. Это сейчас наиглавнейшая задача.

Дальше командир поставил задачи на этот день. После чего закрутилась карусель. Начали вызывать офицеров на беседу в кабинет командира полка. А вскоре настала и моя очередь, где я и ещё два лейтенанта с пехоты также были вызваны к командиру. В кабинете, кроме полковника Петрова, сидели вокруг командирского стола все его замы.

– Товарищи офицеры, – обратился к нам Петров, – я как командир полка хочу услышать от вас – поедете вы с полком в Чечню или откажетесь ехать?

Так как я стоял на левом фланге нашего маленького строя, то командир обратился сначала к лейтенанту из первого батальона. Тот ответил даже не задумываясь и утвердительно, после чего Петров поблагодарил его и отпустил. Справа от меня стоял здоровенный лейтенант, двухгодичник, с устрашающей фамилией – Грозный и когда командир обратился к нему с тем же вопросом, тот на несколько секунд замялся и после недолгого колебания ответил отказом, отчего командир полка удивлённо откинулся на спинку стула.

– Товарищ лейтенант, тебе ведь с такой фамилией туда только и ехать. Да ты такой ещё сам здоровенный, что одним только своим видом распугаешь бандитов.

Лейтенант ещё больше замялся, смущённо отводя глаза в сторону и кривя лицом, а потом честно признался: – Товарищ полковник, боюсь я...

Командир с сожалением посмотрел на него и махнул рукой: – Идите, товарищ Грозный отсюда, но всё-таки подумайте. Мы ещё вернёмся к этому разговору.

Когда лейтенант вышел Петров обратился ко мне: – Ну, а ты, товарищ капитан?

– Товарищ полковник, товарищи офицеры – готов ехать, – чётко доложил собравшимся, даже ни секунды не сомневаясь.

Командир тепло улыбнулся: – Я в этом, Копытов, даже не сомневался. Спасибо. А как твои командиры взводов?

– Матвиенко нужно менять, не потянет. Да и по семейным обстоятельствам он не подходит. Мать у него не оправилась после недавней смерти своего мужа, а лейтенант единственный кормилец. Никифоров – гнильё, он уже сейчас ходит «гоголем» и заявляет, что не поедет.

Командир на мою характеристику лейтенантов только красноречиво развёл руками: – Хорошо, ты иди занимайся батареей, а командиров взводов своих давай ко мне. Я их сам хочу послушать.

Не успел я дойти до своей канцелярии, как меня догнал посыльный по штабу и, задыхаясь от бега, поспешно выпалил: – Товарищ капитан, вас срочно вызывают в кабинет командира артиллерийского полка. Зачем, я не знаю? – опередил он мой удивлённый вопрос.

... У кабинета командира арт. полка возбуждённо кучковались офицеры-артиллеристы со всего гарнизона. В основном это были командиры подразделений, тусовались здесь и политработники, но их было «раз-два и обчёлся». Поздоровавшись со всеми, я поинтересовался, что тут происходит.

Оказывается, в кабинете полковник Шпангель собрал офицеров штаба артиллерии дивизии и округа. Вызывает каждого офицера и спрашивает – Готов ли он сам лично, и его подразделение ехать в Чечню или нет? Если нет – то почему?

Дверь отворилась и из кабинета, красный как рак, вышел капитан Бондаренко.

– Ну что, Сергей? Что спрашивали? Что ты ответил? – Завалили мы его вопросами.

– Фу! – Бондаренко шумно выдохнул воздух из груди и вытер пот со лба: – Ну, блинннн... Спросили – Согласен ли я ехать в Чечню? Я сказал, что да – согласен. Спросили – есть ли какие проблемы? Я сказал, что – нет, хотя конечно слегка напомнил, что капитаном переживаю уже чёрт знает сколько лет. Тогда Шпангель сказал, что я еду в Чечню начальником штаба дивизиона и обещал присвоить звание «майор» в течение пары недель. Врёт, конечно: с «майором» за пару недель ничего не получится.

Сообщение о том, что Бондаренко назначен начальником штаба дивизиона, неприятно скребануло меня. Два месяца тому назад ко мне подошёл начальник артиллерии соседнего полка подполковник Половинкин и предложил мне стать начальником штаба дивизиона в их полку, чем немало удивил меня. Капитан Ермаков, которого они хотели поставить на эту должность и вроде бы тот был согласный, почему-то вдруг отказался и Половинкин перебрал сначала всех своих полковых офицеров, а потом офицеров других полков и непонятно по какой причине остановился на моей кандидатуре. Я долго не раздумывал и согласился. На меня сразу же начали готовить документы, а Бондарь только посмеивался: ничего, мол, Боря у тебя не выйдет. Но оформление документов пусть медленно, но шло даже несмотря на то, что начальник артиллерии дивизии полковник Прохоров, когда узнал о моей кандидатуре, был дико разъярён и вызвал к себе начальника артиллерии полка.

– Вы, что там белены объелись или охерели совсем? Ведь Копытов, командир батареи «кадра». И командовал только развёрнутым взводом, пусть даже и тринадцать лет, но он ни дня не был командиром развёрнутой батареи и у него нет опыта, а вы его предлагаете сразу на должность начальника штаба развёрнутого дивизиона. Не позволю...

Уж не знаю, как Половинкин сумел убедить Прохорова? Какие приводил доводы, но тот всё-таки сдался и дал ход документам. Узнав об этом, Бондаренко, ни слова ни говоря, напрямик направился в отделение кадров дивизии, поплакался кадровикам: о том, что он уже командует батареями пятнадцать лет, капитаном ходит тринадцать лет. Копытов же батареями командует только пять лет и столько же капитаном служит. Где справедливость? Я, мол, капитан Бондаренко, имею перед Копытовым преимущество в возрасте, службы в должности и в звании, а начальником штаба ставят почему-то его.

Сумел всё-таки Серёга разжалобить и убедить кадровиков, те надавили на Константина Михайловича Прохорова, а тот особо и не сопротивлялся, хотя к Бондаренко у него тоже были определённые претензии. Меня «зарезали» и документы переделали на моего сослуживца, но поставить Серёгу на должность не успели, так как начались Чеченские события. Я, конечно, виду не подал, что мне было обидно, но на самом деле здорово переживал и предательство друга, который вот так постарался перебить мне должность и то, что о моих деловых качествах сложилось такое нелюбезное мнение, а в отношениях с Бондаренко у меня появилась прохлада.

И сейчас, проглотив обиду, я стоял в коридоре, ожидая, когда вызовут меня. Всё меньше и меньше оставалось в коридоре офицеров. Они заходили в кабинет, и вскоре выходили: кто решительным шагом уходил выполнять и дальше свои обязанности, кто старался быстро прошмыгнуть мимо нас, потому что только что отказался ехать на войну.

Но вот в коридоре остался я один, минут пять назад вышел очередной офицер – отказник. Со **злостью** хлопнул дверью и стремительно убежал. Дверь от удара слегка приоткрылась и мне представилась возможность слышать, что там происходит. Разговаривали в основном полковник Шпангель и генерал-майор Фролов, которые обсуждали перспективы службы офицеров, отказавшихся ехать в Чечню.

– Все, что ли? – Спросил Шпангель.

Кто-то из офицеров выглянул в коридор, посмотрел на меня и скрылся за дверью: – Там в коридоре только Копытов остался.

– Ладно, на этом заканчиваем, пусть идёт к себе в полк, – распорядился начальник ракетных войск и артиллерии округа.

Я был ошарашен таким решением. Опять меня проигнорировали. Никто не хотел даже знать моего мнения, а я ведь нормальный офицер и никогда не прятался от трудностей, а наоборот шёл им навстречу. И сейчас просто развернуться и уйти, оплётанным, никому не нужным...! А куда тогда девать двадцать два года военной службы, учения, полевые лагеря. Зачем меня тогда государство готовило? Посылало служить за границу? Мне стало жарко от вихрей мыслей, которые охватили меня.

В кабинете послышались шаги и из дверей выглянул генерал-майор Фролов, несколько долгих секунд смотрел на меня и, наверно поняв моё состояние, скрылся обратно в кабинете. Я решительно подошёл к дверям и приоткрыл их, чтобы услышать, что будут сейчас говорить.

– Сергей Львович, давайте выслушаем капитана Копытова, – решительно сказал генерал.

– А чего его слушать? И так ясно, что откажется, – заговорил недовольно Шпангель, – у него квартира есть, пенсию заработал. Какой смысл ему ехать в Чечню?

– Вот если откажется, – гнул свою линию Фролов, – тогда и уволим. А сейчас, давайте выслушаем его.

Наступила томительная пауза, после которой послышался раздражённый голос начальника: – Копытов! Заходи сюда.

Я зашёл в кабинет и посмотрел на присутствующих офицеров. Все избегали смотреть на меня, как будто стыдились, ожидая от меня очередной отказ. Полковник Шпангель тоже уткнулся в какие-то свои бумаги на столе, только генерал-майор Фролов открыто и прямо смотрел на меня.

– Товарищ капитан, готовы вы ехать в Чечню для восстановления конституционного порядка? – Почти пробурчал себе под нос Шпангель, не отрываясь от бумаг.

– Так точно, товарищ полковник. – Чётко доложил я. Все удивлённо вскинули головы, а Шпангель оторвал взгляд от бумаг и с недоумением воззрился на меня.

– Что «так точно»: не готовы или готов?

– Готов, товарищ полковник, выдвинуться в Чечню для наведения конституционного порядка. – С вызовом заявил я.

В кабинете повисло многозначительное молчание, а присутствующие уже с интересом и любопытством уставились на меня, ожидая продолжения разговора, и он начался.

– Копытов, не понял? – Завёлся с полуоборота начальник. – Квартира у тебя есть, пенсию ты заработал. Зачем тебе это нужно?

– Товарищ полковник, я нормальный русский офицер и готов выполнить любой приказ командования и пенсия с квартирой здесь не причём.

– Копытов, ты наверное не понял? Я тебе не повышение предлагаю. Ты поедешь в Чечню в должности командира своей противотанковой батареи.

– Товарищ полковник, я готов ехать в Чечню в должности командира противотанковой батареи, – произнёс это с такой твёрдостью в голосе, которая наверно убедила Шпанегеля больше чем мои слова.

– Хорошо, товарищ капитан. Вы меня убедили. – Шпангель повернулся к одному из своих полковников, – товарищ полковник, запишите себе: в течение двух недель подыскать ему должность начальника штаба и включить в приказ на очередное воинское звание «майор».

– Но едешь ты, всё равно командиром противотанковой батареи, – произнёс это, уже глядя на меня, начальник.

– Товарищ полковник, – попытался запротестовать я, – да, не ради звания «майор» и должности еду....

– Всё, Копытов, молчать, – оборвал меня полковник, – через две недели будешь майором. Иди.

– Есть. – Повернулся и вышел из кабинета. Только в коридоре понял, что я насквозь мокрый от этого разговора. Теперь-то мне стало понятно, почему Бондаренко вышел весь в поту. Видать ему тоже должность начальника штаба дивизиона не просто далась. Я повернулся на звук открывшейся двери. Из кабинета вышел генерал Фролов, подошёл ко мне и пожал руку.

– Молодец!

Чувство безмерной благодарности к генералу охватила меня: – Спасибо, товарищ генерал. Никогда не забуду вашей поддержки и не подведу вас.

Генерал по-отечески похлопал меня по плечу и ласково подтолкнул к выходу: – Иди, Копытов, занимайся своими делами.

Взбудораженный, состоявшимся разговором и незаметно для себя я оказался в канцелярии батареи, где меня ожидали угрюмые командиры взводов. Лишь через несколько минут, приведя свои чувства и мысли в порядок, спросил у них – Были ли они на беседе у командира полка?

Матвиенко тяжело вздохнул: – Были, товарищ капитан. Я объяснил причины, по которым не могу ехать в Чечню.

Перевёл взгляд на Никифорова и тот нервно вскочил:

– А я заявил о несогласии ехать и высказал свою позицию по данному вопросу. – И тут же сел обратно на стул.

В течение минуты я молчал, пытаюсь взять себя в руки. Несмотря на моё личное негативное отношение к Никифорову, относился к нему всё-таки достаточно ровно и лояльно. Старался не обращать внимание на его «псевдодемократические заскоки и завихрения», считая, что всё это пройдёт само собой со временем. Даже когда ругал его за какие-нибудь провинности, или какие-либо высказывания и необдуманные до конца поступки, даже тогда высказывал ему замечания или своё неудовольствие в корректной форме. Но сейчас сдерживаться не стал, да и не хотел. Я медленно поднялся из-за стола.

– Встать! Смирно, ЛЕЙТЕНАНТ! – Тихо, но жёстко приказал я, отчего Никифоров стремительно поднялся со стула и мгновенно принял строевую стойку. Вслед за ним также быстро поднялся и застыл по стойке «Смирно» и Матвиенко, хотя команда относилась только к Никифорову.

– Никифоров! – Я сильно стукнул кулаком по столу, – посмотри на меня... Только внимательно и вдумчиво посмотри... Ты, что сволочь, думаешь, что у меня родители алкоголики? Или я воспитывался в какой-то ненормальной коммуне? Или ты думаешь, что я раб в военной форме и безропотно иду на убой, выполняя приказы нашего продажного правительства? Может, ты думаешь, что я коммунист-фанатик? – Это были чисто риторические вопросы, на которые ответа от Никифорова совсем не ждал. Угрожающе медленно вышел из-за стола и вплотную подошёл к подчинённому.

– Так вот, товарищ лейтенант, – продолжил тихим голосом, едва сдерживая бешенство, но с каждым словом повышая тональность, – родители у меня нормальные советские люди, которые правильно меня воспитали. Учился в нормальной советской школе, где также воспитывали и прививали высокое отношение к чувству долга перед Родиной, страной и к её гражданам... И жена у меня отличная мать и женщина, которая кстати тоже не хочет, чтобы я ехал в Чечню, но она говорит: прикажут – езжай. И дети у меня не олигофрены. Понятно? Все эти десять дней, как соседний полк уезжал, я чувствовал себя ущербным, потому что мне никто не предлагал ехать туда. И полчаса тому назад, в кабинете высокого начальника, меня поставили почти на одну с тобой доску, не поверив в мою готовность выполнить то, для чего я предназначен как военный. Мне сейчас для того, чтобы ехать в Чечню, пришлось доказывать, что я хочу и должен ехать... Что хочу ехать со своим полком... И еду туда не мирное население убивать, как ты тут бегаешь и треплешь языком на каждом углу, а бороться с бандитами, которые убивают, насилуют, грабят и выгоняют из своих домов, квартир русских. Вот за них и еду воевать. Еду, чтобы любой враг не пришёл сюда и не изнасиловал мою жену, не убил моих близких, да и твоих тоже. И таких, как я – большинство. Скажу тебе больше. Если бы ты даже согласился ехать, то я бы всё сделал, но отказался от тебя. Потому что не верю тебе. Такие как ты, сдаются в плен и становятся предателями.

Я стоял напротив Никифорова и всё это, даже не заметив, уже выкрикивал в лицо командиру взвода. Он же, побагровевший, хлопал беззвучно губами, пытаясь что-то ответить или возразить мне.

– Молчать, Никифоров! – Раздельно и угрожающе произнёс я, – если ты сейчас что-то попытаешься возразить или оспорить мои слова, я просто заеду тебе в морду. Ни как русский офицер, а как нормальный русский мужик.

Я уже спокойно смотрел ему в глаза – так как запал весь прошёл. Всю свою злость, обиду и ярость выбросил в крике, но про себя всё-таки решил: если он, что-то сейчас вякнет. Знаю..., побежит в прокуратуру, но всё равно врежу ему по роже. Это же наверно увидел в моих глазах и Никифоров, поэтому благоразумно промолчал. Я посмотрел на побледневшего Матвиенко, стоявшего рядом, затем резко развернулся и сел за стол.

– Вольно. Садись! – Скомандовал я.

Но Матвиенко и Никифоров продолжали стоять, не решаясь сесть.

– Я, что неясно сказал? Проехали..., садись....

Офицеры осторожно присели за стол. Я тоже постепенно успокоился: – Никифоров, всё что я здесь произнёс, это не ради красного словца было сказано: я так думаю на самом деле и мне на самом деле глубоко наплевать на тебя. Но если всё-таки не поедешь, то ты и ты Матвиенко, пока не увидите меня в вагонном окне, пока я вам оттуда не помахал рукой – вы должны пахать, пахать как лошади. Вам это ясно?

Командиры взводов молча и синхронно кивнули головами.

– На сегодня следующая задача. Сейчас идёте в парк. На полу хранилища выкладываете весь ЗИП со всех противотанковых установок. Не трогаете только ЗИПы командирских машин – там всё в порядке. Берёте комплектовочные ведомости и к завтрашнему обеду выдаёте мне по списку: чего у нас по инструменту не хватает. До ключика. Вопросы есть? Нет? Идите, выполняйте.

Сам остался в канцелярии и после недолгого раздумья пододвинул к себе рабочую тетрадь. И после длительных размышлений к вечеру у меня был готов план мероприятий по подготовке противотанковой батареи к убытию в Чечню объёмом в семьдесят пунктов. Основным, конечно, пунктом была заводка двигателя, проверка работоспособности пусковых установок и работа на технике. Остальные пункты были в принципе мелочными и легко выполнимыми. Надо было заготовить стандартные листы, карандаши, тетради – то есть, заготовить всё, что

будет необходимо для жизнедеятельности батареи, а не метаться там в поисках нужного. Куда это сложить и так далее, и тому подобное.

Со следующего дня всё завертелось. Такие же планы, оказывается, не только я составил, они были практически у всех командиров подразделений полка. Все также дружно ринулись в парк и начали проверять технику заводкой, тем более, что нам опять везло с погодой. На улице, после небольшого похолодания, снова стояла температура $-1-2$ градуса мороза. С серого, как солдатская шинель, покрытого унылыми облаками неба, сыпался то дождь, то снежная крупа. А я каждое утро, с командирами взводов из Пункта Технического Обслуживания, забирал подготовленные аккумуляторы, тащил их в бокс. Там залезал через боевое отделение в узкий люк двигательного отсека и в течение трёх часов, пока не заводил установку, находился в весьма неудобном лежачем положении. Сложность была в том, что к клеммам АКБ нужно было подсоединить семь проводов: два на минус и пять на плюс. У меня раньше они были заведены на болты, но после того как при обслуживании техники чужими солдатами, болты были раскручены, и мне пришлось всё это, методом «тык» делать заново.

После того, как машина заводилась, я начинал проверять пусковую установку: работу горизонтальных и вертикальных механизмов, а затем выезжал из бокса и делал контрольный круг по парку. И приступал к следующей машине. В день удавалось завести две, максимум три машины. А ведь помимо всего приходилось ещё участвовать в полковых мероприятиях и ходить на дежурства.

Домой приходил уже выжатым усталостью, как лимон и сил хватало только на то чтобы посмотреть программу «Время» о событиях вокруг Чечни. После чего падал на постель и забывался в тяжёлом сне. А с утра всё по новой. Через несколько дней я срочно был вызван к начальнику ракетных войск и артиллерии округа в кабинет командира артиллерийского полка. Необходимо было срочно представить ему на беседу моего отказника Никифорова и ещё одного офицера-отказника с артиллерийского дивизиона. С ними полковник Шпангель ещё не беседовал.

Я вёл их через плац и инструктировал: – Товарищ Никифоров, в беседе с полковником Шпангель попрошу вас высказываться без излишней фанаберии и других ваших псевдодемократических штучек. Ну, а вам, товарищ лейтенант, чего советывать: если вы не хотите ехать – так и скажите ему.

Лейтенант с дивизиона очень боялся предстоящего разговора и всё больше, и больше впадал в не хилую панику: – Товарищ капитан, ну как ему об этом сказать? Подскажите мне, ведь вы уже с ним общались, – ныл всю дорогу несчастный лейтенант.

Как только завёл офицеров в кабинет, так Шпангель гневно спросил: – Копытов, кто из них Никифоров?

– Товарищ лейтенант, – начал грозно вещать полковник, после того как я представил Никифорова, – да вы подлец, да ещё какой. Ваши товарищи, ваш командир батареи едут выполнять свой конституционный долг, а вы в кусты. Да вы..., – дальше последовали резкие рассуждения о личности Никифорова. В основном эти рассуждения носили негативно-красочный характер, при этом виртуозно были присовокуплены все сказочные образы, и другая «народная» лексика. Никифоров попытался оспорить эти суждения, но быстро заткнулся и только краснел или бледнел от очередного высказывания начальника. А Шпангель в ходе своего монолога частенько обращался за поддержкой к молчавшему лейтенанту с дивизиона и тот также молча кивал головой, как бы поддерживая позицию начальника. Такой концерт продолжался около двадцати минут, пока полковник не обратился к лейтенанту с дивизиона:

– Вот скажите, товарищ лейтенант, этому негодяю, дезертиру и трусу. Есть у вас жена и ребёнок? – Лейтенант обречённо и молча мотнул головой.

Полковник обрадовался: – Во... Вот и скажите этому молодому и бестолковому человеку, у которого нет семьи и ничего его здесь, в принципе, не держит – Ваша жена хочет, чтобы вы ехали в Чечню?

Лейтенант с трудом разлепил пересохшие губы и сиплым от волнения голосом произнёс: – Товарищ полковник, моя жена не хочет, чтобы я ехал туда. И я тоже отказываюсь туда ехать – не хочу...

Шпангель в изумлении уставился на него, потом зло плюнул и повернулся ко мне: – Копытов, ты кого привёл? Ты..., кого привёл ко мне...?

– Товарищ полковник, за лейтенанта с дивизиона ничего не буду говорить, а лейтенант Никифоров по своим деловым и моральным качествам мне и сам не нужен. В присутствии его и говорю – гнилой он.

Полковник устало махнул рукой: идите, мол, отсюда. Повернулся и пошёл за стол.

– Кругом! – Скомандовал я, и мы вышли из кабинета.

В течение нескольких дней начала вырисовываться картина дальнейших наших действий. Действительно, 4 января ожидалось с ЗабВо четыре самолёта с полутора тысячами солдат, которых уже подбирали там и готовили к отправке. Старшим, по формированию моей противотанковой батареи, был назначен командир противотанкового дивизиона подполковник Саенко Григорий Иванович. Мой сосед по подъезду. Его дивизион готовил для моей батареи помещение и лично Саенко отвечал перед Шпангелем за подготовку батареи. Надо сказать, что Саенко, мягкий и нерешительный по характеру, жутко боялся полковника и в первые же сутки заколебал меня своей опекой и навязчивостью до такой степени, что я был вынужден поговорить с ним довольно жёстко.

– Товарищ подполковник, вот вы готовите для моей батареи помещение – вот и готовьте. Я туда не вмешиваюсь и вы тоже не вмешивайтесь в мои дела. Я командир противотанковой батареи, и я отвечаю за неё. Понадобится мне ваша помощь, поверьте – обязательно обращусь к вам, а так не мешайте мне.

Но, честно говоря, несмотря на всю мою решительность и апломб, чувствовал себя – не уверенно, хотя этого на людях старался не показывать. Действительно, я командовал противотанковой батареей пять лет. За это время перевооружался три раза. Сначала у меня на вооружении были 76 миллиметровые пушки, потом 85 мм. Через год всё это сдал и получил 100 миллиметровые пушки. А в 1991 году получил противотанковые установки 9П148, на базе БРДМ-2. Честно говоря, я их не знал, и за четыре года ни разу из них не стрелял: на меня просто не выделяли ракет. Бегал в соседний полк к Мишке Гаджимурадову, который командовал там развёрнутой противотанковой батареей и по праву считался опытным специалистом, так как каждый год стрелял. Но все эти мои попытки получить урывками определённые знания и навыки не давали должного результата. Чисто теоретически знал в принципе всё, но без практики всё это было мёртвым грузом. А ведь придут солдаты, командиры взводов наверняка будут двухгодичники и мне их придётся в сжатые сроки обучить и идти может быть в бой. А я сам был круглым нулём. В довершение ко всему, когда поступила команда выгнать технику батареи из бокса, поставить их в колонну около Контрольно Технического Пункта и быть в готовности перегнать в парк противотанкового дивизиона, я смог выгнать только пять противотанковых установок из девяти, и все четыре командирских БРДМ-2. Остальные установки, встали в боксе насмерть – не заводятся и ВСЁ. А ведь помимо этой техники, мне должны поставить в батарею ещё взвод визирования с тремя БМП, в которых я вообще «не рубил». А также два автомобиля для перевозки боеприпасов, в знании которых тоже был «чайником». Короче, было отчего чувствовать себя неуверенно.

В канун Нового года командир полка довёл до меня, что взвод визирования не будет развёрнут и это меня хотя бы несколько успокоило.

Празднование Нового года прошло невесело. Да и чего было веселиться. Семья знала, что через пару недель я уйду на войну, а вернусь ли оттуда – это был довольно большой и острый вопрос. И даже когда вернусь – тоже был ещё тот вопрос. Сам же я был вымотан до предела. Посидели за столом. Немного выпили. В 12 часов выскочили на балкон. А на улице +1 и идёт дождь. Запустили фейерверк и пять минут первого зашли обратно в комнату. Тогда никто из нас ещё не знал, что полк соседей в это время ведёт бой на улицах Грозного и уже есть первые убитые, раненые, искалеченные и пропавшие без вести.

Посидев за столом ещё полчаса, я ушёл спать.

В десять часов утра на следующий день встретился, как и договаривались, в парке с командирами взводов и попытались завести ещё раз «мёртвые» противотанковые установки. Но, напрасно промучившись на лёгком морозце три часа, я плюнул на это дело, отпустил взводников и сам тоже ушёл домой.

Второго января, получил приказ перегнать установки в парк противотанкового дивизиона. Заводил БРДМ и на небольшой скорости, по снежной, грязной жиже, так как на улице стояло +2 градуса, перемещался на новое место. Вечером на совещании удручённо доложил о перегоне только пяти противотанковых установок и четырёх командирских БРДМ-2.

Выслушав доклады остальных командиров подразделений о проделанной работе, полковник Петров поставил задачу на следующий день.

– Завтра, в четырнадцать часов Командующий округом собирает нас в клубе артиллерийского полка. Собирает всех. Отказников тоже. Туда же будут доставлены к этому времени офицеры и прапорщики с других гарнизонов, для доукомплектования полка командным составом. Вполне возможно Командующий захочет выслушать доклады всех начальников служб и командиров подразделений. Так что будьте готовы к возможным вопросам. Завтра это будет наиглавнейшая задача.

И вот «завтра» наступило. В половине второго мы уже собрались перед клубом артиллерийского полка, сбились в кучки, курили, разговаривали. Я же отвёл своих командиров взводов в сторону.

– Дима, Никифоров. Слушайте меня внимательно, чтобы для вас потом не было неожиданностью то, что я скажу Командующему насчёт каждого из вас, если меня спросят. Дима, для того чтобы безболезненно отмазать тебя от Чечни, в своём докладе сгущу насчёт тебя краски, так что не обижайся, когда ты кое-что услышишь весьма неприятное для себя. Ну, а про тебя Никифоров скажу то, что думаю, без всяких прикрас. Извините, но мне там нужны нормальные командиры взводов, на которых смогу в боевой обстановке твёрдо опереться. Вам ясна моя мысль? – Взводные одновременно кивнули головами.

– Товарищ капитан. – Послышался из-за спины глухой голос. Я обернулся: передо мной стоял, покачиваясь из стороны в сторону, невысокого роста, крепко сбитый, с небольшими усиками, старший лейтенант, с лихо заломленной шапкой, – мне сказали, что вы командир противотанковой батареи.

– Да. А что нужно?

Старлей сильно качнулся в сторону и на какое-то мгновение мне показалось, что он сейчас упадёт, но сделав над собой усилие, он выровнялся, неловко приложил руку к головному убору и заплетающимся голосом отрапортовал: – Старший лейтенант Кирьянов. Назначен к вам на должность заместителя командира батареи по воспитательной работе. – Последние слова он выговаривал уже с трудом, еле ворочая языком. То что он был пьян, и не просто пьян, а пьян в «сисю», было видно даже за километр.

– Товарищ старший лейтенант, да вы же пьяны, – с горечью констатировал я данный факт.

– Товарищ капитан, ну... Пока ехали с Чебаркуля. Останавливались по дороге..., я и не заметил, как напился. – Бормоча слова оправдания, Кирьянов старательно таращил глаза

и прилагал большие усилия, чтобы не шататься и выглядеть как все, но это у него плохо получалось.

Я огляделся, из машин, которые подъезжали на плац артиллерийского полка, выгружались офицеры и прапорщики, прибывшие для укомплектования полка из различных гарнизонов. С шумом и гамом, нагруженные вещами, они жизнерадостно валили по дорожке к клубу, входили в двери и исчезали в его недрах. Сразу бросалось в глаза, что половина из них была сильно пьяная, а вторая половина просто «датая». Они были веселы и воспринимали всё происходящее, как очередное весёлое, военное приключение. Многие из них ещё не знали того, что знали мы. Утром на совещании Петров рассказал, что звонил из Грозного командир соседнего полка в дивизию и в округ. Полк в ночь с 31 декабря на 1 января, когда мы отмечали Новый год, вступил в бой и понёс большие потери: десятки убитых офицеров и солдат, подбитая и уничтоженная на улицах города техника. И есть тяжело раненный офицер нашего полка – Колька Сыров. Обстоятельства ранения командир обещал уточнить. Поэтому мы: офицеры полка, уставшие и вымотанные подготовкой своих подразделений, скептически смотрели на этих пьяных ухарей.

– Товарищи офицеры, всем зайти в клуб. – Послышалась команда начальника штаба полка с крыльца. Зал встретил нас разноголосицей и шумом, вновь прибывших, которых офицеры штаба округа рассаживали на галёрке. Нам же, командир полка указал несколько рядов около сцены. Я усадил слева от себя командиров взводов, а справа замполита. Вид у него был уже совсем осоловевший и его быстро развозило в тепле, но он что-то ещё пытался мне рассказывать.

– Тебя как зовут, замполит? – Задал ему вопрос.

– Алексей, – потом немного подумал и добавил, – Иванович...

– Так вот, Алексей Иванович: сидишь и молчишь. Ты понял? – Кирьянов тяжело мотнул головой и через минуту его голова склонилась на грудь и он, тихо засопев, заснул. Хорошо, что перед ним сидел офицер с широкой спиной, из-за которой со сцены он никому не был виден.

В третьем часу в зал вошёл Командующий округом. Вместе с ним на сцене за столом расположились его замы, и мероприятие началось. Сначала Командующий в течение нескольких минут довёл ту обстановку, которая сложилась в Грозном и в частности с полком, убывшим перед нами. Заострил внимание, что полк понёс большие потери, после чего поднял командира полка и выслушал его доклад. Как и предполагал Петров, Командующий стал поднимать каждого начальника службы: выслушивал его, задавал вопросы, уточняя какие-либо моменты. А потом стал поднимать и заслушивать командиров подразделений.

Совещание длилось уже третий час без перерыва, когда очередь дошла до меня. Потный от волнения и духоты, я доложил о проблемах, какие были у меня с техникой. Командующий внимательно слушал, что-то быстро записывая к себе в блокнот.

– Всё у вас? – Спросил он.

– Товарищ Командующий, у меня проблема с командирами взводов. По списку у меня два командира взвода. Лейтенант Матвиенко, – Дима вскочил со своего места и вытянулся в струнку, – мать у него находится в нестабильно-тяжёлом состоянии после перенесённого инфаркта, вызванного смертью мужа, то есть отца лейтенанта. Родственников никого нет. Лейтенант Матвиенко содержит её, и является единственным кормильцем. По складу характера мягкий, в какой-то степени безвольный. Прошу его отставить от Чечни.

– Лейтенант Никифоров, – тот тоже вскочил и замер, – по своим деловым и моральным качествам характеризуется крайне отрицательно. Можно сказать – «гнилой». Способен в любой момент подвести. Отказался, если так можно выразиться, по своим демократическим убеждениям, участвовать в восстановлении конституционного порядка в Чечне. Я ему не верю. Прошу вместо него другого командира взвода.

Командующий протестующе поднял руку и остановил меня: – Что-то у вас, товарищ капитан, все плохие. Так не бывает.

– Товарищ Командующий, мне ехать воевать, а не нянчиться с ними там и перевоспитывать. В военном отношении они никакой ценности в данный момент не представляют.

На первом ряду приподнялся полковник Шпангель и стал делать мне страшные глаза и корчить грозные рожи, типа требуя – Прекрати, мол, спорить с Командующим....

А Командующий поднял руку с зажатой в ней ручкой и обратился к сидящим в зале: – Я хочу сразу предупредить всех отказников: кадровых офицеров мы будем беспощадно увольнять. Но вот против офицеров, которые призваны на два года службы и отказались – будем возбуждать уголовные дела. Радуйтесь, что сейчас не военное время, тогда всё было бы в отношении отказников по-другому – просто и более жёстче. Ну, а для тех кто уезжает. Будет создана комиссия, которая рассмотрит все ваши проблемы: квартиры, звания, должности, задолженности по деньгам. Конечно, всё, что в наших силах и возможностях, – Командующий что-то ещё черкнул в блокноте и поднял голову. – У вас есть ещё что-то, товарищ капитан?

Я глубоко вздохнул и высказал наудачу затаённое желание: – Товарищ Командующий. У меня в батарее по штату девять противотанковых установок, четыре командирских БРДМ и два автомобиля. Всего – пятнадцать единиц техники. Больше чем в любом линейном подразделении. У них зампотехи есть, а у меня нет. Прошу вас ввести своей властью на время командировки должность зам. по вооружению командира батареи.

Шпангель опять возмущённо засемафорил мне рукой со своего места: садись – балбес, что ты просишь? А все присутствующие повернули с любопытством ко мне головы, но Командующий рассмеялся: – Ну, что ж, пользуйся моментом. Офицера тебе не дам, а техника батареи выбери себе из резерва. Всё..., всё, садись капитан.

Сел с огромным облегчением и больше просить ничего и не собирался, а через час всё закончилось и офицеры потянулись на выход перекурить. Я вышел в просторное фойе, где уже были расставлены столы, за которыми и происходило комплектование полка офицерами и прапорщиками. Переходя от стола к столу, добрался до офицера артиллериста и задал ему вопрос о новых командиров взводов.

– Капитан, погуляй немного. Команду насчёт тебя дали, но я пока не владею полной информацией: кто и откуда прибыл.

Как только отошёл от стола артиллериста ко мне подскочил высокий и худощавый прапорщик и бойко представился.

– Товарищ капитан, прапорщик Пономарёв. Назначен к вам старшиной батареи. Товарищ капитан, я слышал ваше выступление насчёт командиров взводов и техника батареи. Правильно вы сказали.

Внимательно осмотрел стоящего передо мной старшину. То, что он в возрасте, это неплохо – может быть он хозяйственный, но вид у него как у простого работяги, которого призывали прямо от станка, причём хорошо пьющего. Я его, конечно, не знаю, но мне не нравятся люди, которые сразу в открытую льстят.

– Товарищ прапорщик, откуда вы?

– Я прибыл из Еланского гарнизона, там служил тоже старшиной, но только в ракетной бригаде.

– Старшиной служите давно?

Прапорщик замылся: – Да нет, я в армии только пять лет. Из них только год старшиной.

– Вы что с гражданки пришли в армию?

– Нет. До армии служил в милиции. Капитан, был участковым в Каменске-Уральском. Но по некоторым обстоятельствам уволился и перешёл в армию.

– Ну, хорошо, об ваших обстоятельствах поговорим попозже, главное чтобы вы были не запойным. – Я поднял руку и остановил, запротестовавшего было Пономарёва, – сейчас

найдем одного подполковника и вы примите у него расположение нашей батареи: завтра уже прибывают солдаты.

Мы начали медленно продвигаться по фойе клуба и через пару минут нашли подполковника Саенко.

– Григорий Иванович, вот мой старшина, прапорщик Пономарёв. Ведите его в расположение и передайте имущество и помещение. – Я повернулся к старшине, – всё принять по акту и внимательно, потому что через пару недель всё это придётся передавать обратно. Я попозже подойду туда уже с офицерами.

Отправив старшину с командиром противотанкового дивизиона, сразу же ринулся к столу технарей, где, как видел, сидел знакомый мне офицер, для того чтобы выбить себе нормального техника. Только протиснулся к столу и поздоровался с ним, он махнул рукой на зал: – Боря, иди в зал, там сидит резерв, оттуда и подбери себе техника. Потом подведёшь его ко мне, чтобы я отметил, что он к тебе пошёл.

На галёрке зрительного зала дисциплинированно сидело около пятидесяти офицеров и прапорщиков – так называемый резерв, которые выжидающе уставились на меня, когда остановился по середине прохода и повернулся к ним.

– Я командир противотанковой батареи. Мне нужен техник батареи. На вооружении стоят тринадцать БРДМ-2 и будет ещё два автомобиля – какие не знаю. Желаящие есть идти ко мне? Также мне нужны и командиры взводов, – теперь я уже выжидающе смотрел на притихший резерв.

Через минуту молчания, когда я уже решил было не тратить время на эту аморфную массу, из кресел поднялись два лейтенанта, следом за ними ко мне подошёл и прапорщик. Все представились. Прапорщик Карпук Игорь: прибыл с артиллерийского училища. Хочет быть техником батареи. Лейтенанты Жидилёв и Коровин: закончили Челябинский сельскохозяйственный институт и на военной кафедре изучали именно противотанковую установку 9П148. Командирам взводов сразу же задал несколько контрольных вопросов по противотанковой установке, и обрадованный обстоятельными ответами, повёл их к столу артиллеристов, где меня ждал третий командир взвода – лейтенант Мишкин с Шадринского гарнизона. Записав у автомобилистов и Карпука, я всех, в том числе и более-менее протрезвевшего замполита повёл в расположение батареи. Противотанкисты потрудились на славу, всё было готово к приёму личного состава. Старшина по передаточной ведомости принял имущество и помещения, которую мы тут же подписали. Быстро решил с Григорием Ивановичем, что наряд по расположению будет стоять его, после чего Саенко ушёл, а я собрал офицеров и прапорщиков в комнате, которую определил под их проживание. Обвёл взглядом притихших офицеров, которые ждали, что скажет уже их командир батареи. И начал ставить задачи.

– Завтра прибывают из Забайкальского округа солдаты. Сразу же хочу сказать, что если вы думаете, что оттуда придут нормальные и подготовленные бойцы, то вы капитально ошибаетесь. Сейчас в Забайкальском военном округе лихорадочно собирают всех, кто им не нужен – хулиганов, пьяниц, наркоманов, лохов, оленей, дебилов и всех их скопом спокойненько спихнут к нам. Поэтому, из этого вытекает следующая задача: солдат загрузить работой и задачами так, чтобы у них была только одна мысль – СПАТЬ! СПАТЬ! И ещё раз СПАТЬ! Больше у них других мыслей не должно быть. Изучить личный состав. Выявить среди них слабых, за которыми нужен контроль, и сильных, на кого можно опереться, и которых тоже надо будет контролировать. И каждые пять минут вбивать им в голову, что они едут на войну и от каждого из них может зависеть жизнь другого или других солдат и офицеров. Остальные задачи будем выполнять по мере их поступления.

Дальше обрисовал состояние техники батареи в настоящее время. И примерно, какие мероприятия нас ждут. Заканчивая постановку задачи, сказал: – У вас сегодня ещё есть время до прибытия солдат. Разрешаю его употребить на решение своих личных проблем и до зав-

трашнего обеда я вас не трогаю. Но сразу же предупреждаю: в батарее на время боевого слаживания – сухой закон. Разрешаю сегодня вечером посидеть за бутылочкой и перезнакомится, но такого как сегодня, Алексей Иванович, не должно повториться. Кстати, я сейчас ухожу на совещание, ты как мой зам – здесь старший.

– Товарищ капитан, больше такого не повторится. Я ведь вообще-то не пью, может, поэтому так и напился сегодня. – Виновато доложился замполит.

На совещании каждый доложил командиру полка о получении в подразделения офицеров. В принципе, командным составом полк укомплектовали. Осталось принять личный состав.

4 января мы с утра опять собрались в клубе арт. полка и начали ждать первого самолёта, который уже был на подходе к Екатеринбург. Какие подразделения летели первым бортом, никто не знал. А через два часа после приземления на плац арт. полка въехала автомобильная колонна с первой группой – четыреста солдат. Их быстро разгрузили и завели в клуб. Оказалось, что прибыл первый батальон и стало известно, какие подразделения, каким бортом идут. Моя противотанковая батарея должна была прибыть последним самолётом. Отправив своих офицеров на технику, я остался с замполитом наблюдать за приёмом личного состава других подразделений, чтобы избежать каких-либо ошибок при приёме противотанковой батареи.

Целый день, слоняясь по фойе клуба, наблюдал, как проходило комплектование подразделений. А моего самолёта всё не было и не было. Наступил вечер, и лишь тогда стало известно, что личный состав батареи прибывает где-то в районе трёх часов ночи. Так оно и получилось. В три часа я и остальные офицеры и прапорщики батареи стояли напротив рядов кресел, где смиренно сидели наши будущие подчинённые с вещмешками на коленях. Проверил их по списку, который мне дал прибывший с ними офицер ЗабВо. Спросил, есть ли вопросы у солдат по укомплектованности их вещевым имуществом. Вопросов не было и претензий **к передающей** стороне тоже и я тут же подписал офицеру акт о передачи личного состава. Представился сам, представил офицеров и прапорщиков батареи. В последующие двадцать минут разбил их повзводно и по отделениям. После чего дал время командирам взводов переписать свой личный состав. Как бы не старался ускорить приём личного состава, чтобы дать им и себе хоть немного поспать, но спать их положить сумел лишь без пятнадцати шесть. А через пятнадцать минут командой «Батарея Подъём!!!» их поднял, начиная претворять в жизнь свой план, заколебать их только до одной единственной мысли – СПАТЬ! СПАТЬ! И ещё раз СПАТЬ!

В течение часа, приведя их в порядок и на построении выяснив, что солдаты практически все знают песню «Не плачь девчонка», повёл батарею с заливчатской песней в столовую 276 полка, чем немало удивил командование не только полка, но и дивизии, которое присутствовало на приёме пищи. После завтрака на общем построении полка прибывшим солдатам и сержантам было представлено командование полка и как это водится, выступил с речью сам командир. После чего все были распущены и предоставлены командирам подразделений для окончательного формирования.

Построил батарею в коридоре казармы и оглядел замерших в строю солдат и офицеров. Вот они стоят передо мной, разные по характеру, возрасту, воспитанию и подготовке. Каждый из них имеет своё мнение о мире, в котором он живёт и в соответствие со своим видением и пониманием этого мира каждый в нём устраивался по-своему. И отношение у них ко всему, что происходит вокруг них тоже разное. Кто уже испытал любовь к женщине, а кто-то нет. Кто-то верит нам офицерам, даже новым и незнакомым, а кто-то смотрит на нас волком. Вот стоит рядовой Чудинов – я уже знаю, что до армии он отсидел в тюрьме, и сейчас смотрит на меня с вызовом, потому что для него все офицеры – «западло». В строю второго взвода стоит сержант Кабаков – по кличке «Мальш». Он действительно, по внешнему виду смотрится лет на четырнадцать, а ведь он командир противотанковой установки. Можно ли на него в бою опереться или он спасует? Или водитель БРДМ в третьем взводе рядовой Снытко: сразу видно, что это

– Бестолочь. Как уже успел узнать вечно грязный и неряшливый, к тому же и бестолковый. И все эти люди волею судьбы и приказом командования собраны в одно подразделения для решения боевых задач и как они поведут себя там – в бою, во многом будет зависеть от меня – командира противотанковой батареи. Я ещё раз пробежал взглядом по строю, уже зная, что скажу своим подчинённым.

– Товарищи солдаты, пришло время рассказать вам о себе. Рассказать вам о том, чего хочу добиться от вас и каким путём буду это делать.

Родился я в 1955 году. В 1973 году был призван в Советскую Армию. Так что мой ДМБ был в 1975 году. Служил срочную в Германии. На дембель не пошёл, а пошёл в школу прапорщиков. После неё до 1982 года служил там же в ГДР. В 1982 году по замене попал сюда служить: в артиллерийский полк. Так как я закончил артиллерийское училище экстерном, мне в 1984 году было присвоено воинское звание лейтенант. В 1986 году был направлен для службы в Республику Куба, где служил в должности начальника разведки одного из учебных центров. Там служил до 1989 года. Потом вернулся сюда обратно и вот уже почти пять лет я командир противотанковой батареи. Свою биографию вам рассказал для того, чтобы показать, что я далеко не новичок в армии. Имею достаточный опыт и прошёл хорошую военную школу. Постоянно командовал солдатами и солдатскую службу, солдатскую жизнь знаю не понаслышке. И если у кого-то появятся лихие мысли и совсем уж непродуманные желания «гнуть тут пальцы», хитрить и увиливать от службы, от выполнения своих обязанностей то как «рога ломать», причём медленно и уверенно, тоже знаю и хорошо умею, – я повернулся к Чудинову и ткнул в него пальцем, – Тебе ясно солдат? А то ты тут уже пытаешься мутить воду. Откуда пришёл – туда и уйдёшь.

Чудинов заюлился глазами, но промолчал.

– Продолжаю дальше. Лёгкой жизни вам не обещаю, по крайней мере сейчас, на период боевого слаживания. От того, как мы подготовим технику и себя, так мы там и будем воевать. Особое внимание обращаю водителей на подготовку машин. От вас будет во многом зависеть выполнение боевой задачи, но и командиры отделений от подготовки машины не должны самоустраиваться, считая, что это дело только водителя. Помните, что если что-то случится, то в этой железной банке вы будете умирать вместе. А для меня командира батареи важно будет выполнение боевой задачи, и если кто-то по своей нерадивости сломается в ходе выполнения этой задачи, то я не буду нянчиться с этим экипажем, а брошу его, ради того чтобы выполнить приказ командования. – Конечно, это было жёсткое заявление, но я был вынужден так грубо и прямо говорить. Сразу вбить им в головы, что едем мы не на учения, а на войну – где не жалеют, а убивают.

– Я требую безоговорочного подчинения и выполнения любого моего приказа, и приказов командиров взводов. Я, как командир подразделения, несу за вас и ваши жизни полную ответственность, как перед государством, так и перед вашими родителями. Порой за нерадивость буду спрашивать жёстко и очень жестоко. Так как мой лозунг, на время войны – «Вместе уехали и вместе приехали оттуда» – и этим лозунгом мы все должны жить.

– Сейчас в течение двух часов всем записаться в штатную книгу. Я обращаю на важность этого мероприятия всех: и солдат, и офицеров. В 276 полку уже имеются случаи: убит солдат, а в штатной книге неправильный адрес, или что ещё хуже – вообще нет его. И куда этот труп отправлять никто не знает. Так что обращаю на это внимание. После этого мероприятия все идём в парк, где показываю каждому его технику. У меня всё. Алексей Иванович приступайте к заполнению штатной книги.

Замполит вышел из строя, за ним шустро выскочил сержант Торбан – санинструктор батареи. Его Алексей Иванович за красивый подчёрк выбрал в писаря. Командиры взводов из Ленинской комнаты вынесли столы и солдаты поодиночке стали подходить к ним и заполнять

свои данные. Я же ринулся в штаб полка, чтобы уточнить графики получения имущества и вооружения на батарею.

Через два часа мы были в парке противотанкового дивизиона. Глянув на машины батареи глазами вновь прибывших солдат и офицеров, мне стало несколько неудобно за технику и себя. Если командирские БРДМ-2 были после капитального ремонта покрашены и стояли сейчас в строю машин ровно и гляделись боевыми машинами, готовыми к бою. То остальные противотанковые установки, на фоне забора из ржавой колючей проволоки, выглядели обшарпанными, половина из них похилились в разные стороны на спущенных колёсах и гляделись они убого и сиротливо. Преодолев мгновенное замешательство, начал энергично распределять экипажи по машинам, а потом приказал их завести. Было тепло и машины завелись с полуоборота, что окончательно прибавило мне уверенности и оптимизма. А когда через пять минут мы открыли краны на колёсах и подкачали их, то я даже повеселел. Зажужжали по моей команде электромоторы, начали с гулким стуком откидываться крышки боевых люков и на свет выскочили пусковые установки, которые пронзительно повизгивая сервомоторами стали рыскать по столам. Это командиры машин, они же операторы, проверяли работу механизмов вертикальной и горизонтальной наводки. По моей команде, закончив проверку, личный состав построился напротив боевых машин. Сейчас, когда машинам подкачали колёса и они выровнялись, с поднятыми в боевое положение пусковыми установками – это было боевое подразделение, которое скоро будет готово выполнить боевую задачу.

Оставив солдат с командиром первого взвода, я с остальными убыл в свой бокс, чтобы показать другие, «убитые» противотанковые установки и попытаться их завести. И закрутилась, и завертелась работа. Уже к концу дня было получено оружие и принадлежности к нему. Полностью за оружие и пулемёты на командирские БРДМы отвечал Кирьянов. К вечеру старшина получил часть вещевого и продовольственного имущества и комната офицеров, превращённая в кладовую, наполовину была им заполнена.

К концу следующего дня стало ясно, что противотанковые установки, которые мы пытались реанимировать, восстановить не сумеем и пришлось в срочном порядке получать установки с 276 и 105 полков. Так что к концу шестого января в парке противотанкового дивизиона стояли все противотанковые установки. Не хватало только двух автомобилей и ещё одного водителя на противотанковую установку. На каждом совещании я ставил этот вопрос, но водителя так и не давали.

Вечером, на совещании, командир полка поставил задачу: завтра в торжественной обстановке вручить солдатам оружие и технику с соответствующими записями в формулярах и списках закрепления.

... Утром, в десять часов, всё было готово к вручению. Личный состав чистый, побритый и более-менее выспавшись, выстроился напротив столов, на которых были разложены автоматы и гранатомёты, а также формуляры боевой техники и списки закрепления оружия. Я ещё раз придирчиво осмотрел солдат, технику, оружие на столах и остался доволен, решив начать процедуру вручения, но увидел вошедшего на территорию парка полковника Шпангель, который стремительным и нервным шагом направлялся к строю батареи.

– Батарея, Равняйся, Смирно! Равнение направо! – Повернулся и, печатая шаг, насколько это было возможно по снегу, направился с докладом в сторону начальника.

– Товарищ полковник, – начал докладывать, – противотанковая батарея, для вручения оружия и техники построена. Командир противотанковой батареи капитан Копытов. – Сделал чётко шаг влево и повернулся, пропуская полковника вперёд. Вместе с Шпангелем обошёл строй и вернулись на середину строя.

– Вольно! – Подал команду полковник.

– Вольно! – Продублировал команду. Строй слегка шевельнулся и опять замер. Я повернулся к начальнику, – разрешите встать в строй.

После того, как встал в строй, Шпангель вновь, но уже медленно и самолично прошёлся вдоль строя, пристально разглядывая солдат. И также молча вернулся на место перед строем. Видно было, что он не в настроение и готов выплеснуть своё раздражение на первого попавшего, но пока сдерживался.

– Командир батареи, выйти из строя. – Прозвучала команда. Я вышел на положенное количество шагов, повернулся и замер.

Шпангель ещё раз окинул мрачным взглядом строй солдат и технику за строем.

– А вы знаете, кто Ваш командир батареи? – Прозвучал неожиданный вопрос начальника ракетных войск и артиллерии округа.

У меня в голове, как у «Терминатора» из известного фильма, сразу же прокрутилось несколько вариантов ответа. Их и не могло быть больше. Что можно было сказать солдатам про их командира перед отправкой на войну: «Отличный командир – отец солдату»..., «Слушайте его и вернётесь живыми домой» и так далее. Но у Шпангеля был совершенно другой вариант и довольно неожиданный, он выдержал эффектную паузу и взорвался криком, вывалив на остолбеневший строй целый водопад матерного словоблудия:

– Это сволочь..., это скотина..., какой я ещё не видел. Да ему не батареей командовать, а гавно черпать....

Дальше последовали выражения и словосочетания, которые в приличной литературе не употребляются, а заменяются многоточием, целью которых, было опустить меня ниже городской канализации. Я был ошеломлён – Почему...? За что...? Зачем...? Меня так открыто, да ещё такими словами, ещё никто в жизни не оскорблял. И главное, я не понимал – За что? От бешенства у меня помутилось в голове и первым побуждением было развернуться и со всего размаха ударить полковника в челюсть и наплевать на все последствия.

Вторая мысль была уже более трезвой: – Боря, тихо.... Тихо. Разворачивайся, Боря, и уходи. На хер тебе всё это нужно. Пусть эта сволочь, сама едет и воюет – раз я такое гавно....

Через несколько секунд я взял себя в руки и у меня уже появилось вполне «здоровое» любопытство: – Спокойно, Боря. Спокойно, интересно из-за чего он так возбудился?

Я видел ошеломлённые лица офицеров и солдат, но молчал, ничего не предпринимая. А через пару минут Шпангель, «выпустив пар», успокоился.

– Продолжайте вручение, – сквозь зубы буркнул, не глядя на меня, и барственно удалился.

– Товарищи солдаты, не обращайтесь внимания, – спокойно, как будто ничего не произошло, сказал я, – наверно, у него что-то не получается и поэтому он сорвался.

Я вручал оружие, технику. Поздравлял солдат и сержантов, пожимал каждому руки. Отвечал улыбкой на их улыбки, но в душе после такого «отеческого» напутствия было мутно и пакостно, но виду не подавал. Это было ни к чему. Подчинённый должен видеть своего командира всегда бодрым, уверенным в своих силах и действиях.

Вручение оружия и вооружения было закончено, громко скомандовал – «Смирно!» – и поздравил солдат с вручением. В ответ прозвучало нестройное и тихое «Ура».

– Не понял, товарищи солдаты. Повторим ещё раз, – в моём голосе прозвучало явное неудовольствие. Второй раз троекратное «Ура» прозвучало более слитно и громче.

– Уже лучше, но и в следующий раз, когда я вас буду поздравлять или обращаться к вам, вы должны отвечать с большим энтузиазмом. Товарищи солдаты, с этого момента вы стали противотанкистами. Я не знаю, кем вы были до прихода сюда и чем занимались на службе, но хочу чтобы вы стали настоящими противотанкистами и впоследствии гордились, что служили в противотанковой батарее. С гордостью говорили, что вы служите или служили в ПТБ, и всю жизнь помнили эти три большие буквы. Я не знаю, при каких обстоятельствах, и в каких условиях пройдёт наш первый бой, но я уверен, что мы его выиграем – Мы победим.

Вот сейчас у нас в полку чуть больше тысячи мотострелков, где-то человек сто пятьдесят танкистов, около двухсот артиллеристов, есть разведывательная рота, сапёры, семь человек взвода химической защиты. Но только ПТБ, согласна Боевого Устава, только мы – тридцать пять человек являемся резервом командира полка, который он обязан бросить на самое опасное направление. Вы должны этим гордиться. Немного истории: вы наверно помните, лет пять тому назад, когда ещё носили советскую форму, и офицеры ходили в фуражках с чёрными околышами. Их носили артиллеристы, танкисты, сапёры и другие. Самым шиком считалось носить фуражку с чёрным бархатным околышем. А ведь никто не задумывался, что есть фуражки с чёрным суконным околышем, а есть фуражки с чёрным бархатным околышем. Так вот, специальным приказом Верховного Главнокомандующего – товарищем Сталиным – за мужество и героизм, проявленные в боях с фашистскими танками, была установлена специальная форма для противотанковой артиллерии – чёрная гимнастёрка и фуражка с чёрным бархатным околышем. Шёл в такой форме военнослужащий по улице, и все знали, что это идёт противотанкист. Тогда на вооружении были сорокопятки, и с этими маленькими пушчонками наши деды выходили против фашистских танков, гибли, но и уничтожали их. По сути дела они были смертниками, но они выходили и ценой своей жизни останавливали лавину танков. И вы должны помнить это и гордиться – званием противотанкиста.

– Кто из вас смотрел фильм «Живые и мёртвые», подымите руки. – Человек двадцать подняло руки. – Остальным, кто не смотрел этого фильма, тоже расскажите. В первой серии фильма есть эпизод, когда пять противотанкистов от Бреста, четыреста километров тащили на себе сорокапятку с двумя снарядами и не бросили её. Я хочу, чтобы вы помнили об этом. Но не хочу, чтобы вы, там, в Чечне толкали семитонную противотанковую установку, или погибали около неё из-за собственной лени или безалаберности. Поэтому день сегодня, и не только сегодня, но и следующие употребить на подготовку техники к маршу, тем более что завтра мы на своей технике совершаем марш на учебный центр для пристрелки оружия и метания гранат.

После такой содержательной речи я распустил строй и позвал к себе офицеров, прапорщиков и поставил каждому задачу. А задач, в связи с завтрашним выходом, было не просто много, а море, в котором можно было запросто утонуть. Весь день прошёл в бесконечной суете: в допущении имущества и подготовке техники. Пришла колонна с автомобильной техникой из Чебаркуля и мне повезло. Вместо ЗИЛов, которые мне шли по штату, батарея получила два новеньких дизельных УРАЛа. Но радость от этого сменилась тревогой, так как во второй половине дня стала портиться погода и температура начала стремительно падать и когда я пришёл на совещание в тактический класс арт. полка в 21:00, на градуснике было минус двадцать градусов.

Рядом со мной сидел командир артиллерийского дивизиона Андрей Князев и делился своими проблемами, которые были точно такими же что и у меня. Пообщавшись с Андрюхой, повернулся назад и окинул взглядом остальных офицеров, которые расслаблено сидели в разных позах и эти короткие минуты перед совещанием банально отдыхали от беготни и суеты. На всех лицах лежала одна, объединяющая нас печать – печать усталости и бессонницы, которая проглядывала в красных от недосыпа глазах и осунувшихся лицах. Я повернулся обратно и стал с нетерпением поглядывать на часы. Неизвестно на сколько затянется совещание, а ведь многое не сделано. Тревожило меня и то обстоятельство, что завтра мы вполне возможно не сможем из-за мороза завестись: так как ни разу ещё не запускались котлы подогревателя. Не выкроил и времени в течение дня, чтобы водителей посадить на машину и проехать по маршруту движения на полигон. Сейчас получалось, что только я знал дорогу на полигон и о том, что и в эту ночь не придётся спать, я **просто** не задумывался. Используя передышку перед совещанием, мозг усиленно работал, выискивая пути выхода из создавшейся ситуации, ход которых был прерван громким стуком распахнувшейся двери: в тактический класс ураганом ворвался полковник Шпангель. То что он был, мягко говоря, не в себе, было заметно каждому.

Подбежав к небольшой фанерной трибуне, он крепко ухватился за неё руками и «огненным» взглядом оглядел нас. Без всякого вступления и передышки хрипло заорал: – Сволочи, п...сы, х...сы! Я вам всем покажу... – Что он хотел показать, осталось неизвестно. Внезапно он поднял лёгкую трибуну и, запустив её в гущу сидящих офицеров, пулей выскочил из класса. Все сидели какое-то время ошеломлённые, после чего класс взорвался гулом возмущённых голов. В течение нескольких минут кипели страсти и негодование, а немного поостыв, решили – если он ещё раз позволит себе подобную выходку – все пишут рапорт об увольнении.

После совещания в арт. полку помчался уже на полковое совещание и успел к его началу. Всё остаётся без изменения. Завтра на полигоне пристрелка автоматов и метание гранат.

Когда вернулся в подразделение, Алексей Иванович заканчивал построение, на котором довыдавал бронезилеты и другое имущество. А чтобы не строить больше батарею, решил сразу довести необходимую информацию до солдат, чтобы они в какой-то мере ориентировались в обстановке.

– Завтра, после завтрака, выдвигаемся на полигон. Выходит вся техника – 100%. В связи с тем, что я не смог сегодня организовать изучение маршрута с вами, скорость движения на марше будет минимальной. Форма одежды: полевая, полностью всё снаряжение – что положено. Бронезилет и плюс вещмешок с котелком и кружкой. Сразу всех хочу предупредить. Бронезилеты одевают все, в том числе: офицеры и прапорщики. Я тоже одену. Будем привыкать к этой необходимой тяжести.

Главная завтра задача: пристрелять оружие, метнуть гранаты, ну и естественно проверить на ходу машины. Сейчас командир полка доводит нам информацию по Чечне. Конкретный случай: совершает марш подразделение. Во время марша на подразделение нападают боевики. Начинается бой, который продолжается в течение пары часов, пока не прибыла подмога к нашим. Итог боя: у нас половина подразделения убиты или ранены. У боевиков никого не убили и лишь несколько человек ранено. Начинают наши разбираться: выпустили около пяти боекомплектов и такие минимальные результаты. Оказывается, в подразделении ни одна единица оружия не была пристрелена. Так что, мотайте себе на ус.

Одеться потеплее, так как температура на улице уже минус двадцать градусов. В связи с этим с сегодняшнего дня устанавливаем собственную охрану батареи. Заодно и подогревать сегодня заводкой все двигатели. Первым дежурит первый взвод, во главе с командиром взвода. Завтра второй. И так далее. Сейчас подготовить экипировку, подогнать бронезилеты. Офицерам после построения подойти ко мне.

В комнате ещё раз довёл необходимую информацию до офицеров и поставил каждому задачу на вечер и часть ночи. Конечно, и самому себе нарезал большой кусок работы. И только в два часа ночи сумел вырваться домой, чтобы поспать хотя бы два часа.

А в шесть часов утра был уже в расположении. Командир первого взвода и техник батареи не подвели меня и техника в парке была прогрета и готова к маршу. После завтрака быстро экипировались и в семь часов утра по радиостанции получил разрешение от командира полка на начало движения. Хотя я и двигался медленно, проблемы начались с первого километра. За железнодорожным переездом, перед въездом в совхоз закипели две установки и они сразу же начали растягивать колонну. В следствие чего, колонна разорвалась и вперёд вырвались четыре машины во главе со мной. Связь со взводами была отвратительная, а временами пропала совсем. Я продолжал медленно вести батарею и перед полигоном меня догнали остальные машины, за исключением закипевших. Но я надеялся, что они быстро найдут нас – теряться на учебном центре, в принципе, было негде. Остановил батарею на левом войсковом стрельбище и выстроил технику на автомобильной стоянке стрельбища. Всю дорогу от полка ехал на верху своего БРДМа и во время даже такого непродолжительного марша сильно промёрз, а когда спрыгнул на землю, то совсем не почувствовал ног и по инерции, на «деревянных» ногах, про-

бежал вперёд, упав в снег, но тут же снова вскочил на ноги. Точно также неуклюже спрыгивали с машин и остальные солдаты. Отчего мигом возникла мысль – надо было их срочно согреть.

– Строиться! – Азартно заорал я и подчинённые быстро выстроились перед машинами.

– Батарея, Кругом! – Строй повернулся на 180 градусов и снова замер. Я сорвал с плеча автомат и ткнул стволом в сторону ближайшей опушки леса, – Батарея в атаку, Вперёд!

Солдаты и офицеры, рассыпавшись в цепь, с энтузиазмом рванули по глубокому снегу в учебную атаку и через три минуты опушка успешно была нами взята. Я тут же развернул подразделение обратно и также бегом, по снегу, мы вернулись на автомобильную площадку, где снова построились. Теперь на строй можно было приятно смотреть. Все стояли разгорячённые, румянец в пол лица. Я также, пробежавшись, согрелся.

Пока мы бегали по снегу подтянулись и закипевшие машины, они также развернулись и встали в строй. Солдаты быстро выскочили из машин и заняли свои места.

– Так, теперь подведём итоги марша. Марш выявил следующие недостатки: машины в техническом плане к маршу не готовы. Во-первых – закипели машины. Отсюда вытекает задача: технику и водителям разобраться, в чём причина кипения. Во-вторых: не работают обогреватели на противотанковых установках. Очень холодно, проехали всего 7 километров, а все промёрзли до костей. В-третьих: мы так и не знаем, работают у нас на машинах котлы-подогреватели или нет? Прапорщик Карпук, вот вам и водителям фронт работы: в течение сегодня и завтра разобраться с этими недостатками. Если нужны запчасти, быстро всё поменять на той технике что стоит в боксе. Или если нужно, то получить их на складе.

Следующее: отсутствует дисциплина марша. Несмотря на то, что ехали с небольшой и постоянной скоростью, батарея то растягивалась как гармошка, то сжималась до предела. Это уже вина, как водителей, так и старших машин. Управлять на марше машинами и взводами я не мог. Непонятно: то ли радиостанции не работали, то ли на них командиры не умеют работать. Командирам взводов разобраться со средствами связи, вечером доложите о результатах. Если необходимо – проведём занятия по подготовке и работе на радиостанциях.

Я ещё раз обращаю внимание на то, что ваша жизнь на 80% будет зависеть от вас самих. От того, как вы будете подготовлены, как будет вами подготовлена техника. И лишь на 20% ваша жизнь будет зависеть от того, как я буду командовать батареей...

Подведение итогов было прервано шумом подъехавшего УАЗика, который остановился за моей спиной. Когда я обернулся, передняя дверь машины открылась, откуда выглянул Шпангель и молча поманил меня к себе пальчиком.

Внутренне сжавшись, я подошёл к передней дверце автомобиля, где кроме Шпангеля сидел генерал-майор Фролов. Остановился в двух шагах и доложил.

– Товарищ полковник, капитан Копытов, по вашему приказанию прибыл.

Шпангель медленно и с презрением осмотрел меня с головы до ног и его взгляд остановился на кобуре с пистолетом: – Товарищ капитан, у вас пистолет в кобуре есть?

– Так точно. А зачем он вам? – Настороженно спросил я, про себя решив, что если он опять начнёт херню пороть, матом ругаться и обзывать меня непотребными словами, дам ему отповедь и к чёртовой матери ухожу. Пусть он сам батареей командует, и пусть сам едет с ней в Чечню.

Шпангель язвительно улыбаясь, ласковым голосом стал мне объяснять: – Я сейчас ехал за вашей батареей и наблюдал это позорище – как вы бестолково организовали и провели марш. Растеряли батарею, ещё не начав боя. Поэтому я хочу взять у тебя пистолет, отъехать в сторону и застрелиться, чтобы больше не видеть этого бардака.

От возмущения у меня даже потемнело в глазах. Ведь он прекрасно знает о том, что техника у меня старая, три года ждёт отправки в капитальный ремонт. Он прекрасно это знает, но воевать на ней меня всё-таки посылает. Он прекрасно знает, что не было у меня времени на изучение с водителями и офицерами маршрута движения. Да и ведь все доехали. Я ведь

сделал со своими офицерами и солдатами всё, чтобы сюда всё-таки выехать. Вчера он меня дважды оскорбил и сейчас вместо того чтобы поддержать меня, что-то посоветовать, он готов меня перед подчинёнными опять оскорблять.

Набрал в грудь воздуха, а была – не была. И тоже ласковым тоном начал говорить, не обращая внимания, что перешёл на «Ты»: – А у тебя, полковник, есть свой пистолет?

– Да есть, – насторожился начальник, а генерал Фролов нагнул голову и удивлённо посмотрел

на меня из глубины кабины.

– Так вот, разворачивайся, езжай в свой штаб округа, подымись в свой кабинет, достань из сейфа свой пистолет и застрелись на хер там....

Перевёл дух и заорал, чуть ли не на весь полигон: – А теперь, вон с моей батареи. Пошёл на хер... Ты должен молиться на нас, что мы едем исправлять ошибки тупоголового руководства. Ты должен мне спасибо сказать зато, что я пенсионер еду туда, а ты меня вчера оскорбил перед батареей. А вечером ты оскорбил ещё и всех офицеров.... Да, вот так пришла колонна. Да..., вот так мы совершили свой первый марш. Первый, ты понял, что он первый. Что три дня назад они ещё в самолёте летели. Пошёл вон с моей батареей... Ты мне мешаешь работать.

Шпангель и генерал Фролов молчали, растерявшись от такого смелого напора.

– Копытов..., Копытов..., тихо, тихо, – забормотал растеряно, опомнившись Шпангель, – ты чего разорался? Тихо. Ну-ка, садись в машину и мы сейчас спокойно всё обсудим.

– Сейчас, – зловеще пообещал я, – сейчас, отдам приказания, сяду в машину и тогда, более вплотную поговорим.

Развернулся и направился к батарее, которая всё слышала и испуганно наблюдала за происходящим. Вызвал к себе офицеров и стал определять порядок пристрелки автоматов и метания гранат. Пока ставил задачу, за моей спиной громко хлопнула дверца машины и УАЗик унёсся в сторону центральной вышки. Моя вспышка гнева скинула напряжение и я даже был рад, что Шпангель уехал, а то в горячке мог наделать глупостей.

Развернув батарею налево, мы направились в стрелковый тир. И привёл её туда, как раз когда подошла очередь батареи пристреливать автоматы. В принципе, нам осталось только пострелять и убедиться, что всё оружие пристреляно. Только один автомат стрелял мимо. Я опять запустил солдата на огневой рубеж. Опять мимо. Сам взял автомат прицелился и произвёл три выстрела. Все три пули попали в цель. Выдал солдату ещё три патрона и пошёл с ним на огневой рубеж. Присел и стал наблюдать. Всё стало ясно: солдат при стрельбе закрывал глаза.

– Акуловский, ты чего? В чём дело солдат? – Стал напирать на своего подчинённого.

– А мне всё равно, пристрелян он или нет, товарищ капитан.

– Знаешь что, сынок, – я еле сдержался, чтобы не ударить его, – мне не всё равно, что отвечать твоей матери, если ты погибнешь. Мне не всё равно, если из-за твоих закрытых глаз во время боя погибнет кто-то другой....

В бешенстве ткнул ему десять патронов. – На. Иди, стреляй, – и добился того, что он стрелял с открытыми глазами.

На пристрелку автоматов и пистолетов у меня ушло где-то около часа, после чего начал вытягивать батарею на другую учебную точку, чтобы уже провести выполнение первого упражнения учебных стрельб и в этот момент проходил мимо огневой позиции миномётной батареи. Всё там выглядело убого: миномёты стояли криво, на разных интервалах, экипировки расчётов не было вообще, солдаты замёрзли и приняли «зимнюю стойку». Командиры миномётов, также замёрзшие до «зелёных соплей», еле держа в таких же замёрзших пальцах огрызки карандашей, пытались вести записи в измятых и порванных тетрадах, изображавшие блокноты командиров миномётов. А мимо проходила колонна противотанковой батареи: и контраст был очень разительный. Разогревшиеся, розовощёкие солдаты, полностью экипированные, бодрым шагом проходили мимо огневой позиции миномётной батареи – видно, что идёт

нормальное подразделение. На этот контраст и обратил внимание полковник Шпангель, который в этот момент находился на огневой позиции миномётчиков и закатил гневный разнос офицерам батареи, за эту убогость и нищету. А эта, бросающаяся разница между противотанковой батареей и миномёткой вообще, привёл его в бешенство.

– Товарищ капитан, ко мне, – я подошёл молча и остановился перед ним. – Объясните мне, почему вы сами, ваши офицеры, солдаты в касках, с оружием, в бронежилетах и с противогАЗами?

– Решил с самого начала приучать всех в подразделении, в том числе и себя носить экипировку. Там зато, наверно, проще и легче будет носить всё это.

Шпангель удовлетворённо выслушал меня и уже спокойным голосом сказал, обращаясь к миномётчикам: – Вот видите, балбесы, есть офицеры, которые думают о том, чтобы жизни своих подчинённых уберечь. Спасибо, товарищ капитан, идите, занимайтесь дальше.

Я молча козырнул, развернулся и через две минуты догнал батарею, где ко мне тут же подошли Кирьянов и Карпук.

– Мы уж с Игорем начали переживать, думали: опять на комбата будет наезжать, а комбат сейчас плюнет на всё и уйдёт «к чёрту» домой. – Облегчённо заявил замполит, подойдя ко мне.

Я засмеялся: – Не дождётесь ребята, воевать поедем вместе.

Оставшаяся часть дня прошла нормально. Откидали гранаты, занялись опять двигателями, а попутно выверили прицельные приспособления на противотанковых установках.

В 17:00, выполнив задачу дня, я отправился на центральную вышку, чтобы спросить у командира полка разрешение на убытие в полк. Около винтовочно-артиллерийского полигона на дороге задумчиво выхаживал, заложив руки за спину, полковник Шпангель. Отдал молча полковнику воинское приветствие и решил, что также молча мы и разойдёмся, но Шпангель подозвал меня к себе.

– Копытов, не пойму – начал он, – да и не могу вспомнить, когда я тебя оскорбил? Да ещё и офицеров, вот ей богу не помню. – Полковник вопросительно посмотрел на меня.

– Вчера, товарищ полковник, вы меня перед всей батареей называли скотиной, сволочью и другими оскорбительными словами. Главное, я не понял – За что? – Я сделал паузу и продолжил, – первым желанием у меня было хорошо вам врезать по зубам за это, а потом уйти. «Трахайтесь» с батареей сами....

Шпангель удивлённо приподнял брови, потом приосанился и значительно пошевелил плечами: – Копытов, посмотри на меня. Я ведь тоже не хилый, так бы тебе в ответ врезал, что наверняка челюсть вылетела. – Начальник грозно сверкнул глазами.

– Товарищ полковник, ну я бы вас первым ударил. Поверьте мне: зуба два бы вам точно вышиб. – Отпарировал в ответ.

– Ну, ладно, ладно.... Хорош ерепениться.... А офицеров когда оскорбил?

Тут я ему в цветах и красках рассказал, что он сделал и что сказал, и как швырнул в нас трибуну. Полковник сначала с досадой крякнул, потом озадаченно хмыкнул. Прошёлся задумчиво туда-сюда по дороге и остановился передо мной.

– Копытов, ну пойми меня правильно. Я ведь тоже человек и у меня, как и у вас всех есть нервы. Вы ведь тоже не подарки. Ну, сорвался, что ж теперь поделывать?

– Всё равно, товарищ полковник, не понимаю вашего поведения. Может быть, мы и не подарки, но и мы всё-таки не в лагерь едем, поэтому вам и соответственно относиться надо к нам. Может, где-то и сдержаться надо было. – Я замолчал, считая, что и так достаточно сказал, чтобы он задумался над моими словами. Потом приложил руку к головному убору, – Разрешите, товарищ полковник, к командиру убыть? – Шпангель задумчиво махнул рукой, отпуская меня.

Получив разрешение, вытянул колонну и ушёл в часть. В парк мы прибыли в разнбой, так как колонна опять растянулась, а потом снова разорвалась. Но и на этом день не закон-

чился. Нужно было дополучать вещевое имущество, чистить оружие, а тут приехали артисты с шефским концертом и надо было вести солдат в клуб. Построил батарею в расположении, чтобы задать только один вопрос: – Ну, что мужики: идём сначала на концерт, потом чистим оружие и спать? Или чистим оружие, на концерт не идём, а после чистки спать?

Батарея заволновалась: – «Конечно, чистим оружие и спать. Ну, его к чёрту этот концерт...». – Так и поступили.

Последующие три дня были наполнены суетливой рутиной, опять подготовка техники, получение остального имущества, вооружения и боеприпасов. Командир полка, исходя из своего афганского опыта, поставил задачу получить пять боекомплектов боеприпасов на каждого солдата.

Шпангель в свою очередь договорился с артиллерийским училищем, чтобы в течение 3х дней, на базе их противотанкового класса и тренажёра, обучить командиров взводов и командиров машин-операторов навыкам производства пусков ракет. Каждое утро они под руководством полковника с училища ездили на занятия туда, вечером возвращались и я им устраивал жёсткий спрос: что они усвоили за день. Также начальник артиллерии округа прикомандировал к батарее, с Шадринского гарнизона, капитана Шевченко, который вплотную занялся средствами связи и не только подготовил, и проверил их, но и со всеми солдатами, сержантами и командирами взводов провёл несколько занятий по правилам работы на радиостанциях Р-123, Р-174 и Р-159. Вообще он здорово помог мне в этом вопросе. А вот в пехоте в это время со средствами связи внезапно образовалась большая проблема. Вдруг выяснилось, что в ходе боевого слаживания вышло из строя почти восемьдесят радиостанций на БМП. Причины выхода их из строя понять никто не мог. Подключили особый отдел и тот рьяно стал «копать», разрабатывая версию саботажа, либо диверсии, но тоже до причин и виновников не докопались. Лишь после того, как пригнали окружную радиомастерскую, всё выяснилось. Оказывается, пехота заводила свои БМП без прогрева двигателя – дёргая с места тросом или пихая их в корму другой БМП. И не выключенные радиостанции сгорали от резкого импульса тока в момент заводки двигателя таким способом. Конечно, все сгоревшие радиостанции заменили, но шуму и ругани было достаточно.

Примечательный случай и достаточно неожиданный для меня произошёл в эти дни.

На следующий день после выхода на учебный центр я пошёл с солдатами на склад РАВ получать пулемёты. КПВТ и ПКТ на БРДМы, получение затянулось и я не попал на совещание, которое проводил Командующий округом. Доставив оружие в казарму, помчался в штаб полка, но уже на полковое совещание и успел. Перед кабинетом командира толпились командиры подразделений в ожидание приглашения зайти в кабинет, а увидев меня, товарищи обступили и стали, дурашливо смеясь и похлопывая по плечу, поздравлять и пожимать мне руку. Я в недоумение вертел головой, ничего не понимая, а на хохот и шум в коридор выглянул командир полка и, увидев меня, тоже заулыбался и позвал в кабинет. Сели к столу.

– Ну, Копытов, не ожидал я, что ты сумеешь взнудать начальника ракетных войск и артиллерии округа – никому это ещё не удавалось, а сегодня на совещании тот встал и, нисколько не сомневаясь, заявил Командующему округу, что на сегодняшний день ты лучший офицер – лучший артиллерист округа. Ну, ты и даёшь! – Мне только и пришлось развесть руками и попросил командира рассказать обо всём поподробнее. Оказывается, Командующий округом в ходе совещания стал подымать командиров подразделений и офицеров округа, которые курировали эти подразделения. У них Греков спрашивал их мнения о работе данного офицера и об обстановке внутри подразделения. Когда очередь дошла до меня, а меня – нет, то Командующий поднял полковника Шпангель и спросил его мнение обо мне. На что мой начальник дал такую, лестную мне, характеристику.

Я был офигенно удивлён, но в тоже время очень насторожился: в армии если начальство хвалит: то в большинстве случаев надо ждать подлянку. Тем более, что Шпангель не ограни-

чивался проверкой занятий по проведению боевого слаживания, а ходил ещё по расположениям подразделений и проверял как они живут и какой там порядок. Естественно, на вечернем совещании он жёстко спрашивал за беспорядок с залетевших ему «на карандаш» командиров. Я каждый день ожидал его прихода ко мне. Тем более, что спросить с меня за бардак можно было. Каждый день указывал старшине на беспорядок в расположении, на плохую заправку коек, на то что в спальном расположении много лишнего имущества, но навести порядок старшина не мог, у меня же не доходили руки. Мне всё больше и больше переставал нравиться стиль работы прапорщика Пономарёва. Он всё время «бил себя в грудь копытом», обещая навести порядок, «закрутить гайки», но ничего не менялось. Кроме того, стал замечать, что старшина всё больше и больше стал заваливать работой одних и тех же безответных солдат, которые не могли постоять за себя. Потом уже понял, что старшина банально боялся бойцов, которые могли запросто отказать ему или даже послать, прочувствовав его слабохарактерность, потому и не мог спросить с них. Но, а пока над душой зудел командир противотанкового дивизиона, боясь посещения начальника нашего расположения, боялся что именно его спросят за бардак. Но ни разу Шпангель не посетил меня: ну и слава богу. Вообще, при каждом удобном случае он меня хвалил и ставил другим в пример, оказывая большую поддержку и помощь в решении различных вопросов. По большому счёту начальник ракетных войск и артиллерии округа здорово помог мне в превращении моего подразделения в боевую единицу, и несмотря на то, что он потом не раз, по какому-то своему недомыслию ставил мне палки в колёса, я ему был очень благодарен за ту помощь, которую он нам оказал.

Вообще, эти три дня стали переломными и для полка. Пришли в Чебаркуль первые одиннадцать гробов. Из них половина – офицеры. Нарастало психологическое напряжение. Многие офицеры, прапорщики и солдаты ещё в полной мере не осознавали, что едут они на войну, а не на учения. Вдобавок пошла информация, что 276 полк ведёт тяжёлые уличные бои в Грозном. А гробы, которые пришли в Чебаркуль, это первые из многих. Нарастала и чисто физическая усталость среди офицеров и прапорщиков. Назревал неизбежный срыв. И он произошёл.

Совещание, которое собрал Командующий округом в малом зале клуба артиллерийского полка, не предвещало неожиданностей и было вполне рядовым. На нём присутствовали ведущие офицеры округа, управление дивизии и полка, командиры подразделений. Мы сидели в расслабленных позах в креслах, наслаждаясь этим временным покоем и наблюдали, как совещание шло своим накатанным путём: когда решались вопросы доукомплектования подразделений полка, получения имущества, вооружения и боеприпасов, вопросы проведения боевого слаживания. Оно шло нормально, пока кто-то из офицеров округа не стал докладывать о недостатках 2х дневного выхода разведывательной роты полка для проведения стрельб на Адуйском учебном центре. В принципе недостатки были тоже обычными и неизбежными в этих условиях, когда всё делалось в спешке: плохо отстрелялись, организованы стрельбы не на том уровне, который мог быть при нормальной боевой подготовке. Но проверяющий преподнёс это Командующему так, как будто начальник разведки полка, капитан Предёха, по своим деловым качествам: не смог организовать стрельбу и боевое слаживание полковой разведки. Да и что самое главное – не хотел. И что отрицательные показатели стрельбы тоже чуть ли не результат деятельности данного офицера.

Командующий был явно не в духе от каких-то своих нерешённых проблем. Поэтому он мгновенно потемнел лицом и поднял капитана. Мучительно долго смотрел на него, а потом в резкой форме отчитал начальника разведки и попытка Предёхи оправдаться, лишь ещё больше разъярило генерал-полковника Грекова. В повышенном тоне он приказал на следующий день снова выйти на Адуйский учебный центр и всё повторить, после чего выгнал начальника разведки с совещания. Атмосфера в зале сгустилась и Командующий высказал своё недовольство командованием и офицерами полка, после чего резко закончил совещание и распустил нас.

Придя в штаб, мы попытались как-то успокоить начальника разведки, но он под сильными эмоциями уже принял окончательное решение и через тридцать минут рапорт об увольнении из армии лежал на столе у командира полка. Об этом стало известно всем офицерам полка и в последующие несколько часов офицеры и прапорщики впервые задумались над тем, куда они едут и что вполне возможно оттуда могут не вернуться. Особенно это проявилось в управлении полка, среди тех, кто, в принципе, рискует меньше всех. Начались тихие перешёптывания, все вдруг начали суетливо бегать из кабинета в кабинет, зондируя почву и спрашивать друг друга – А может стоит отказаться ехать? Может быть лучше уволиться...?

На дороге между парком и штабом меня встретил заместитель командира полка по вооружению подполковник Арсентьев.

– Боря, управление полка решило увольняться и все теперь пишут рапорта. Я тоже написал. А как ты на это смотришь? Ты-то сам будешь писать рапорт об увольнении? – Засыпал меня вопросами зам. по вооружению.

Конечно, если бы я был только просто командиром противотанковой батареи, то заместитель командира полка не спрашивал бы моего мнения о происходящей смуте в управлении. Но я был секретарём офицерского собрания полка и занимал во многих полковых вопросах активную позицию. Имел достаточный вес и авторитет среди полковых офицеров, чтобы проигнорировать моё мнение в таком достаточно скользком вопросе. Также Арсентьев знал, что я могу встать и, смело глядя в глаза любому начальству, да и не только ему, прямо высказать свою точку зрения, отличную от их.

Его неожиданный вопрос о рапорте лишь на несколько секунд «выбил из колеи». Я слегка замешкался подбирая слова и тональность ответа, понимая – ответить нужно было достаточно жёстко и прямолинейно. Конечно, по своей линии он был для меня начальником, но я подполковника Арсентьева никогда не уважал из-за его деловых качеств и да человеческих тоже.

– Товарищ подполковник, я офицер. Я не для того надел погоны, чтобы при первой опасности снять их и сбежать. Мне плевать, что президент, который меня туда посылает – пьяница, а государство не совсем нормальное. Мне до лампочки, что вы там с лёгкостью рапорта об увольнении клепаете. И в отличие от вас еду туда для того для чего, я как офицер, предназначен – защищать государственные интересы. И русских, которых там убивают, насилуют и грабят. А во вторых: я хочу служить и этой службой, в отличие от вас и других – дорожу.

Арсентьев загорячился, оправдываясь, что я его неправильно понял и начал меня убеждать, напирая на то, что я пенсионер и всё уже имею. Мне пришлось резко его оборвать.

– Товарищ подполковник! Вы, что не поняли меня что ли? Я своё решение принял, когда в Армию шёл и менять его не собираюсь. Мне, вообще, неприятен этот разговор, тем более с вами. И с этого момента, вы для меня просто перестали существовать, как офицер. Идите своей дорогой, а я пойду своей. Честь имею. – Приложил руку к головному убору и ушёл от разобиженного Арсентьева, который продолжал что-то кричать мне вслед.

Через несколько часов стало известно, что около 80% офицеров управления полка написали рапорта на увольнение. Помимо начальника разведки были тут же уволены: начальник инженерной службы майор Ханевский, начальник службы РАВ майор Коняхин, начальник вещевого службы полка капитан Конончук, начальник службы ГСМ и многие другие, причём весьма неплохие офицеры.

В 18 часов мы начали собираться у кабинета командира полка на совещание. Нас, командиров подразделений, было почти сто процентов в отличие от офицеров управления полка, которых собралось очень мало. Перед кабинетом командира мрачный и в подавленном состоянии угрюмо расхаживал начальник штаба полка подполковник Фильчуков. Подождав, когда собрались все командиры подразделений, Фильчуков построил нас и зашёл в кабинет доложить командиру полка, через минуту вышел обратно, откашлялся. Видно было, что он был сильно подавлен и мы все насторожились, ожидая каких-либо неприятных для нас новостей.

– Товарищи офицеры, я построил вас в последний раз. Несколько часов тому назад написал рапорт на увольнение и приказом Командующего я уже уволен, – голос подполковника пресёкся, но он справился с собой, – спасибо за совместную службу. До свидания.

Фильчуков резко развернулся и быстро ушёл, оставив нас ошарашенными. Никто не ожидал такого поворота событий. Впоследствии, я узнал о содержании рапорта начальника штаба, в котором он выражал своё несогласие с «войной против народа».

Ну, а кто был согласен с ней? Ему было бы лучше написать, что в Грозном у него проживает вся родня и он поэтому не может ехать туда воевать. Но всё-таки это был сильный удар, так как Фильчуков пользовался высоким авторитетом среди офицерского состава.

Мы зашли в кабинет и расселись по своим местам. Впервые командир полка выглядел несколько растерянным. Он рассказал о сложившейся обстановке среди офицерского состава и выразил сожаление по данному факту, при этом он испытующе смотрел на нас, как бы задавая самому себе вопрос. – Кто следующий?

На следующий день – новый неприятный удар. Из Чебаркульского гарнизона приехало около десятка жён офицеров и прапорщиков. Было обидно и стыдно смотреть, как они подходили к строю, брали как пацанов за руки своих мужей и со словами: «Всё.., поиграли в войну и хватит. Поехали домой...» – выводили из строя, стыдливо прячущих глаза офицеров и увозили их домой. Приехала также и жена нашего замполита, нашла его в расположении батареи и сказала: – Алёша, поехали....

Смутившийся Алексей Иванович быстро завёл её в комнату отдыха офицеров. Сквозь щель в двери было видно, как Кирьянов взволнованно ходил перед сидящей женой и в чём-то горячо убеждал её, после чего она вышла из комнаты, едва сдерживая слёзы. Но всё-таки не выдержала, заплакала и уехала в Чебаркуль.

Подошедший Кирьянов отвёл меня в сторону: – Борис Геннадьевич, не беспокойтесь – я не сбегу. Солдаты поверили нам, и пойдут туда, куда мы их поведём. После этого уходить просто нельзя, иначе это будет предательство по отношению к ним. Открою вам секрет, меня к себе хотел забрать замполит полка, но я отказался. Мне нравится в нашей батарее и хочу именно в ней воевать.

Ничего не стал ему говорить, лишь молча, с благодарностью пожал руку старшему лейтенанту. За эти несколько дней я понял, что практически почти во всём могу положиться на Алексея Ивановича. И если бы он ушёл с батареи, мне было бы гораздо тяжелее работать в подразделение.

Началась чехарда с офицерами управления полка. На совещании вечером у командира, нам были представлены новые офицеры, взамен отказников. Так вместо подполковника Фильчукова начальником штаба полка был назначен командир третьего батальона подполковник Колесов, как мы его между собой звали – «Колесо». В свою очередь командиром третьего батальона был назначен, по его настоятельной просьбе, подполковник Мишин с Забайкальского военного округа, который сопровождал солдат оттуда. Были представлены и другие офицеры управления полка.

Но на следующем совещании, на местах этих офицеров управления сидели незнакомые нам офицеры. Командир полка с удивлением поднял самого крайнего.

– Кто вы такой, товарищ капитан?

– Товарищ полковник, я капитан Семёнов, назначен начальником химической службы полка.

– Не понял, – удивился КП, – а где тот, который вчера представлялся?

– Он сегодня был уволен приказом Командующего. Написал рапорт на увольнение. Назначили вместо него меня.

Командир тяжело вздохнул. Мы же только закрутили головами от удивления. Точно в такой же манере представились и другие офицеры, но такая чехарда продолжалась практиче-

ски до самой отправки. Сегодня к нам присылают офицера, а завтра он пишет рапорт на увольнение. И тогда, ночью в каком-то отдалённом гарнизоне бежит солдат-посыльный к офицеру: через несколько часов офицер с вещами убывает в 324 полк. И неизвестно, сколько из-за этого произошло семейных ссор и драм.

Да, не совсем порядочно поступали офицеры, которые отказывались ехать в Чечню. Я понимаю так: сам не напрашивайся, но раз тебе выпал этот жребий – езжай. А то, как должности получать, или ехать служить в престижное и денежное место: локтями оттирают и обижаются, если не их посылают. Сталкивался я с такими случаями. А как что-то потяжелее, сразу в кусты. Правильно говорил в фильме «Офицеры» один из героев: – «Офицер – это героическая профессия»

Во время совещания, командиру дивизиона, уже новый начальник штаба полка делает замечание за то, что дивизион не подал какие-то списки. Я наклонился к Андрею Князеву, когда он сел на своё место: – Чего Бондарь, списки вовремя не подал, не справляется что ли?

Андрей досадливо поморщился, но потом, опасливо кося глазом в сторону командира полка, зашептал: – Да, помимо того, что он как начальник штаба слабоват, а тут уже три дня его на службе нет. Послал к нему посыльного, вернулся солдат: говорит – больной.

А буквально через час, после совещания, я неожиданно столкнулся с капитаном Бондаренко за клубом арт. полка.

– Серёга, – обрадовался я, – ты что выздоровел? Тут твоего командира дивизиона сегодня на совещании драли за твою работу. Ну, теперь Князеву легче будет, а то он совсем разрывается.

Бондаренко суматошно и протестующе замахал рукой и деланно закашлял: – Боря, болею я..., здорово болею. Видишь, как кашляю. – Сергей опять показушно закашлял и даже слегка согнулся.

– И на Шпанегеля так кашлял, когда он меня вызвал. Мне надо минимум неделю чтобы выздороветь. – Бондарь опять озабоченно и показушно закашлял.

– Серёга, какая неделя? Мы через три дня грузимся. – Удивился я

– Боря, да куда мне ехать таким больным? Ты чего..., надо выздороветь.

Мне стало всё понятно и даже не интересно было слушать его дальнейшие оправдания.

– Сергей, ну чего ты юлишь передо мной? Ну, сказал бы ты мне: ну его на хрен всё, боюсь ехать в Чечню. Ты знаешь, я бы тебя понял и даже уважал, что ты открыто и честно сказал об этом.

– Боря, да точно я больной. Не боюсь – болею. Ты гляди, какой у меня мокрый кашель. – Сергей попытался изобразить мокрый кашель, но у него ничего не получилось, а я лишь с досадой махнул рукой и пошёл по своим делам.

А дел было очень много, и они меня уже совсем вымотали. Я просто физически устал от постоянного напряжения и недосыпа. На следующий день, как обычно сидел на совещание в кабинете командира полка и пытался вникнуть в то, что он говорил. Но не мог: в тепле меня окончательно развезло и начало клонить в предательскую дремоту. Я откровенно «клевал носом» и добросовестно боролся изо всех сил с подкатывающейся дремой ещё и от того, что на месте командира полка сидел Командующий округом и самолично вёл совещание. Поставил локоть на стол, опёрся лбом в ладонь и ею же закрыл глаза, вторую руку с ручкой положил на блокнот. Со стороны казалось, что слушаю выступающего и готов всё записать в блокнот. Но на самом деле, я уже спал. От неосторожного движения соседа моя голова соскользнула с руки и с грохотом упала лбом на крышку стола. Я испуганно вскинул голову и увидел обращённые на меня взгляды, а недовольный Командующий повернулся к командиру полка: – Поставьте капитана, чтобы он не спал, когда Командующий округа говорит.

По команде Петрова вскочил, встряхнулся. Ну, думаю, теперь то стоя не засну. Не тут то было. Через две минуты закачался и заснул стоя. Меня повело и с шумом вновь обрушился на стол.

– Посадите его, – досадливо рявкнул Командующий, – он же разобьётся.

Командир свирепо посмотрел на меня и посадил.

– Чёрт побери, Боря, ну-ка, не спать, – приказал я себе. Встряхнулся и начал старательно тарашить глаза на начальство. И так старался, что не заметил, как снова заснул и головой снова добросовестно стукнулся о стол.

– Встать! – Я вскочил, как ужаленный, а Командующий с бешенством смотрел на меня.

– Сейчас будет не просто разнос, а звиздец, – промелькнуло в голове и в кабинете повисла зловещая тишина. Генерал-полковник Греков некоторое время со злостью смотрел на меня, и по его лицу видно было, как ему хотелось здорово отругать меня. Но он сумел пересилить себя.

– Сколько спал, капитан?

– За эти трое суток, если наберётся часов шесть – то хорошо, товарищ Командующий.

Командующий помолчал, глядя на меня, и уже нормальным тоном сказал: – Товарищ капитан, пусть у вас там, в парке техника горит, солдаты с батареи разбегаются, как тараканы в разные стороны, но вы сейчас идёте домой и спите до шести часов утра. Это мой приказ. Идите, я вас отпускаю.

Я шёл к дверям, провожаемый завистливыми глазами сослуживцев, которых ожидала ещё одна бессонная ночь.

12 января мы ещё один раз вышли на полигон. Необходимо было произвести пристрелку пулемётов, а также нам дали 15 ПТУРов и нужно было, чтобы каждый оператор, командир взвода и я сделали пуски ракетами. Марш мы совершили нормально. Опять расположились на том же месте, что и в первый раз. В бинокль обшарил полигон и на опушке леса увидел полуразбитый корпус БМП. Он и будет нашей целью. Тем более и дальность позволяла – 1100 метров. Определились с ориентирами, дошёл ещё раз меры безопасности, а через несколько минут подъехал Шпангель.

– Копытов, готов к стрельбе?

– Так точно, товарищ полковник.

– Отлично. Начинай, я посмотрю, чему вы научились.

– Первый расчёт по местам, – не без внутреннего волнения скомандовал я, подождав ещё пару минут, подал следующую команду – Вперёд.

Противотанковая установка, переваливаясь с борта на борт на ухабах, достаточно быстро вышла на огневой рубеж. Зажужжали электромоторы, открылась крышка люка и из него поднялась пусковая установка с ракетой.

– Цель – БМП. Ориентир 12, вправо 10, выше 3. Уничтожить! – передал по радиостанции целеуказание командиру машины. Опять заработали электромоторы пусковой установки. Она чуть повернула вправо и выше, замерла, найдя цель.

– Выстрел! – Послышалось из наушников. Щелчок: открылись крышки контейнера с ракетой. Оглушительно сработал стартовый двигатель, который сорвал ракету с направляющей. Ракета рванулась вперёд, впереди противотанковой установки чуть просела вниз и уверенно пошла красной точкой в сторону цели. Ещё пять секунд полётного времени и на месте БМП появился огненный шар. Цель. Я облегчённо перевёл дух. По-моему, облегчение испытал даже Шпангель, наблюдая за стрельбой в бинокль.

– Давай следующего, – скомандовал начальник.

И у следующего был такой же результат. Цель.

– Ну, Копытов, я доволен. Молодцы. Давай, так же продолжай. – Полковник сел в УАЗик и довольный уехал в сторону центральной вышки.

Дальше всё пошло, как по накатанной колее. Команда: расчёт занимает места в машине. БРДМ выходит на огневой рубеж. Поиск цели – выстрел. Попадание в цель, машина отходит назад и я выслушиваю доклад счастливого командира машины о выполнении задачи. Потом пропустил командиров взводов – тот же результат. Залез в машину сам. Навёл визир в цель, выстрел – промах. Ракета прошла чуть-чуть выше цели. Делаю второй пуск – опять мимо. И только с третьего раза поразил цель. Осталась ещё одна ракета. Бойцы вынесли переносную противотанковую установку и установили её на бугорке. С неё определил стреляющим сержанта Кабакова. Он долго наводил, потом выстрелил, но промахнулся. Но всё равно я остался довольный стрельбой. Построил батарею, вывел стрелявших и объявил всем благодарность. С юмором рассказал, как сам промазал, а бойцы меня сразу же подкололи. Все были довольны, но больше всех, наверное, я. После построения экипажи противотанковых установок начали заниматься своими машинами, а замполит по одной командирской машине выгонял на огневой рубеж и пристреливал пулемёты ПКТ и КПВТ. Начал пристрелку с моей машины и сразу же отстрелил на ней фару «Луна». Но это ерунда. Я же рядом начал проводить стрельбу из гранатомёта для гранатомётчиков и остальных желающих.

Уже несколько дней, рядом с гранатомётчиками, на этом направлении была развёрнута учебная точка для стрельбы из огнемёта «Шмель». Когда появилась у них пауза в стрельбе, я попросил пропустить несколько моих солдат. Конечно, первым стрелял я и мне очень не понравилось. Как и при выстреле из гранатомёта: здорово глушит, но самое неприятное, сразу же после выстрела из ствола выкатывается, так называемый, стакан и падает под ноги. Мне каждый раз казалось, что под ноги падает сам снаряд. Но очень мощное оружие. Рассказывают, что когда снаряд огнемёта взрывается, то в радиусе двадцать пять метров выжигается весь кислород и у человека внутри лопаются все внутренние органы.

Вечером, когда появился на центральной вышке, командир полка тоже похвалил меня за подготовку противотанковой батареи. Оказывается, он видел, как мы стреляли, да и потом приехал Шпангель, расхваливая меня.

Возвращаясь в полк, частенько оглядывался назад и видел всю колонну. Машины в этот раз шли друг за другом на одинаковых интервалах и никто не отставал. Я сидел на холодной броне, встречный ледяной ветер выжимал слёзы из глаз и выдувал остатки тепла из-под одежды, но я был доволен. В принципе, этой стрельбой заканчивался этап боевого слаживания. Все мероприятия были выполнены, имущество получено. Завтра и послезавтра мне придётся решать лишь мелкие вопросы, надо было ещё до сдать лейтенанту Матвиенко остатки батареи, и что не маловажно – сегодня могу пораньше прийти домой и нормально поспать.

Впервые за десять дней, после полкового совещания мне не пришлось ставить батарею задач на ночь. И видя уставших солдат, быстро подвёл итог выхода на полигон, отметил отличившихся военнослужащих и положил их пораньше спать. Сам тоже ушёл домой. По дороге мне попалось несколько офицеров с артиллерийского дивизиона. Были они уже изрядно выпивши и торопились в город в ресторан. Меня это очень неприятно скребануло в душе. В отличие от моей батареи, где офицеры, прапорщики и солдаты работали на износ, не позволяли себе хотя бы несколько минут посидеть спокойно, во многих подразделениях офицеры не только выпивали, но и позволяли себе по несколько дней не выходить на службу. Несмотря на оцепление вокруг городка, много солдат болталось в городе, проносилось в казармы спиртное и наркотики. Особенно этим отличались мотострелковые подразделения, где многое было пущено на самотёк.

...Резкий звук телефонного звонка вырвал меня из сна. Звонил дежурный по полку и требовал срочно прибыть на службу. Сонный, ничего не соображая, я быстро оделся и бездумно, всё ещё окончательно не проснувшись, ринулся в полк по обычному маршруту: дырка в заборе около санчасти, плац 105 полка, плац арт. полка и штаб. Но когда бежал уже вдоль стены

санчасти, откуда-то выскочили несколько офицеров и остановили меня: – Куда ты? Назад. Ты что не видишь?

Я уже более внимательно огляделся вокруг и увидел кругом себя, в отдалении офицеров, одетых в бронежилеты и вооруженные автоматами, затаившиеся в различных укрытиях. На пространстве: от казармы 105 полка и до казарм 276 полка творилось что-то странное. У казарм 276 полка от укрытия к укрытию перебежали вооруженные люди, постепенно продвигаясь в сторону казарм 105 полка, где перед четырёхэтажными зданиями шла какая-то непонятная возня, слышались крики, постукивали одиночные выстрелы и периодически доносился звон разбитого стекла.

– Ты что не знаешь, что 3ий батальон вашего полка восстал? Солдаты разбили оружейные комнаты, захватили оружие, боеприпасы и заняли оборону в казарме.

Пришлось выразить полнейшее недоумение и незнание обстановки. Стороной обошёл расположение 105 полка и прибежал в штаб, где меня встретил дежурный по полку и передал приказ командира полка: вооружить офицеров и охранять оружейную комнату своей батареи, ожидая дальнейшие приказы.

В расположении батареи офицеры и прапорщики были уже вооружены и под командованием Кирьянова охраняли комнату для хранения оружия. Солдаты спали глубоким сном и не знали, что происходит недалеко. Временами из спального расположения выходили сонные бойцы и шли в туалет, а увидев нас, полностью экипированными, проявляли лишь вялое удивление. Но сон брал своё и когда он брёл из туалета обратно, то был рад, что это не он стоит с оружием рядом с нами. Примерно в четыре часа утра пришло сообщение, что мятежники разоружены, 250 человек арестовано и отправлено на гарнизонную гауптвахту для проведения следственных действий.

Домой я возвращался уже через 105 полк. Вокруг казармы суетилось много людей. Солдаты, остатки третьего батальона, кто не примкнул к мятежникам, наводили порядок как внутри помещения, так и снаружи. Было много битого стекла. Истоптанный и грязный снег снеговыми лопатами убирали с дорожек. Офицеры: в основном это были прокурорские, что-то фотографировали, рисовали схемы и опрашивали всех, кто владел какой-либо информацией. Перед левым подъездом, около белых «Жигулей» удрученно крутился начальник штаба третьего батальона Генка Караменов (мы его звали «Каракум»). Корпус легковой машины был изрешечён пулями и у неё не осталось ни одного целого стекла.

– Гена, ни фиги себе, сколько в неё всадили. Чья это машина? – Я остановился рядом с Караменовым, который горестно покачивал головой.

– Боря, сорок семь пулевых отверстий. Я её только вчера купил и на ночь поставил около казармы, а они сволочи – что сделали...

Мне стало жалко Генку, и чтобы хоть чуть-чуть отвлечь спросил его: – Что тут у вас произошло?

А произошло то, что и должно было произойти. Большинство солдат из-за того, что многие офицеры батальона отказались ехать, были предоставлены сами себе. Началось пьянство, употребление наркотиков. После отбоя в расположении батальона, на почве пьянства и употребления наркотиков, начались беспорядки. По приказу кого-то из полкового начальства для наведения порядка в батальон была направлена разведывательная рота, которая быстро и

жёстко прекратила бардак, после чего построила батальон в расположении. Достаточно было разогнать всех пьяных и обкуренных по койкам и на этом всё бы закончилось тихо, но тут разведчики перегнули палку. Когда они на виду у всего батальона стали избивать зачинщиков, большинство пьяных и не соображающих солдат кинулось в драку с разведчиками, и так как их было большинство, выкинули тех из расположения. Кто-то под воздействием паров алкоголя кинул клич – разбить оружейные комнаты и вооружиться. Что и было быстро сделано. На свою беду в этот момент в расположении появился командир роты, который тоже

завтра решил подать рапорт на увольнение. Он попытался прекратить беспорядки, но выстрелом из автомата был ранен в ногу и выключен из происходящего. Восставшие попытались с ходу захватить офицеров батальона, которые находились в другом помещении, но те успели закрыть за собой железную дверь. Тогда мятежники заняли оборону по всей казарме. Кто был менее пьян и понимал серьёзность происходящего, кто не хотел примыкать к основной массе, стали бить окна и выпрыгивать на улицу. По ним открыли огонь и ещё несколько человек были ранены. По тревоге подняли и вооружили офицеров частей и подразделений военного городка. Солдат решили к подавлению мятежа не привлекать, после чего офицеры быстро окружили казарму и не дали разбежаться вооружённым мятежникам. Начались переговоры командования полка, дивизии с солдатами. Но это не помогло. И только после длительных переговоров, угроз применить газы и штурмом взять казарму солдаты всё-таки сложили оружие.

Немного отошёл в сторону от Генки, давая ему возможность спокойно и в одиночестве переживать насчёт расстрелянной машины и решать вопрос – Что теперь с ней делать? Остановился около бойца, старательно гребущего большой снеговой лопатой дорожку.

– Ты с третьего батальона? – Кивнул на казарму.

– Так точно, товарищ капитан. Со взвода обеспечения батальона. – Солдат облокотился на лопату, явно ожидая вопросов незнакомого офицера, а потом добавил. – Командир первого отделения сержант Корчагин...

– Ну и что тут у вас произошло?

– А вы, товарищ капитан, Кто? Из прокуратуры?

– Не ссы сержант, можешь рассказывать откровенно. Я командир противотанковой батареи.

– А..., ну тогда... Наш взвод на четвёртом этаже живёт, – сержант задрал голову и махнул вверх рукой на разбитые окна, – командир взвода, наш прапорщик, что-то нарезался вечером ну и заснул у нас на спальниках. А тут замкомвзвод Фролов из седьмой роты прибежал сильно датый и орёт – Парни, седьмая рота со спецями сцепилась – Пойдём им поможем... Ну, мы кинулись туда смотреть, а там уже спецов выгнали и ружейку ломают. Под шумок и мы тоже кое-что из оружия похватали и к себе на этаж. Там-то внизу все датые, а мы трезвые, кроме Фрола. А он снизу опять прибегает и говорит, что казарму офицерня окружает. Хватает СВДэшку – Сейчас я им покажу, как охотиться надо – и снова уматывает. Заявляется минут через тридцать, хвастается – Я какого-то начальника вальнул... – и опять умотал. А мы тут репу зачесали. Нам эта бодяга на хрен не нужна. Быстро посоветовались и решили спуститься по простыням с четвёртого этажа, потому что нас так просто с казармы не выпустили бы, и в караулку сдать. Так и сделали, но перед этим закидали спальниками взводного, чтобы его никто не обнаружил – скрутили простыни и стали по очереди спускаться. Все кроме Кольки Паршутина нормально спустились, а он сорвался... Но ничего, не разбился. Стучимся 29 человек в караулку и сдаёмся. Так до утра мы там и лежали на полу с руками на затылке. Фрола мы больше не видели – его сразу же арестовали. Ну, а нас отпустили. Мы были трезвые и ни в чём не участвовали...

... Утром, когда шёл быстрым шагом в батарею у фельдъегерского пункта мне навстречу попался полковник Шпангель, я отдал ему воинское приветствие и хотел пройти мимо него, но тот остановил меня.

– Товарищ капитан, приказом Командующего округа номер двенадцать Вам присвоено очередное воинское звание «Майор». Я поздравляю тебя, Копытов. – Шпангель крепко пожал мне руку, а я был ошарашен: думал, что эта «бодяга», с присвоением воинского звания, затянется месяца на два-три, а тут прошло всего две недели и я – майор. То, что Шпангель сдержал своё слово, очень тронуло меня, и я с большим воодушевлением поблагодарил его. Порадовало и то, что этим же приказом был назначен на должность начальника штаба первого дивизиона

артиллерийского полка. Но уже через тридцать минут меня вновь захлестнули заботы и я забыл об этом событии. Ведь завтра нужно было грузиться.

Вообще нам артиллеристам повезло. Пехота должна грузиться сегодня в ночь, а мы артиллеристы грузимся завтра, с утра. То есть нам предоставляется ещё одна возможность спокойно побыть последнюю ночь дома. Я поставил несколько человек на обжиг проволоки, после чего она становится мягче и пластичней. Нужно было ещё загрузить на технику оставшиеся имущество и боеприпасы. Быстро собрались с офицерами и определились, что нам надо закупить, чтобы как-то разнообразить свой стол в эшелоне, да и иногда выпить тоже не помешает. Решили взять с собой 10 литровых бутылок спирта «Рояль», бульонные кубики, кофе, чай, сахар и много чего другое. За всем этим отправили командира третьего взвода лейтенанта Мишкина. Сам же отпросился у командира полка на три часа в город. Нужно было перевести деньги, которые лежали на книжке во Внешторгбанке на жену. Честно говоря, я считал, что с этой войны не вернусь, поэтому хотел, как можно меньше оставить после себя хлопот семье. Валю попросил, чтобы она приготовила мне вечером в поезд закуску, так как решил там представиться офицерам по поводу получения воинского звания «майор».

К вечеру всё загрузил, пусть и с трудом имущество и боеприпасы на технику и был теперь готов к погрузке. Я уже не знал, что ещё делать и предоставил возможность личному составу лениво шататься по расположению. А сам решил посидеть немного с капитаном Костей и полковником с артиллерийского училища. Принёс в комнату отдыха офицеров литровую бутылку «Распутина», закуски. Налил в стакан грамм сто водки, кинул туда две больших звезды. Перед офицерами извинился, что нарушаю традиции и не пью полного стакана, так как хочу немного посидеть дома с родными. Ни каких возражений не последовало. Выпил, представился и теперь сидел на тумбочке, впервые за много дней спокойный и расслабленный. Беззаботно болтал ногами, о чём-то весело разговаривая с офицерами, и через тридцать минут собирался идти домой, но эту идиллию прервал дневальный, который сообщил, что меня, в кабинет командира арт. полка, срочно вызывает начальник артиллерии округа. Теряясь в догадках, я сначала направился к командиру полка, предполагая, что Шпангель в этот пиковый момент, в очередной раз мог отдать артиллерии не совсем продуманный приказ. Пришёл к командиру и доложил свои соображения, на что командир загадочно улыбнулся, в последствии я понял, что командир знал, зачем меня вызывает начальник артиллерии, и сказал: – Копытов, какой бы приказ он тебе не отдаст, ты его выполняешь только после того, как я тебе его разрешу выполнить. Ты меня понял?

Иного ответа от командира и не ждал. В ходе боевого слаживания, совещаний и занятий не раз замечал, что командир полка не мог терпеть полковника Шпангеля за то, что тот совался в его приказы и пытался навязывать свои решения, но как умный командир полка, не лез на открытый конфликт. В дверях штаба столкнулся с командиром третьего батальона – подполковником Мишиным, который поделился своими печальями и теперь мне стала понятна причина вызова.

Третий батальон должен через час начать погрузку на эшелон, но грузиться он не мог, так как 250 военнослужащих батальона были арестованы и сидели на гауптвахте. Об этом было доложено Командующему округа. Шпангель, в свою очередь, решил прогнаться перед Командующим и вместо третьего батальона сунуть на погрузку артиллерию полка, тем самым показать готовность артиллерии и заработать на этом свой маленький или большой – но плюс. И плевать ему на то, что артиллерия должна в течение пару часов собраться, сорваться с места, в ночь совершить тридцатикилометровый марш. Плевать ему и на то, что офицеры последнюю ночь проведут не с семьями, а на погрузке.

Я добрался до ближайшего телефона и позвонил домой: – Валя, сколько тебе нужно время на приготовление закуски на эшелон? Вполне возможно нас сейчас кинут на погрузку.

– Мне нужно три часа.

– Хорошо у тебя есть четыре часа. Я тебе потом перезвоню.

Когда я пришёл в кабинет командира арт. полка, там уже сидели: полковник Шпангель, генерал Фролов, командир арт. полка полковник Бойцов, офицеры штаба артиллерии округа, наш новый начальник артиллерии полка подполковник Богатов Василий Михайлович и командир арт. дивизиона майор Князев.

– Копытов, – нетерпеливо спросил Шпангель, когда я доложил о прибытии, – ты готов вот прямо сейчас пойти на погрузку? – Видно было, что он даже не сомневался в положительном ответе и был очень удивлён моим ответом.

– Товарищ полковник, я готов загрузиться на эшелон, если мне отдаст приказ командир полка, через четыре часа, – твёрдо, но решительно заявил я.

– Как? – Нервно взвился Шпангель, – я тебя не спрашиваю про командира полка. Я тебя про погрузку спрашиваю. Вон Князев доложил мне, что он готов к погрузке. И ты мне ответь – Ты готов сейчас к погрузке?

Я с немым укором посмотрел на Андрея, но тот упорно отводил от меня свой взгляд. И он, и я прекрасно знали, что он не готов к погрузке и ему ещё имущество нужно грузить на технику как минимум полночи, но видать у него не хватило духу сказать об этом начальнику.

– Товарищ полковник, я ещё раз докладываю, что если мне прикажет командир полка, то буду готов к погрузке через четыре часа.

Реакция на моё заявление, в зависимости от степени причастности к моей батарее, была у всех разная. Подполковник Саенко весь сжался, как будто ожидая, что его сейчас все начнут бить, залепетал что-то о том, что я готов к погрузке на 100%, но он не может понять моей позиции. Генерал-майор Фролов возмущённо всплеснул руками, но промолчал. Командир артиллерийского полка, который явно недолюбливал меня, непонятно по какой причине, pokrutil головой – типа: а что другого можно от него ожидать. Подполковник Богатов философски и отстранённо пялился в потолок. А Андрей Князев в недоумение смотрел на меня – Стоит ли из-за какой-то ерунды связываться с начальством? Я же стоял спокойно, ожидая ругани и упрёков. Повисла тягостная тишина, после чего Шпангель внезапно встал и выбрался из-за стола: – Ну-ка, Копытов, пошли... Выйдем.

Мы вышли из кабинета, молча спустились на 1ый этаж и мимо дежурного по полку вышли на крыльцо штаба.

– Дыхни на меня, – я дыхнул.

– Так ты пьяный, – обрадовался начальник, – ну, тогда всё понятно...

– Товарищ полковник, – с досадой заговорил я, – ну, выпил, грамм может семьдесят в общей сложности. Я ведь должен был отблагодарить офицеров, которые мне помогали, да и звание

обмыть. Что, вы на моём месте по-другому бы поступили? Я ведь догадываюсь, почему вы о готовности к погрузке спрашиваете. Вам, ведь, надо быть довольным, что у артиллерии есть ещё одна ночь, чтобы полностью быть готовыми. Последнюю ночь офицеры побудут дома с близкими. И завтра здесь загрузимся, а не гнать ночью артиллерию с бухты-барахты за тридцать километров. Вы же спешите доложить Командующему, что артиллерия готова грузиться вместо Зго батальона. Куда вы торопитесь? Зачем? Пусть пехота грузится. – Я замолчал, понимая, что не надо перегибать палку в таком противостоянии.

– Копытов, ты рассуждаешь и принимаешь решения исходя из своего уровня информации, поэтому ты многие вопросы неправильно понимаешь, да и многого не знаешь. – В течение двух-трёх минут Шпангель что-то мне начал объяснять о раскладе сил в штабе округа, но потом резко прервав объяснения, с досадой махнул рукой и отпустил меня, а сам вернулся в штаб.

Из батареи я позвонил дежурному по арт. полку и попросил его, как только Шпангель уедет позвонить мне, а сам сел с офицерами выпивать дальше. Через десять минут позвонил

дежурный и сообщил, что полковник с полка уехал: куда – не знает. А ещё через пять минут из штаба прибежал нервно-взбудораженный подполковник Саенко и начал меня с экспрессией упрекать за моё, как ему показалось, неразумное поведение. Я внимательно и молча выслушал, налил ему водки: – Григорий Иванович, всё это ерунда. Лучше выпей за моё звание, за то чтобы я вернулся живым, да и не только я...

Саенко быстро успокоился, сел за стол и выпил, закусывая, рассказал, что Гвоздев, как вернулся обратно в кабинет быстро закончил совещание и уехал в ресторан, так как узнал, что Командующий приказал выпустить всех арестованных бунтовщиков с гауптвахты, за исключением восьмерых зачинщиков. «Пусть третий батальон кровью смывают свой позор» – сказал Командующий. Сейчас третий батальон готовится к погрузке.

Я налил себе ещё 50 грамм, поблагодарил офицеров за оказанную помощь, выпил за их здоровье и ушёл домой.

Дома меня ждали. Я помылся, сел вместе со своими близкими за стол. И тут навалилась такая усталость, словно внутри меня сломался какой-то стержень. Дико захотелось спать. Прямо за столом несколько раз на какие-то мгновения проваливался в сон, тело не слушалось команд. А ведь я ещё хотел побыть с женой. Валя заметила это моё состояние, быстро расправила постель и разогнала всех спать. Пока она мылась, я чтобы не заснуть, стоял посредине комнаты, шатался и всё равно засыпал. Я делал всё, чтобы не заснуть, только спички в глаза не вставлял. Но когда дело было сделано, мгновенно провалился в сон.

Глава вторая

Эшелон

В 9 часов утра я пришёл в батарею, с удовлетворением отметив, что офицеры и прапорщики опять не подвели меня. Машины были заведены, вытянуты в колонну и стояли за самоходками артдивизиона в воротах парка противотанкового дивизиона. Солдаты, отдохнувшие и накормленные, экипированы и находились на своих машинах. Старшина сдал помещение противотанковому дивизиону без замечаний и тоже был в колонне. Быстро построил батарею, проверил оружие, боеприпасы, загруженное имущество, после чего забрался в свой БРДМ и по радиостанции вошёл в связь с начальником артиллерии, доложив, что готов к погрузке. После недолгого ожидания колонна артиллерийского дивизиона, за которой мы стояли, тронулась, а за ней мы. Вышли в парк артиллерийского полка и начали набирать ход. В этот момент заглохла и встала одна из самоходных установок, полностью перегородив дорогу и сразу же темп движения сбился. По снегу машины батареи начали осторожно обходить остановившиеся самоходки дивизиона и колонна начала опасно растягиваться и разрываться. Когда мой БРДМ выехал за контрольно-технический пункт (КТП) арт. полка и свернул налево, за мной устремились только четыре мои машины, а остальные, чуть отставшие, как по закону подлости, свернули направо и исчезли вместе с УРАЛами за казармой. От такой бестолковщины я пришёл в дикое бешенство и, остановив около клуба арт. полка колонну, в сильнейшем раздражении ринулся напрямую за казарму на плац, где и нашёл заблудших. Техник и командиры взводов в растерянности бегали вдоль колонны и не знали, куда подевался комбат с остальными машинами. В довершение ко всему один БРДМ закипел и из него так активно пёр пар, что наверно это было заметно даже из космоса американцам, с весёлым изумлением наблюдавшими за выходом русских на войну, ну а второй БРДМ просто заглох насмерть и не подавался реанимации. Как бы не был разъярён, но я сдержался и только пару раз злобно матюкнулся. Оставив с заглохшими машинами техника, с остальными «торжественно» прибыл на рампу, где уже прогуливался полковник Шпангель со своими офицерами штаба. «Орлиным взором» начальник тут же посчитал машины и, подозвав к себе, задал весьма неприятный вопрос: – Копытов, а где ещё два БРДМа и Урал?

Я попытался что-то соврать, типа: всё нормально, всё под контролем, что сейчас они подъедут. Но в этот момент из ворот контрольно-пропускного пункта (КПП) «Зелёное поле» выехал Урал с техником, тянувший на прицепе заглохший БРДМ, а следом ехал и кипел второй БРДМ, из всех щелей которого пёр обильный белый пар. Как он «красиво» и буйно кипел – в жизни не видел, чтобы машины так кипели.

Шпангель зло плюнул и что-то экспрессивно пробормотал себе под нос, но я успел услышать упоминание не только какой-то матери, но ещё несколько нелестных эпитетов в свой адрес.

– Копытов, что это такое? – Полковник обвиняющее ткнул пальцем в огромное облако пара, в котором запросто можно было спрятать два автомобиля «Урал».

– Что? Что? – Теперь я уже «завёлся» и злился на эту дебильную ситуацию, – киплю, товарищ полковник... Красиво киплю. Сейчас её погрузим и будем ремонтировать уже в Чечне.

Шпангель с досадой махнул рукой, мол, тебе воевать ты и крутись, развернулся и величественно удалился к платформам, а я сразу же приступил к погрузке и одну за другой стали загонять машины батареи на платформы, следом за нами начали грузиться артиллеристы дивизиона и взвод управления начальника артиллерии. Как только мои машины становились на платформе, на своё место, бойцы из машины доставали готовую к применению проволоку, крепёжный материал и дружно начинали крепёж техники. Не зря я водил солдат и офицеров

на занятие по погрузке, поэтому всё шло своим чередом и не требовало особого моего вмешательства. Гораздо хуже обстояло дело в дивизионе и во взводе начальника артиллерии. Солдаты там постоянно разбегались, прятались и всеми способами отлынивая от работы, и над той частью, где грузился дивизион, стоял многоголосый ор и многоэтажный мат, там постоянно кого-то лупили, кого-то пинали под зад, а кого-то за шкирку волокли к месту крепления техники. А у меня всё делалось спокойно. Единственная накладка произошла с креплением Уралов, где я понадеялся на самостоятельность водителей Самарченко и Наговицина, но они оказались в этом вопросе беспомощными. Пришлось им подкинуть людей на помощь. И через два часа техника батареи была закреплена, о чём сразу же доложил начальнику артиллерии полка, справедливо ожидая, что батарею отправят в тёплые и уютные плацкартные вагоны, которые стояли на параллельном пути под личный состав и офицеров, но Шпангель запретил туда нам грузиться, пока все не закрепятся. Пока мы работали мороза вообще не чувствовали, хотя стояло где-то градусов 15-18, а сейчас мы стали постепенно замерзать. Мои бойцы стали потихоньку расплзаться, а в этот-то момент начальство решило бросить мой личный состав на помощь в крепление техники взвода обеспечения дивизиона. Проволока в дивизионе не была обожжена, плохо гнулась и для того чтобы её закрутить, нужно было приложить максимум усилий. Меня здорово это возмутило, но отменить приказ я не мог и сквозь пальцы смотрел как мои бойцы «валяли Ваньку» вместо помощи.

Отпросился у начальства на час и на машине Саенко уехал домой пообедать, забрать вещи и попрощаться с родными. Обед прошёл в молчание и тишине. Валя уложила вещи и закуску, пришло время прощаться. Если до этого жена держалась, то тут не выдержала и тихо заплакала.

Заплакала тёща. Отчего на душе у меня стало мутно: я ведь точно знал, что не вернусь с войны. Откуда у меня была такая уверенность – не знал, но чувствовал это. Младшему сыну наказал, чтобы он во всём слушался маму. Старшего, Дениса, попросил помогать во всём маме и быть старшим мужчиной в доме. Обнял тещу, поцеловал жену: пообещал обязательно вернуться и заторопился на выход, потому что почувствовал, чем быстрее уйду, тем будет лучше. Не стоило затягивать расставание: у самого «на душе кошки скребли».

Когда приехали на погрузочную рампу, там был самый разгар погрузки дивизиона. Вскоре подъехал бывший командир миномётной батареи Саня Козленко, приехал не пустой, а с пивом и в течение двадцати минут мы пили пиво, наблюдая за погрузкой. Попрощался и с Саней. В принципе, все ниточки были обрезаны – можно было ехать на войну.

Около платформ с техникой меня выловил генерал-майор Фролов, отвёл в сторону и начал по отечески отчитывать за вчерашний доклад Шпангелю о готовности к погрузке.

– Ну, что ты, Копытов? Так хорошо у тебя всё шло, я нарадоваться на тебя не мог. Лучше всех шёл. А вчера ты так опозорился: готов..., не готов.... Готов, но если будет приказ командира полка. Да ещё через четыре часа... Ну, в чём дело?

– Всё очень просто, товарищ генерал, – засмеялся я, – так отвечал, потому что протестовал против непродуманной полностью «инициативы» полковника Шпангеля. Но самое главное: мне эти четыре часа нужны были, чтобы жена успела пожарить курицу и приготовить закуску, для того чтобы в поезде, как нормальный офицер, мог представиться и обмыть звание «майор».

Фролов, секунд двадцать возмущённо смотрел на меня, а потом искренне засмеялся и замолчал, мы в молчании сделали пару кругов около платформы.

– Да, – протянул генерал, – вот ведь и война от жаренной курицы, оказываться, может зависеть. Ну ладно, Копытов, поздравляю тебя с воинским званием «майор», но больше так не делай. А сейчас иди к батарее.

Я откозырял и отошёл. Время постепенно шло, всё больше и больше поступало докладов о крепление машин, постепенно темнело и холодало. Наконец-то поступил доклад о закреплении

ние последней машины и все подразделения быстро построились на рампе перед классными вагонами. Нудно и долго делили между подразделениями вагоны, представляли администрацию эшелона, инструктировали личный состав – Что делать, если кто-то отстанет от эшелона? Моей батарее, взводам управления дивизиона и начальника артиллерии достался один вагон, туда же сунули и лейтенанта Нахимова с солдатами первого батальона, которые по разным причинам отстали от батальона. Меня, как старшего по воинскому званию, назначили старшим вагоном. Очень долго инструктировали о правилах поведения при следовании эшелонам, меры безопасности, потом напутственные речи и когда мы совсем замёрзли, нам дали команду на посадку. В течение получаса все сели и разместились. Батарее досталось четыре купе, с учётом третьих полок – всего 36 мест. При посадке в вагон, я бурно «наехал» на юного видом лейтенанта Нахимова, который занял со своими солдатами целое купе. Налетел с шумом, с напором, но после того как он весьма аргументировано и в вежливой форме дал мне отпор, я вынужден был с ним согласиться и несмотря на то, что он был офицер-двухгодичник, даже немного зауважал его.

После того как всё успокоилось и все разместились, вышел на улицу подышать свежим воздухом. Откуда-то из темноты вынырнул капитан Мамедов, воровато оглянувшись, он протянул мне фляжку с водкой, предварительно хорошо глотнув из неё.

– Боря, давай, за вашу удачу, – просипел он севшим голосом от чересчур большого глотка. Продышавшись, он продолжил, – завидую вам, меня вот не пустили. Мусульманин говорят, а ведь хочется с вами уехать. С полком.

Я тоже глотнул, холодная водка обожгла горло и провалилась в желудок. Как-то сразу стало теплее и спокойнее. Как будто этим глотком провёл черту. И всё что было: семья, счастье, радости и горести – всё это было теперь «До» черты, и как это не странно, в почти далёком прошлом. А впереди неизвестная, новая жизнь; я её выбрал сознательно и смело, не оглядываясь, не о чём не жалея, перешагнул всё, что меня отделяло от прошлого.

– По Вагонаааам! – Послышалась команда, заставившая запрыгнуть меня в тамбур. Из соседнего вагона, где располагался начальник эшелона и офицеры без личного состава, на рампу вышли Шпанагель, Фролов и несколько полковников. Громко лязгнули сцепления вагонов, и мы медленно тронулись в сторону станции Керамик. Некоторое время рядом с вагоном шёл полковник Шпанагель и что-то мне командирским тоном толковал. Но я его не слушал: все эти наставления до того надоели, что мне внезапно очень захотелось его послать куда-нибудь подальше, но хотя и с трудом всё-таки сдержался. Шпанагель, наверное, что-то почувствовал и отстал. Его место занял капитан Мамедов, который уже бежал рядом с вагоном и тоже что-то ободряюще кричал. Но вот и он отстал, мимо проплыло КПП «Зелёное поле», парк артиллерийского полка, ОБМО. Я жадно смотрел на всё это и запоминал – ведь всё это я видел в последний раз, и всё это впечатывалось в мой мозг как моментальная фотография.

Прибыли на станцию Керамик: на ней, как правило, происходило окончательное формирование и оформление эшелона. Но в этом командиры подразделений уже не участвовали, всем этим занимался начальник эшелона майор Князев и его администрация.

Как только эшелон остановился, солдаты дружно вскрыли консервы, достали хлеб, также дружно застучали ложками в банках. От еды и в тепле их мгновенно разморило и они быстро завалились спать, а я собрал офицеров и прапорщиков батареи в своём купе, накрыл стол и как положено, с полным стаканом водки, с соблюдением всех традиций, представился по случаю получения очередного воинского звания. Застолье долго не продолжалось, все мы были вымотаны и через час тоже легли спать. Проснулся уже утром, когда эшелон миновал городскую черту Челябинска и находился на станции Полетаево. Быстро собрал оставшуюся закуску, водку, а набралось всего ещё достаточно и пошёл в офицерский вагон представляться, где меня уже ждали. Накрыл стол и закурилось, и поехало офицерское застолье. Ещё помню, как про-

ехали станцию Мисяш в Чебаркуле, на которой грузилась какая-то часть и всё... – больше ничего не помню. Проснулся на следующий день, где-то далеко за Уфой.

– Всё, Боря, хватит пить, – сказал себе, садясь на свою полку после обхода вагона, – надо использовать время для изучения личного состава.

В принципе, за эти десять дней я достаточно хорошо узнал многих из своих подчинённых, но в целом ещё имел довольно смутное представление о самом коллективе батареи. Достаточно хорошо показали себя командиры взводов. Сразу же выделил из них командира первого взвода лейтенанта Жидилёва. Небольшого роста, хитроватый, хозяйственный, деревенский мужичок. И солдаты подобрались такие же хозяйственные и деловитые, всё что имело какую-либо ценность в будущем на войне тащили во взвод и уже обросли своим имуществом, которым очень дорожили. Командир второго взвода лейтенант Коровин, плотный, среднего роста, неторопливый в движениях, не отличался хозяйственной жилкой, как командир первого взвода, но был добросовестным и грамотным офицером, насколько это можно сказать об офицере-двухгодичнике. Сумел заинтересовать и сплотить вокруг себя личный состав и его взвод уже представлял достаточно крепкий воинский коллектив. Очень много беспокойства вызывал третий взвод и его командир взвода лейтенант Мишкин. Глядя на него, я часто вспоминал фильм «Адъютант его превосходительства» и одного из героев – поручика Микки. Такая же романтическая и мечтательная натура, которая при первой же встрече с реальной действительностью и трудностями повседневной службы очень быстро ломается. Мне кажется, он мечтал как можно скорее попасть на войну, где в бесконечных победных боях, он во главе взвода врывается в гущу противника, проявляя массу героизма – побеждает, а может быть и героически погибает. Но уже на этапе боевого слаживания романтизма и восторга поубавилось, а как по закону подлости ему во взвод подобрались слабые сержанты и водители. Только один водитель рядовой Снытко, со своей, вечно кипящей противотанковой установкой, мог вогнать в глухую тоску любую героическую натуру. Личный состав в третьем взводе подобрался разношёрстный и коллектив как таковой не сложился.

Из прапорщиков я в полной мере мог положиться на техника, Игоря Карпука – добросовестный парень, инициативный, энергичный. Постоянно работая на технике, он достаточно быстро узнал устройство и особенности эксплуатации техники батареи. Немаловажную роль сыграло и то, что он родом был с Бурятии, откуда была подавляющая масса личного состава. Среди них он быстро завоевал авторитет и солдаты безоговорочно выполняли все его указания. В результате чего получилось так, что замполит Кирьянов был моей правой рукой, а прапорщик Карпук стал, если так можно выразиться – левой рукой.

Старшина же вообще не пользовался никаким авторитетом среди солдат. Он их банально боялся, а солдаты быстро это прочухали и давали ему отпор во всех его начинаниях. Да и я часто его ругал за то, что он всю работу взваливал на одних и тех же безответных, добросовестных солдат.

Среди солдат хорошо узнал тех, с кем мне приходилось часто сталкиваться в период подготовки батареи. Водителем на мой командирский БРДМ, попал бывший заключённый, рядовой Чудинов – кличка «Чудо». В тюрьму попал по хулиганке, что-то там отсидел, что-то увидел, прочувствовал, чем страшно гордится. Нахватался зековских понятий, законов и пытается здесь этим бравировать. Офицеров и прапорщиков считает «западло», особенно ненавидит старшину, за то, что тот бывший мент. С солдатами живёт нормально, говоря на блатном жаргоне – «Чистые погоны – чистая совесть». Правда, пока выполняет все приказы офицеров и техника беспрекословно, хотя иной раз открыто и нагло саботирует указания старшины, когда рядом нет офицеров и старшина молча проглатывает это, зная о ненависти бойца к нему. Мне старается не залетать, так как я его сразу предупредил – если что, вышвырну. Сержант Алушаев, пулемётчик моей машины, серьёзный и надёжный парень. Санинструктор сержант Торбан добросовестный, но бестолковый. По своей специальности подготовлен слабо

и если сталкивается с какой-нибудь болячкой бежит за советом к технику. Игорь, оказывается, неплохо разбирается в медицине – правда, чисто на бытовом уровне. Самое хреновое в санинструкторе то, что он вечно ходит грязный, не соблюдая никакой личной гигиены. Среди командиров машин в лидерах ходят сержанты Некрасов и Фёдор Ермаков. Оба со второго взвода. Правда, краем уха слышал разговор среди солдат, что Фёдор слабоват на выпивку. Андрей Лагереv, командир противотанковой установки с первого взвода – всегда чистенький, аккуратный, но парень с ленцой и сам себе на уме. Такое ощущение, что в любой момент может принести пакость. Командир машины с третьего взвода сержант Рубцов пишет песни, хорошо играет на гитаре. Но в противовес ему его водитель рядовой Снытко. Дылда, самое натуральная бестолочь, вечно грязный и машина у него вечно такая же зачуханная. Хотя, как человек – неплохой парень.

Во втором взводе два сильных сержанта, третий сержант Кабаков, невысокого росточка, худенький. Как командир он ни о чём. Зато с водителем ему повезло. У меня не хватало одного водителя, полк не додал и я не знал, как выкрутиться. А тут подходит рядовой Харитонов: – Товарищ капитан, хочу воевать водителем противотанковой установки, а в батарее не хватает одного водителя. Дайте мне машину, а я вас не подведу. Правда, прав у меня нет, но немного соображаю в технике и умею водить. Отец научил....

Думал недолго: в мирной обстановке на такое предложение от солдата только рассмеялся. Нет прав – гуляй Харитонов. Я за тебя ответственность нести не хочу. Но сейчас задумался лишь на минуту и решил по-военному быстро.

– Хорошо, Харитонов, даю противотанковую установку, Сделаешь – она твоя. – И дал ему один из неисправных БРДМов, как раз Кабакова. Три дня торчала задница из двигательного отсека то Харитонова, то его и Сенченко, то сразу нескольких водителей, которые ему помогали: но через три дня машина была готова и ровно тарахтела двигателем, радуя не только мою командирскую душу. Узнал я и других солдат, сержантов батареи, но это было довольно поверхностные знание, поэтому нужно было не терять времени в эшелоне.

Жизнь в вагоне постепенно наладилась и потекла своим чередом. К личному составу я в основном не лез – так, по очереди выдёргивал их в своё купе и разговаривал с ними за жизнь, прощупывая на что он способен. Солдаты первые двое суток спали, просыпались только покушать или сходить в туалет. Жизнь шла от приёма пищи до следующего приёма, когда все немного оживлялись. Кормили, правда, не ахти как, но мы перед каждым приёмом пищи принимали по сто грамм спирта и всё шло нормально. В офицерском вагоне тоже шла размеренная жизнь. Офицеры под руководством полковника Прохорова, который от дивизии поехал с нами, потихоньку попивали, играли в карты, а когда хорошо поддадут, вызывали техника второй батареи, наливали ему стакан водки и он с удовольствием им играл на гармошке и пел. Интересно было за ним наблюдать из-за особенной артикуляции губ во время пения. Когда он пел, губы у него так складывались, что его лицо становилось похожим на морду обезьяны. Так потихоньку мы ехали и приехали на станцию Таловое Воронежской области, где наш эшелон взорвался.

...Я спал. Спал мой вагон, спал весь эшелон. Мне что-то снилось, причём, очень приятное, интересное и яркое, но в тоже время в мой сон извне упорно пробивались какие-то посторонние звуки, гудки и крики, которые мешали наслаждаться приятными видениями и тревожили даже во сне. И в какой-то момент я с досадой проснулся: эшелон стоял, а из-за стен вагона доносился неясный шум, как раз и явившийся причиной пробуждения. Перевернувшись со спины на живот и чуть приподнявшись, выглянул в окно, за которым вдоль нашего состава, по соседнему пути, метался локомотив, подавая тревожные гудки. Между гудками, высунувшись по пояс из будки локомотива, что-то громко кричал машинист. Но все его слова отскакивали от моего ещё не совсем проснувшегося сознания. Сделав над собой усилие и встряхнувшись, окончательно проснулся и стало понятно, чего он так волнуется.

– ...Ну, кто-нибудь проснитесь... Вы... – военные.... Вы же горите.... Пожар в эшелоне.... Сейчас начнёте взрываться. – Локомотив укатил в голову эшелона и голос постепенно затих.

Вскинул руку и поглядел на часы – три часа ночи, пожара в вагоне нет, да и запаха дыма не чувствовалось. Но всё-таки поднялся и затормозил техника с замполитом: – Вставайте, будьте командиров взводов и водителей. В эшелоне, кажется, пожар....

Не успел я поставить задачу, как чуть ли не мне на голову, с третьей полки заволокло прыгнул старшина. Причём сразу же попал ногами в валенки Кирьянова и с диким воплем: – Горим!!! Спасайтесь, кто может...., сейчас будем взрываться...., – устремился в панике по узкому проходу на выход из вагона. Несколько солдат оторвались от подушек, проводили его недоумевающими со сна взглядами и снова уронили головы на постели. Мы быстро оделись и вышли из вагона на улицу. Действительно, в голове эшелона ярко и кроваво горело несколько вагонов и платформ с техникой. Там металась фигурка людей, а в морозном воздухе слышались тревожные крики, которые перебивал зычный, командный, голос. Но это не было бессмысленное метанье – люди организованно пытались или потушить, или хотя бы расцепить вагоны, чтобы огонь не перекинулся на другие вагоны и платформы. Мы же спросонья крутили головами и ни как не могли сообразить, в каком конце эшелона находится техника батарея.

– Коровин, поднимай водителей и одевайтесь. Все должны быть готовы тушить технику, – приказал командиру второго взвода, который выглянул из тамбура, – а мы сходим на разведку. Посмотрим, где наша техника и как там обстановка.

Я, техник впереди, сзади нас ковыляющий Кирьянов, который яростно и зло матерился на каждом шагу из-за того, что валенки старшины были ему очень малы и жали ноги, направились в голову эшелона. Очень быстро разобрались, что наша техника стоит на противоположном конце железнодорожного состава и ничего ей не угрожает, а впереди на нескольких платформах горит техника взвода обеспечения дивизиона, загруженная продовольствием, имуществом и снарядами для самоходок.

Приблизившись к горящим платформам, мы разглядели, что пожар пытаются ликвидировать офицеры и солдаты дивизиона. Большая группа военнослужащих, закидывая снег на машины, пыталась их в безуспешной попытке потушить или хотя бы уменьшить пламя, а вторая, меньшая, предпринимала попытки отцепить горящие платформы, чтобы их потом оттащить на пустырь – в тупик, где они и должны благополучно сгореть и взорваться, причинив минимальнейший вред станции. Но у них ничего не получалось. Всем тушением пожара руководил командир дивизиона майор Князев, зычный голос которого далеко разносился в ночном воздухе. Рядом с ним виднелись фигуры полковника Прохорова и других офицеров. Когда нам оставалось пройти ещё две платформы до горевших машин, чтобы присоединиться к тушению, внезапно и одновременно взорвалось несколько снарядов в кузове одной из горевших машин. В воздухе засвистели осколки и куски раскалённого металла, осыпая суетившихся людей. Мы быстро присели и прижались к колёсам платформ, а остальные повалились на снег.

Как по команде в кузовах горевших машин начали рваться снаряды и гильзы с зарядами. Боеприпасы рвались поодиночке и пачками, разбрасывая вокруг эшелона неразорвавшиеся снаряды, гильзы, остатки ящиков и машин. Всё это сыпалось обильным дождём с неба на людей и раскалённые осколки металла яростно и злобно шипели в снегу, как будто сожалела о том, что они не попали в незащитные тела людей. Все кто тушил пожар, в перерывах между взрывами, отбежали метров на сто и залегли в снегу, наблюдая, как огонь перекинулся на следующую платформу. Кажется, человек был бессилён перед разгулом этой стихии, кажется, осталось только лежать и ждать, когда всё что должно взорваться – взорвётся и сгорит. Но в цепочке людей, которая лежала и в бессилие наблюдала за пожаром, внезапно поднялась фигурка человека и отважно ринулась прямо в пекло. В свете огня мы видели, как командир взвода обеспечения, а это был он, подскочил к платформе и начал, пытаясь загородиться от жара пыла-

ющей на платформе машины, что-то делать со сцепкой. Казалось, что время остановилось. Одежда на прапорщике дымилась и тлела, вот-вот должна вспыхнуть, но продолжал бороться с непослушным железом и в конце концов всё-таки сумел расцепить платформы и ринулся в сторону. Отбежав метров на двадцать от эшелона, он повернулся к тепловозу: закричал, замахал руками, показывая – Трогаййй!!!! Упал на снег и начал кататься, туша всё-таки вспыхнувшую одежду. В выбитых окнах тепловоза, появилось окровавленное лицо раненого машиниста, который махнул рукой в ответ – Понял!!!

И вот..., метр, два, пять, десять, двадцать... – платформы всё дальше и дальше отходят от эшелона. Люди стали подыматься из снега и радостно закричали, видя как тепловоз, уверенно набирая скорость, потащил всё дальше и дальше горящие платформы. А когда они были от нас уже в ста метрах и поравнялись с водокачкой, на средней платформе вспух гигантский огненно-багровый шар от взорвавшегося сразу целиком автомобиля Урал с боеприпасами. Страшной силы грохот и взрывная волна даже на таком расстоянии повалило и разметало людей в разные стороны. Крыша водокачки взлетела целиком в воздух, пролетела метров тридцать и рухнула на землю, засыпая всё кругом обломками. Несколько высоких железных столбов линий электропередач вдоль путей были перебиты осколками и упали, обрывая толстые провода, на землю. Тепловоз, вновь изрешечённый осколками сразу встал и загорелся, а из кабины на снег выпала фигурка машиниста, к которой тут же подскочили солдаты и потащили в сторону от пожара и продолжавших греметь взрывов. Нас же взрывная волна швырнула вдоль платформы, около которой мы стояли. Я башкой, хорошо был в шапке, врезался в железный борт и упал на щебёночную насыпь. В полутора метрах от меня, обдирая голые руки об щебёнку, на животе и с отчаянным криком проехал Игорь Карпук и головой воткнулся в сугроб, а между мной и техником, обдав нас искрами, с грохотом упала половинка горящего снарядного ящика. Кирьянов же, отлетев в сторону, утробно охнув и падая, ухватился руками за валенок.

Полуоглушённые, я и Игорь схватили замполита под руки и потащили его в сторону от взрывов. Протащив метров тридцать, опустили Алексея Ивановича на снег, где тот, постанывая от боли, продолжал держаться руками за носок валенка, качаясь из стороны в сторону.

– Давай Алексей, убирай руки, – попросил Игорь – сейчас будем смотреть, что тебе прилетело....

Грохнул ещё один сильный взрыв, рвануло опять сразу несколько снарядов. В двух метрах от нас упал на снег искорёженный капот УРАЛа и по инерции, грохоча, укатился вдоль состава в темноту. Алексей Иванович осторожно расцепил руки и мы увидели небольшой осколок, который торчал из носка валенка, багрово поблёскивая в свете пожара чистым, металлическим разломом, но крови видно не было. Мы осторожно стянули валенок с ноги и облегчённо перевели дух. Раны не было, только мизинец на ноге распух и посинел. Осколок на излёте, тупым концом, ударил в валенок и лишь сумел его пробить, ударив сильно по мизинцу. На большее, у него не хватило энергии. Если бы он в валенок ударил острым концом, то Алексей Иванович лишился мизинца, и война для него на этом бы и закончилась. Матерясь, замполит натянул обратно валенок и ещё больше хромая, поковылял к нашему вагону. А через несколько минут, и мы с Карпуком пошли за ним, убедившись, что нашей помощи не требуется и Андрею Князеву со своим личным составом оставалось только наблюдать за трагическим концом трёх платформ, которые догорали в отдалении и продолжали периодически взрываться.

Только сейчас мы разглядели, что взорвались прямо центре крупной железнодорожной станции, по краям которой теснился частный жилой сектор населённого пункта. Несмотря на многочисленные взрывы, разрушений, в принципе, было немного: разбитая взрывом водокачка, повреждённые линии электропередач и наверняка пару сотен метров железнодорожного полотна, вот и всё что мы сумели разглядеть в свете пожара.

Около вагона ожидали, переговариваясь, командиры взводов и замполит. Отсутствовал только старшина.

– Ну, как только этот старшина появится я его приобью... – плотоядно пообещал замполит – за мои валенки, за то что в панике бросил батарею, да и за мой мизинец.

Мы посмеялись, глядя как кипятится Кирьянов и стали наблюдать за происходящим на пожаре, пока наше внимание не привлекла странная фигура, появившиеся со стороны жилых построек. Она прямиком, через рельсы, направлялась к нам. Сначала мы думали, что это идёт старшина, смущённый своим поведением, но вскоре разглядели, что это был не прапорщик Пономарёв, а незнакомый мужчина: на голове у него бесформенным блином растеклась старая кроличья шапка, причём одно ухо торчала кверху, а второе свисало к низу. Под застёгнутым на одну пуговицу овчинном полушубком, который когда-то видел лучшие времена, виднелись синие сатиновые трусы и насмерть застиранная майка на худом теле, на голых волосатых ногах валенки с обрезанным верхом. А в зубах больших размеров самокрутка. И полусогнувшиеся фигура подсказывала, что он нёс нам что-то очень тяжёлое.

– Мужики! – Жизнерадостно закричал ещё издали абориген, – вышел я покурить во двор. Живу тут – метров чтыреста. Слышу какие-то взрывы и тут прилетает ко мне во двор какая-то железяка и падает прямо на мою собачью будку. Так собака, которая рядом со мной стояла, с испугу через двухметровый забор без разбега сиганула. Железяка-то, наверное, ваша, забирайте....

В свете пожара мы наконец-то разглядели у него на руках 122 миллиметровый снаряд от самоходки. Дружно засмеялись и стали подкалывать местного жителя: – Ну, и повезло тебе мужик. Если бы этот снаряд разорвался у тебя во дворе, то не только от собачьей будки, но от твоего дома и от тебя самого ничего бы не осталось. Давай сюда... , только остороженько ложи.

Мужчина, страшно округлил глаза на внезапно изменившемся лице, и в испуге бросил нам снаряд под ноги, развернулся и стремительно побежал, провожаемый диким хохотом. Постояв ещё немного, и не дождавись старшины, мы залезли в вагон спать, где я услышал ещё несколько сильных взрывов.

Утром, приведя себя в порядок и отдав распоряжение о проверки техники на платформах, я вылез из вагона и направился к месту пожара. Небо было чисто-голубое, и от сверкающего на солнце снега слепило глаза, от чего приходилось постоянно сильно жмуриться. Станция уже была оцеплена милицией. На путях и прилегающей территории работали группы сапёров. Я прошёл сквозь оцепление к остаткам платформ, кругом которых на снегу и земле валялись осколки от снарядов, разорванные и целые снарядные гильзы, детали и куски от машин. Всё это было густо присыпано крупой и мукой. Оказывается, вместе с машинами с боеприпасами взорвались и машины с продуктами взвода обеспечения дивизиона. Рядом стоящая водокачка была разрушена наполовину, разбиты пути и рухнуло три опоры электропередач. Побродив немного вокруг и прислушавшись к разговорам прокурорских работников, я выяснил, что тут произошло – вину прокуратура полностью возлагает на железнодорожников. Оказывается, по правилам воинских железнодорожных перевозок, между электровозом и эшелонном должны быть прицеплены несколько пустых платформ. Чего не было у нас. Во время движения от обледенелых проводов электропередач летели искры, которые и упали на тент машин с боеприпасами, от чего они и загорелись.

Побродив ещё немного по месту пожарища, вернулся в вагон, позавтракал и вместе с Игорем отправился в город попить пива, так как узнал, что стоять будем здесь как минимум до вечера. Сразу за вокзалом, на привокзальной площади, располагался небольшой рынок, по которому уже бродили подвыпившие солдаты дивизиона, а недалеко от рынка мы нашли пивную, полностью забитую народом, и тут тоже за несколькими столиками преспокойно расположились солдаты дивизиона. Пришлось подойти и выгнать их. Взяли пиво, но сидели недолго. Чувствовали себя неудобно, так как местные на нас косились, причём, не совсем дружелюбно. Вышли опять на улицу, но побродив немного по городу, везде натыкались на болтающихся пьяных солдат. Решили вернуться в вагон, чтобы остановить своих солдат от пьянства, но было

уже поздно. На привокзальном рынке увидели Кирьянова с командирами взводов и болтающимся там же нашими солдатами, чем я был неприятно озадачен. Не привлекая внимания местных жителей, мы собрали в сторонке Кушмелёва, Некрасова, Ермакова, Большакова и других солдат батареи. Видно было, что ребяташки неплохо поддали, но вели себя достаточно нормально. Не успел я выразить своё неудовольствие и отправить их в вагон, как к нам решительно подвалила группа крепких парней, которых возглавлял наглого вида здоровяк.

– Майор, мы здесь, на рынке, «фишку держим»: то есть местная мафия. – С апломбом представился здоровяк, – ты чего к солдатам пристаёшь? Они едут на войну и имеют право выпить. Так что вали отсюда....

Я оглядел рынок, по которому, помимо моих бойцов, шлялось ещё человек тридцать солдат и офицеров с дивизиона со здоровым любопытством поглядывая в нашу сторону и всем видом показывая, что они не прочь и подраться – если что. Значит и мне можно немного и поборзеть.

– Слушай, ты – Мафия. Шёл бы ты отсюда. Это мои солдаты и с ними я сам разберусь. Без тебя. Это мои проблемы, и нечего сюда нос свой совать. А то сейчас свистну и вас отсюда на пинках вынесут. Понятно?

– Не слушайте его ребята, – начал заводиться здоровяк под поддерживающий его возмущённый галдёж своих товарищей, – давайте оставайтесь, девками и выпивкой обеспечим. Погуляем, а потом домой поедете: деньгами на обратный путь тоже обеспечим.

– Неее...., «дядя», – засмеялся Большаков, – мы, со своими офицерами поедем и надерём «духам» жопу. – Остальные солдаты одобрительно загудели.

Здоровяк ещё больше загорячился: – Неужели вы верите своим офицерам? Ведь они ничего не умеют. Они же бестолковые и продадут вас там. Вот ты веришь своему командиру? – Ткнул пальцем Большакова в грудь мафиози.

Я стоял и молчал, потому что мне самому был любопытен этот диалог. Было интересно, что думают солдаты и что ответит Большаков.

Солдат задумался на мгновение и спокойно ответил: – Мы, «дядя», верим своим офицерам и за ними пойдём, куда они нас поведут.

Мафиози озадаченно молчали, а у здоровяка подозрительно заблестели глаза и он, чтобы скрыть свои слёзы, отвернулся и густо заматерился. Потом повернулся ко мне: – Командир, пошли выпьем, если тебе верят солдаты, то ты нормальный мужик.

Отослал командиров взводов с солдатами в вагон, а сам с замполитом и Карпуком пошли за мужиками. Зашли в небольшой ларёк, отделанный под кафе. Мафиози быстро организовали хороший стол, куда выставили несколько бутылок водки «Смирнов» и отличную мясную закуску. Здоровяк произнёс прочувственный тост: выпили. Через десять минут принесли ещё и горячие шашлыки. Мужики рассказали, что через их станцию днём и ночью идут эшелоны с войсками в Чечню, поэтому каждый тост заканчивался напутствиями, типа: надрать задницу чеченам, вернуться с победой, показать, что такое русский солдат и «как духи нас достали». Через сорок минут, тепло распрощавшись, мы вернулись к своему вагону, где застали неприятную картину. Вся батарея была пьяна. Остальная часть вагона была трезвая и солдаты взвода управления дивизиона с интересом наблюдали за любопытными событиями, которые разворачивались в батарее. Вагон наполнял пьяный хохот, крики и мат, а командиры взводов беспомощно метались из купе в купе, пытаясь прекратить пьянку. Но солдаты пили в открытую, никого не боясь и не стесняясь.

– Товарищ майор, хрен его знает, как они пронесли водку в вагон. Ничего не можем сделать. – Встретили меня докладом взводники.

Я прошёлся по своим купе; везде одна и та же картина – пьяные солдаты лихо, не обращая внимания на комбата, опрокидывали водку в глотки.

– Где старшина? – Спросил у офицеров, когда вернулся с обхода в наше купе.

Коровин с раздражением махнул рукой: – Сбежал, как только солдаты датые появились.

– Сука, – со злобой произнёс я, потом повернулся к Кирьянову, – Алексей Иванович, сейчас выведу батарею на улицу, построю их там и попытаюсь мозги им на место поставить, а ты в это время с техником и командирами взводов общешься каждое купе. Всю водку, какую найдёшь – вылить. А потом я их заведу и разложим спать, пока начальство не видит.

Батарею сумел построить между путями, вдали от глаз начальства, лишь минут через десять. Строй стоял и пьяно качался. То один, то другой выпадал из строя, но остальные со смехом затаскивали его обратно. Слышалось пьяное хихиканье и бессмысленные возгласы. Медленно прошёлся вдоль строя, провожаемый налитыми кровью, пьяными глазами, и остановился перед Некрасовым, который стоял и качался из стороны в сторону, тараша пустые глаза куда-то в пространство. Вдруг его резко повело и он начал падать назад, на стоящий сзади вагон и я не успел его подхватить, как он затылком, со всего размаха ударился об ось колеса вагона и мигом потерял сознание.

Поняв, что ругать и говорить им что либо – бесполезно, приказал подняться всем в вагон и лечь спать. С дикими, бессмысленными криками, возгласами, подхватив бесчувственное тело Некрасова, падая и смеясь, пьяная толпа бестолково полезла в вагон.

А на пьяные вопли и взвизги из-за вагона неожиданно вывернулся начальник артиллерии полка и сразу начал меня отчитывать за происшедшее. Вяло попытался в ответ оправдаться, но факт был налицо – я пустил процесс на самотёк. Результат этого мы и наблюдали. Пообещав навести революционный порядок, забрался в вагон, где стоял невообразимый гвалт.

– Товарищ майор, нашёл девять бутылок водки. Водка хорошая, я её не стал выливать, а собрал к нам в купе. – Шёпотом доложил Кирьянов.

– Ладно, Алексей Иванович, потом разберёмся, – обошёл его и заорал командирским голосом, – прекратить все разговоры и всем спать.

Начали разгонять солдат по полкам и постепенно наводить порядок. Не могли только утихомирить сержанта Ермакова, с которым внезапно началась пьяная истерика. Он бился на полке, плакал, звал маму, сожалел о том, что едет в Чечню воевать. Все его принялись успокаивать и утешать, а когда он более-менее успокоился, вдруг ему в башку ударило, что на улице, около вагона стоят его мама и невеста. Он рванулся и побежал на выход, где мы еле успели его догнать и завалить на боковую полку.

– Мама..., Нина..., я сейчас выйду к вам. Пусть всё идёт к чёрту..., я не хочу никуда ехать.... Я сейчас выйду и мы поедем домой. – Бился в наших руках сержант.

– Фёдор, тихо..., тихо.... Ты что...? Мы сейчас находимся в Воронежской области, а ты с Иркутска. Какая мама? Какая Нина? Их тут нет, посмотри в окно, – увещевал Ермакова замполит, но сержант продолжал рваться из вагона и втроём мы с трудом удерживали его на полке, а он был крепкого телосложения. Видя, что никакие убеждения не помогают, мы дружно навалились на него и я крепко связал ему руки и ноги, что вызвало бурю возмущения и что самое интересное, солдат не моего подразделения, а взвода управления дивизиона, которые угрюмо и осуждающе наблюдали за нашими действиями. Посыпались угрозы в мой адрес и моих офицеров, а один из солдат взвода выскочил из их купе и с угрожающим видом подскочил ко мне.

– Товарищ майор, развяжите Ермакова, а то мы его сейчас сами освободим. – Начал орать он, размахивая передо мной кулаками. Обстановка в вагоне мгновенно накалилась. Но тут на мою сторону неожиданно встала батарея. Оттолкнув меня в сторону, вперёд выскочило несколько моих солдат, которые сходу несколько раз крепенько ударили по лицу угрожавшему мне солдату и загнали его обратно в своё купе. Один из них стал посередине вагона и прокричал остальным солдатам дивизиона: – Ну..., вы, суки, всем заткнуться. Это наш комбат и он имеет право делать с нами всё, что захочет. Попробуйте кто к нам полезть, быстро морду набьём.

После такового заявления солдаты и сержанты взвода управления попрятались по своим полкам, но Ермаков продолжал биться в истерике: – Фашисты..., гестаповцы..., почему меня связали? Немедленно развяжите, а то всех урою.... Субанов, развяжи меня, ведь ты мой друг....

А Субанов, водитель противотанковой установки, ползал по Ермакову и пьяно ревел: – Федя, Федя, я не могу тебя развязать, ведь тебя связал комбат, а раз связал – значит он это сделал правильно. Ты успокойся и засни, всё пройдёт, а я буду рядом....

В вагоне по приказу начарта появился начальник разведки артиллерии капитан Пальцев, чтобы оценить обстановку в вагоне и доложить начальству.

– Алексей, всё нормально. Так и доложи начальнику артиллерии – я полностью контролирую обстановку.

Пальцев неодобрительно покрутил головой, озадаченно посмотрел на меня и молча ушёл обратно в офицерский вагон. Ермаков постепенно успокаивался, уже только плакал и потихоньку засыпал. Я уже стал успокаиваться, предполагая, что пик напряжённой обстановке в вагоне прошёл, но тут случилась новая незадача. Что-то не поделив между собой, в крайнем купе начали драться между собой несколько человек, постепенно втягивая в свалку остальную батарею. Собрав офицеров в единый кулак, мы ринулись в гущу драки. Не разбираясь, били всех подряд, загоня драчунов на полки и били их там. Вся остальная часть вагона с интересом наблюдала за этим побоищем, улюлюкала и всю веселилась, жизнерадостно обсуждая те или иные моменты свалки. В самый разгар драки в вагон ворвался отряд офицеров, которых кинул мне на помощь начальник артиллерии. Во главе его, как танк, шёл майор Ершов. Любитель подраться, и сам не хилого телосложения, он толком не разобравшись, пёр по проходу раздавая удары направо и налево, заваливая солдат совсем не моей батарее. Но появление ударного офицерского отряда лишь усугубило обстановку. Мои солдаты, прекратив драться между собой, теперь объединились и кинулись в драку с офицерами с удвоенной силой.

Прорвавшись к Ершову, прокричал, заваливая сильным ударом кулака в лицо солдата из взвода управления дивизиона: – Серёга, уводи обратно офицеров, я сам тут справлюсь.

Сергей, хорошо приложив, ещё несколько не моих солдат, с офицерами отступил обратно в офицерский вагон. После их ухода, мы изменили тактику. Врывались в драку, выхватывали из неё солдата, несколькими ударами в разные «успокаивали» его. Связывали и кидали на пол в единую кучу, которая постоянно шевелилась и расплзалась в разные стороны. Когда в куче собралось человек шесть-семь, я сел на них сверху и точными ударами предотвращал их расплзание и сопротивление. Таким образом, мы в течение минут двадцати выключили из драки самых активных драчунов, остальных разогнали по полкам. После чего связанных бойцов тоже разложили по местам, где они утомлённые и «успокоенные» стали засыпать. Тем самым, прекратив драку своими силами. Когда обстановка успокоилась, я выдернул несколько солдат взвода управления, которые больше всех радовались и подзуживали моих солдат на оказание сопротивления. С большим удовольствием и им набил рожу, чтобы они – сволочи, если не помогают офицеру в трудную минуту, то хотя бы не подзуживали других.

Наконец-то в вагоне наступила относительная тишина. Батарея спала в тяжёлом угарном сне, остальные в вагоне затаились на своих полках. Я открыл ящик с пистолетами и выдал их офицерам и прапорщикам батарее на случай, если пьяные солдаты попытаются захватить оружие, хотя сам понимал, что ситуация решительными действиями переломлена в нашу сторону. Игоря Карпука сразу же послал посмотреть нашу технику на платформах, так как боялся, что солдаты дивизиона под шумок почистят мои БРДМы.

На улице, куда вышел за техником, были уже сумерки. Я с удовольствием часто задышал, выгоняя из лёгких спёртый воздух вагона. А пройдя немного в сторону от вагонов, наткнулся на небольшую толпу гражданских: мужчин, женщин, детей и солдат дивизиона. При виде меня гражданские стали прятать обратно по сумкам водку, а солдаты замерли, выжидая, что я буду

делать. Злобно обматерив солдат, погнал их от платформ в вагоны. Кто-то из них пробурчал что-то нелестное в мой адрес и тут же получил хороший пинок под зад. Гражданских, которые поначалу испуганно отхлынули в сторону, я позвал к себе. Бесцеремонно заглянул в сумку к одной женщине, потом к другой. Позвал ещё двух мужиков: заглянул к ним. Везде была только одна водка.

– Мужики – обратился я к остальным, – у вас что-нибудь покушать или закурить найдётся?

– Нет. – Чуть ли не хором прозвучал ответ. Я повернулся к женщинам, – а у вас не найдётся? – Те тоже отрицательно затрясли головами.

– Что ж вы делаете аборигены хреновые? Почему солдатам одну водку голимую несёте? В вагоне уже больше тридцати солдат пьяных в жопу лежат. А вы водку несёте. Вы бы, – я ткнул несколько ближайших женщин в грудь пальцем, – лучше чего-нибудь домашнего покушать им принесли вместо водки. Или у вас сыновья такие, что кроме водки ни о чём не думают. Мои же солдаты на войну едут. Хоть здесь бы вы проявили себя, как матери, а вы что несёте? Какой он сейчас защитник, лежит пьянущий в вагоне, слюни и соплю пускает и голову поднять не может. А вы, мужики, сигарет бы принесли. Сволочи вы: такое впечатление, что в этом городе одни алкоголики остались.

Толпа молча выслушала мою ругань и без возмущения, также молча стала расходиться. Походив немного у вагона, я уже стал беспокоиться о технике, как со стороны наших платформ, раздались громкие крики, шум погони и пистолетный выстрел. Неуклюже нырнул между колёс на ту сторону и тоже выхватил пистолет. Рядом с платформой навтыжку стоял Чудинов, под ногами которого лежала куча новеньких шлемофонов, а от эшелона, в сторону жилых домов, бежали двое гражданских. Чувствуя, что могу сорваться и прибить своего водителя прямо здесь на рельсах, я приказал привести в вагон Чудинова через несколько минут, и сам направился туда же. Перед вагоном ходил немного, успокаивая себя и, ощутив, что почти успокоился и могу спокойно разобраться, полез в вагон, где при моём появлении повисла гнетущая тишина. Я расположился за боковым столиком напротив своего купе и стал ждать, когда приведут подчинённого. Про себя принял решение: сейчас особо не разбираться, а потом придумаю, что с ним сделать. Но когда они зашли, и в руках у Карпука я увидел шлемофоны, приготовленные Чудиновым на продажу, а сверху лежал мой шлемофон – шлемофон командира батареи: единственный шлемак с коричневым мехом. Когда мне стало понятно, что он обворовал не только чужие БРДМы, но и свой, когда он подошёл к моему столу с нагловатой улыбкой, типа: а что тут такого – Всё нормально. Спокойствие мгновенно улетучилось и я с бешенством ударил его по лицу, заваливая на пол. Продолжал его бить и там: молча и беспощадно. Молча терпел мои удары и Чудинов, только кряхтел от наиболее сильных ударов, закрывая руками лицо, а в вагоне стояла мёртвая тишина: все затаились и попрятались на своих местах. Закончив бить, рывком поднял водителя с пола и злобно прошипел ему в лицо.

– Солдат, если ты думаешь, что на этом всё и закончится – то ты ошибаешься. Сейчас идёшь на своё место и спать, а я потом тобой займусь. – С силой швырнул Чудинова в сторону его купе. От гнева и злобы у меня распирало грудь, сердце бешено колотилось и готово было выскочить из грудной клетки. Понимая, что если ещё немного пробуду в вагоне, в этом спёртом воздухе, ещё несколько минут, то у меня вполне возможно случится инфаркт и я быстро выскочил на улицу. Остановился около вагона и часто-часто задышал, вдыхая чистый морозный воздух. Постепенно успокоился и быстрым шагом заходил вдоль вагона. Нашарив в кармане кучу таблеток, кинул их в рот и совсем успокоился. Надо сказать, что в Чечню я поехал больной и скрыл это от начальства. В мае прошлого года у меня во время дежурства по полку случилось прединфарктное состояние. Прямо с наряда, с пистолетом и ключами от сейфов, меня увезли в госпиталь. Так как дело было накануне 9 мая, то в приёмном отделение заколов меня уколами, и когда я почувствовал себя неплохо, мне честно обрисовали картину: – Капи-

тан, врачей до 11 мая в госпитале не будет. Если ты себя неплохо чувствуешь и можешь потерпеть до 11 мая, то езжай домой. Если ты желаешь сразу лечь, то мы тебя, конечно, положим, но лечения ты не получишь. Будешь просто лежать до выхода врачей после праздника.

Посчитав, что всё нормально – приеду в госпиталь после праздника, я уехал на той же санитарной машине, которая меня привезла в госпиталь. Приехал домой, аппетита никакого, принял душ и лёг спать, а в три часа ночи проснулся от сильной боли в животе. Встать не мог, от того что каждое движение причиняло страшную боль. Всполошилась жена, решив вызвать санитарную машину с санчасти, но я ей не разрешил – стало жалко солдата, водителя санитарной машины: пусть солдат до подъёма спокойно поспит. Ровно в шесть часов утра жена вызвала санитарную машину и, преодолевая боль, я оделся и спустился вниз. В приёмном отделении диагноз поставили сразу: в довершении к сердцу у меня лопнул гангренозный аппендицит. Очнулся после операции лишь через сутки, и тогда мне сказали, что после лечения в хирургическом отделении, меня переведут в сердечно-сосудистое отделение для продолжения лечения. Но после семи дней, проведённых в скуке и безделье, я озверел и сумел договориться, что для лечения сердца лягу в госпиталь в ноябре-декабре. Летом чувствовал себя неплохо, но осенью стал чувствовать всё хуже и хуже. Здорово болело сердце и не мог переносить продолжительные физические нагрузки. А тут Чечня: я не хотел, и было неудобно отказываться от Чечни на том основании, что ложусь в госпиталь. Да и не хотел отказываться. Во время боевого слаживания все нагрузки и усталость, здорово сказались на сердце. Я закупил кучу таблеток и глотал их, задавливая болезнь. Вот и сейчас крепко прихватило сердце, но чистый, морозный воздух быстро привёл меня в нормальное состояние. Из вагона вышел замполит и доложил, что обстановка в вагоне нормальная. Вдоль эшелона в это время активно забегали железнодорожники, попросив нас подняться в вагон: они начинали реформирование эшелона. Я поднялся в офицерский вагон и доложил начальнику артиллерии, что в батарее порядок восстановлен. Правда, потом мне пришлось в течение пятнадцати минут выслушивать от начальника нелицеприятные высказывания насчёт моей батареи и лично меня. Вспомнилось мне всё: справедливое и несправедливое. Но пришлось всё это проглотить молча. Мой прокол был очевиден. Потом от меня начальник отстал и я посидел ещё некоторое время в вагоне, спокойно наблюдая процедуру оформления военными железнодорожниками дальнейшего маршрута движения, и удалился к себе в вагон. Здесь была тишина. Бодрствовали лишь офицеры и прапорщики. Тут уже выдал «по первое число» всё, что хотел сказать старшине, тоже ему вспомнил все его прегрешения за столь короткое время пребывания его в должности старшины батареи. Поговорив ещё немного, мы все заснули. Проснулся я уже в четыре часа утра, эшелон стоял где-то на задворках большой станции. Слабый свет фонарей проникал в вагон и освещал спящих на полках военнослужащих. Мои солдаты постепенно просыпались и что-то с похмелья невразумительно бубнили. Изредка монотонный шум прерывался ещё не отошедшими от пьянки голосами и смехом. Я скрипел зубами, но терпел. Неожиданно очень громко прозвучал чей-то, ещё пьяный голос: – А что, ребята, пока офицеры спят, может, маханём на станцию и ещё поддадим. А то я ещё хочу с майором с дивизиона рассчитаться. – Послышался пьяный смех.

– А хорошо мы на той станции повеселились... – но это я уже услышал, когда бежал босиком по проходу – злоба и бешенство душили меня. И, забежав в тёмное купе, откуда слышался голос, мигом скинул со второй полки говорившего на пол, где его и начал остервенело бить: – Вот тебе за хорошее веселье... Вот тебе за майора, с которым ты расквитаться решил... Вот тебе лично от меня...

Пнув его в последний раз, выпрямился и неистово заорал на весь вагон: – А ну, сволочь, марш на полку и замри там. Кто ещё хочет веселиться, подай голос? – В вагоне стояла мёртвая тишина, а я опустошённый вернулся на своё место и мгновенно провалился в тяжёлый сон. Утром, после завтрака построил батарею в узком проходе вагона и произнёс следующую речь.

– Товарищи солдаты, если вы думаете, что я изверг или последняя сволочуга, то вы глубоко ошибаетесь. Я поставил перед собой и перед офицерами только одну задачу – «Всем войти в Чечню и всем вместе оттуда вернуться». Я не хочу стоять перед вашими родителями и тупо моргать глазами, оправдываясь, «что я мог вас сберечь и простите меня – но у меня не получилось». И оправдываться тем – что вы этого сами не хотели: пили, балдели, не выполняли того чего от вас требовали я и ваши командиры. Я буду жестоко бороться впредь с употреблением спиртных напитков в батарее, я буду жестоко бороться с невыполнением приказов. Я лучше вам лишний раз морду набью, но спасу таким образом от смерти. Только единым, сплочённым коллективом мы сможем выполнить поставленную задачу и вернуться живыми: запомните это.

– Со своей стороны обещаю, что приложу всё своё умение, опыт, который у меня есть для того, чтобы все мы вернулись домой живыми. Также обещаю, что с такими козлами, как Чудинов, я буду бороться всегда и везде. Всё. Разойдись.

После построения вызвал к себе в купе Некрасова и Ермакова. Они стояли передо мной, как побитые собаки. Хотелось сказать им многое и обидное, но поступил по-другому.

– Что, сержанты, головы опустили – стыдно? Вам уже рассказали, что вы вчера творили? – Бойцы одновременно кивнули головами, – А мне как обидно. Я, честно говоря, на вас обоих надеялся, больше чем на других. А вы больше других нарезались. Значит так, ругать вас не буду, но, честно говоря, я насторожился. И если ещё раз что-то подобное повторится, с вас спрос будет жёстче, чем с других. Идите и подумайте над этим.

Через полчаса попросил Алушаева позвать Чудинова, который прятался от меня в дальнем купе.

– Садись Алушаев, – хлопнул ладонью по полке, когда они зашли в купе, – я хочу, чтобы ты послушал тоже. Алушаев, вот ты смотришь, как комбат «трахается» с Чудиновым, пытается что-то вбить ему в голову, а ты в сторонке стоишь и посмеиваешься. Вы оба понять не можете того, что понимаю я. Ведь когда мы приедем в Чечню, то в бой пойдём вместе... В одной железной коробке – В «Бардаке» этом. И в этой железной консервной банке умирать тоже будем вместе, если подобьют. Мы ведь должны чувствовать и понимать друг-друга, как закадычные друзья. А что у нас получается: Чудинов слушает комбата только потому, что тот офицер, а сам при удобном случае напакостить норовит. Комбат пытается вбить водителя в военную колею, а пулемётчик сержант Алушаев, кстати ещё и командир отделения, невозмутимо наблюдает за этими потугами.

Ты что, Алушаев, думаешь если нас зажмут, то из пулемёта отстреляешься? Так не отстреляешься, потому что Чудинов украл и продал шлемофоны из машины, в том числе и шлемофон комбата. И комбат вместо того, чтобы вызвать помощь, достанет свой автомат и только огнём сможет поддержать тебя, а Чудинов ещё в спину нам стрелнет.

– Не стрельну, – мрачно буркнул в сторону солдат.

– Ну не стрельнешь, так продашь нас. Чудинов, я может быть и понял тебя, если бы ты эти шлемофоны украл из других машин, но как ты додумался украсть шлемофоны из своей машины – вот этого понять не могу. Ты ведь мог оставить батарею без связи, ты же обрекал своих сослуживцев и себя, в том числе, на смерть. Шлемофона у комбата нету и вызвать подмогу я не смогу, да и батареей в бою не смог бы руководить. – Я замолчал на некоторое время, давая возможность своему водителю подумать, потом продолжил, – Значит так. Решение по тебе, Чудинов, я принял. Его приведу в исполнение, когда мы будем подходить к границе Чечни, ну а ты, товарищ сержант, иди и работай с ним. У тебя в обязанностях написано воспитывать подчинённого, вот и воспитывай.

Алушаев злобно посмотрел на Чудинова, потом обратился ко мне: – Товарищ майор, может, мы его в другой взвод сунем, а себе другого водителя возьмём.

– Алушаев, ну кому мы его отдадим? Давай, называй фамилию командира машины, кому мы это говно подкинем. У тебя хватит совести назвать фамилию? – Сержант сидел и молча

сопел, – вот и я думаю: нам он достался, мы с ним и бороться будем. Вот иди и борись. Вперёд. . . . .

День прошёл спокойно, солдаты отсыпались и отходили от пьянки. А уже поздно вечером наш эшелон втянулся на станцию Армавир и остановился. Встали вроде бы не на самой станции, чтобы не мешать основному грузопотоку, но не совсем удачно: состав перекрыл проход из дискотеки в город и толпа малолеток, по окончании танцев, ринулась через пути в город. Часовые пытались направить их к переходу, который виднелся неподалёку, но всё было бесполезно. Часть толпы, человек сто, обкуренной и пьяной молодёжи хлынула на платформы. И начали ломать технику, пытаясь проникнуть во внутрь машин. Другая, большая часть, выделяваясь перед своими девками, лезла на рожон и начала «качать права» часовым, которые пытались оттеснить их от эшелона. Толпа пьяных малолеток входила в раж, не помогло и подкрепление, которое прибежало от вагонов. Вдоль эшелона загремели выстрелы, караул открыл предупредительный огонь в воздух. Подростки, прыгая и падая с платформ, брызнули в разные стороны и уже из переулков, которые подходили почти вплотную к железнодорожным путям, в часовых полетели кирпичи, камни и заточки. На помощь караулу из вагонов, получив автоматы, выскочили офицеры. Выскочили и мы – офицеры и прапорщики батареи. После переформирования эшелона, моя техника оказалась сразу за нашим вагоном, вот вдоль своих платформ мы и рассредоточились, занимая позиции в снегу. Только мы заняли оборону, так сразу же заметили, что в переулках стали скапливаться группы молодых людей, но не малолеток, которые прорывались через нас из дискотеки: эти были гораздо взрослее и опаснее. По дороге, которая проходила тут же, стали носиться взад и вперёд легковые машины, набитые молодыми мужчинами. Вдоль состава периодически шёл выстрелы и обстановка стремительно накалялась. В самый пиковый момент из переулка вывернула очередная легковушка и медленно поехала вдоль состава. (Нервозность в тот момент добавляло и то, что нас предупредили: чем ближе к Чечне, тем больше вероятность нападения боевиков на эшелон, или попыток взорвать его). Машина сразу же была взята на мушку и все её веди, в готовности открыть огонь.

Проехав наш вагон, машина остановилась в том месте, где залёг Игорь Карпук. Из машины медленно вылез молодой парень и с трудом вытащил из салона огромную картонную коробку, поставил её на снег и быстро юркнул обратно. Машина, взревев двигателем, рванула с места и скрылась в ближайшем переулке. Я закричал и приказал технику отползти, считая, что это может быть и мина, недаром они так быстро скрылись. Игорь стал пятиться назад. Но через минуту эта же машина, объехав квартал, выехала из другого переулка и снова остановилась около коробки. Игорь замер. Из машины опять вышел тот же парень. Подняв руки вверх, медленно подошёл к коробке. Поднял её и закричал: – Ребята, не стреляйте. Мы местная мафия. Мы вас уважаем за то, что вы едете воевать против духов, которые нас здесь всех задолбали. Это вам от нас – сигареты: не стреляйте. – И пошёл к Карпуку, который опустил автомат и поднялся во весь рост из снега. Даже на расстоянии, было видно в каком напряжении находился Игорь. Одно неверное движение со стороны парня и Игорь полоснёт его очередь. Парень это тоже чувствовал – медленно приближался, также медленно, когда до техника осталось пять метров, опустил коробку на снег, достал перочинный ножик, взрезал верх коробки и начал пятиться к машине, сел в неё. Машина осталась на месте, а Игорь подошёл к коробке, не касаясь осмотрел её. Закинув автомат на плечо, поднял коробку и прокричал парням слова благодарности. Машина завелась и, громко сигналя, поехала, набирая скорость вдоль состава, пока не скрылась. В это время загудел тепловоз, предупреждая нас о начале движения, и через несколько минут, только мелькнувший за окнами семафор напомнил нам об Армавире, который мы тут же и забыли. В вагоне открыли картонную коробку, которая была полностью набита блоками сигарет «Опал».

Утром эшелон прибыл в Пятигорск. Стояли часа три, проверяли крепление техники. Я разрешил в течение сорока минут проветрится своим солдатам, которые уже двое суток не

выходили из вагона. Уже здесь, в преддверье Кавказа, все офицеры и прапорщики ходили по станции с оружием. На соседние пути подошли ещё два состава с войсками, рядом с нами встал эшелон с техникой МЧС. Тронулись дальше и по эшелону пронеслась весть, что уже сегодня зайдём в Чечню. Прошли Моздок, после Моздока остановились на каком-то небольшом полустанке. До границы с Чечнёй оставалось 8-10 километров и здесь мы впервые увидели чеченцев. Правда, гражданских и местных. Я, конечно, их видел и раньше, и не только видел, но служил вместе с ними. Но сейчас мы смотрели на них, как в первый раз. Во время стоянки к нашему эшелону подошли несколько оперативников, которые контролировали здесь обстановку. Разговорились. Они то и показали нам, на стоявшие несколько домов рядом с путями. Вокруг них суетились, занимаясь домашними делами, как это сейчас принято говорить – лица кавказской национальности. Работая, несколько небритых и угрюмых мужиков искоса бросали взгляды в нашу сторону.

– Эти местные чеченцы – рассказали оперативники, – перед боевыми действиями ушли к Дудаеву. И пока он держал фишку, ревностно служили ему там. Но как только армия стала духов колошматить: все кто выжил – вернулись обратно.

Мы с любопытством разглядывали бывших духов, ведь точно с такими же зверьками, может быть, придётся уже сегодня столкнуться.

Поехали дальше, поезд шёл на совсем малой скорости, может быть километров пять-шесть в час. Начали выдавать солдатам оружие, боеприпасы и гранаты. Следующая станция Песчаная, а это уже территория чеченцев и как нам сказали оперативники, два часа тому назад ОМОН одного из южных городов опять отбил её у боевиков обратно. В купе появился Чудинов.

– Товарищ майор, а мне почему старшина не даёт оружие и боеприпасы? – С удивлением и некоторой долей обиды задал вопрос водитель.

– Ну, вот и пришло время, товарищ Чудинов, расставить все точки в наших с тобой отношениях. Это я приказал не выдавать тебе оружия и боеприпасы. – Замолчал, чтобы посмотреть, какая будет реакция, но солдат молчал и поэтому продолжил.

– Чудинов, пойми... Мне нужен нормальный солдат, на которого я в боевой обстановке могу положиться и доверять, а не оглядываться постоянно и следить за ним. Такой, какой ты есть, со своими уголовными замашками и воровскими мыслями – мне не нужен. Вот у тебя сейчас есть два пути, – я поднял рядом стоявший вещмешок, развязал его и вывалил содержимое на полку.

– Вот видишь, – начал перебирать продукты и вещи, – я приказал прапорщику Пономарёву положить сухого пайка на двое суток, а он, как ты выражаешься, «поганный мент», положил продуктов на трое суток. Смотри, какое он тебе новое бельё нательное положил в вещмешок. Новые запасные фланелевые портянки. Не пожалел белья, а подумал о тебе старшина. Ну, бог с ним. Сверху всего этого ложу твой военный билет. – Я достал из внутреннего кармана военный билет солдата и положил на вещевой мешок. – Вот тебе первый путь: забирай продукты, вещи, военник и пока поезд не зашёл в Чечню прыгай с него и уходи. Уходи куда хочешь. Я тебе честное офицерское слово даю, что никому и никогда не доложу о том, что тебя отпустил. Ты мне просто не нужен. Вон, техник, у меня водителем БРДМа пока будет. Так что иди с богом Чудинов.

Помолчал секунд пятнадцать, потом продолжил: – Второй путь: ты остаёшься. Но если ты решишь оставаться: то смотри. Если ты не будешь себя вести как нормальный солдат и продолжишь дальше пальцы веером распускать – я тебя просто Грохну. Создам вполне законную ситуацию и на законных основаниях пристрелю. Поэтому вот тебе пять минут. Хорошо подумай: уходишь или остаёшься. Через пять минут доложишь. – Я хлопнул ладонями по коленям, резко поднялся и пошёл проверять, как идёт получение и снаряжение боеприпасов. Везде царило сдержанное возбуждение, солдаты снаряжали магазины патронами и обстоятельно рас-

кладывали по подсумкам гранаты, складывали остальные боеприпасы в вещмешки. На обратном пути захватил с собой Алушаева.

– Вот мы и опять собрались своим экипажем. Давай, Чудинов, говори, что ты надумал нам с Алушаевым.

Солдат поднял голову и, с трудом выталкивая из себя слова, севшим голосом произнёс: – Товарищ майор, я остаюсь.... Обещаю, что буду примерным солдатом.... Вы не пожалеете если оставите.... Я буду выполнять все приказы.... Даже старшины.....

Я откинулся с облегчением на стенку купе. Эта была победа, пусть маленькая, но победа. Опять подался вперёд.

– Ты хорошо подумал, солдат? Я ведь тоже не так просто здесь воздух сотрясал, когда говорил тебе, если в случае чего – голову тебе откручу.

– Я подумал хорошо, – уже более твёрдым голосом произнёс водитель.

– Товарищ майор, – Алушаев приподнялся с полки и рывком слегка повернул к себе Чудинова, – если он что-нибудь непотребное сделает, я ему первым голову откручу. – С угрозой произнёс сержант.

Ну, что ж, с еле скрываемым торжеством оглядел не только присутствующих в купе, но и соседние купе, в которых также с интересом прислушивались к нашему разговору солдаты батареи. Воспитательная акция удалась и она должна сыграть свою положительную роль.

– Старшина, выдай Чудинову оружие и боеприпасы.

Эшелон тем временем продолжал медленно, как будто нащупывая в темноте путь, двигаться к границе Чечни. Когда мы её пересекли – никто не видел, но все поняли что мы в Чечне, когда начали втягиваться в населённый пункт – станция Песчаная. Вдалеке горело несколько домов, в воздухе рассыпались в разных направлениях трассы от автоматных очередей, взлетали осветительные и сигнальные ракеты. В остальном населённый пункт был в темноте.

Поезд втянулся на станцию, последний раз дёрнулся и остановился. Мой вагон как раз остановился в тридцати метрах от здания небольшого каменного вокзала и как только прекратился стук колёс, мы отчётливо слышали звуки выстрелов вокруг эшелона. Особенно часто стреляли в голове состава около локомотива, но а так автоматные очереди раздавались практически кругом: то вблизи вагонов, то вдалеке. Обстановка была абсолютно непонятная – Кто стрелял и куда? Рядом с нашим составом стоял ещё один эшелон и в темноте около него суетились вооружённые люди: кто они были – в этой непонятной обстановке тоже было неизвестно. Приказал своим солдатам и взводу управления дивизиона занять у окон оборону и открывать огонь только тогда, когда зазвенят разбитые стёкла в нашем вагоне от огня противника. Из офицерского вагона к нам прибежал от начальника артиллерии капитан Пальцев и сообщил, что рядом с нами стоит эшелон с ОМОНовцами, которые и контролируют станцию. Они нашли где-то огромное количество спирта и пережрались – все 300 человек. Пока мы с Пальцевым обменивались информацией, около офицерского вагона послышалась беспорядочная стрельба и крики. Прибежал ещё один солдат из вагона руководства: сказал, что полковника Прохорова взяли в плен, но кто – неизвестно. Что делать нам в такой дебильной ситуации – непонятно? Ну, ладно, рассудил достаточно трезво – с пленением Прохорова пусть разбирается начальство с офицерского вагона, а у меня свой вагон и сто человеческих душ, за которые я в ответе. Но пока я принимал такое решение, между нашим составом и ОМОНовским, в этом узком пространстве, возникла яростная рукопашная схватка, откуда доносились крики, хлёсткие удары и мат: кто и с кем в темноте бился – тоже было непонятно. Попытался было высунуться в окно, чтобы прояснить обстановку: только высунул голову, как кто-то яростно и с надрывом заорал с улицы: – Ну, ты сука..., обратно в вагон, а то стрелять буду. – Пришлось убрать голову. Ладно. Поступим тогда по-другому. Я пробрался к проводнику, который сидел, забившись в угол служебного купе и в тоске готовился к смерти. Увидев меня, заскулил: – Когда же всё это закончится, майор?

– Не писай кровью, Вован, прорвёмся. У нас в вагоне сто вооружённых до зубов солдат, так что просто мы им не дадимся. – Последние слова, по-моему, не стоило говорить. Проводник приглушённо завыл, сполз на пол и стал закидывать себя матрасами и одеялами. Я с сожалением посмотрел на этого мужика, взял со стола ключ от дверей тамбура и направился к себе. Обстановка в вагоне была напряжённо-спокойная. Солдаты затаились на своих позициях у окон и всматривались в окружающую местность, освещённую горевшим рядом двухэтажным жилым зданием. Они были готовы по первой моей команде вступить в бой. В заднем тамбуре вагона собрались я, техник и замполит. Посовещавшись, решили: открыть дверь тамбура, я выбираюсь на платформу и наблюдаю за местностью, может сползаю куда-нибудь на разведку. Открыли дверь, меня подсадили и я выполз на холодную броню БРДМа, который стоял у дверей. Прижался к металлу броне и затаился. На улице звуки выстрелов были слышны гораздо резче и отчётливей. Особенно сильная стрельба шла в голове состава, а здесь было относительно тихо: лишь изредка пощёлкивали выстрелы в районе офицерского вагона. Только собрался спуститься вниз, как из-за нашего вагона вывернулась группа вооружённых людей, которая шла, громко и возбуждённо о чём-то переговариваясь и споря. Прошли мимо и в темноте я не сумел разглядеть – кто это были. На всякий случай взял их на мушку и стволом автомата сопроводил до здания небольшого вокзала, куда они скрылись. Прошло несколько томительных минут, в течение которых обстановка не прояснилась, а под платформой послышался шорох.

– Боря, Боря, это я – Чуватин. Слезай ко мне вниз.

Оставив за себя Кирьянова, я тихо спустился с платформы. Внизу, прижавшись к колесу платформы, сидел на корточках старший помощник начальника артиллерии полка Игорь Чуватин.

– Ты откуда? Что происходит? Кто и как взял в плен Прохорова? Что за схватка произошла между вагонами? – Все эти вопросы выпалил враз и выжидающе смолк.

– Пока знаю совсем немного, ОМОНовцы пережрались и почему-то решили взять наш эшелон под свой контроль и обыскать его. Мы отказались выполнить их требования. И тогда они захватили в плен Прохорова. Наши офицеры поднялись и схватились врукопашную с ОМОНовцами и отбили назад Прохорова. А почему стрельба по всей станции идёт – никто не знает....

Неожиданно началась стрельба в районе группы двухэтажных жилых домов, которые находились напротив офицерского вагона и мы с Игорем тут же быстро перебрались вдоль вагона в ту сторону и залегли под передним тамбуром, направив автоматы на освещаемое пожаром пространство. Я повернул голову к Чуватину, чтобы у него что-то спросить и увидел, как из сливной трубы туалета, под которой лежал Игорь, ему на спину потекло говно. Резко откатился, чтобы меня не обрызгало и, не удержавшись, засмеялся. Надо же, кругом стрельба идёт, в любой момент может начаться бой, а кому-то срать захотелось: то ли от страха, то ли время пришло естественных надобностей. Но Игорю было не до смеха, он возмущённо и обиженно что-то прокричал и вскочил на ноги. Какой тут бой? Завертелся на месте, пытаясь заглянуть себе на спину, потом как-то жалобно замычал и рванул в вагон разбираться с «серуном». Я смеялся, но недолго, так как внезапно осознал, что остался на позиции один, а на меня прёт из-за домов человек десять с автоматами в руках.

– Стой! Кто идёт? Стрелять буду. – Заорал я, чуть не сорвав голос.

– Свои, свои..., не стреляйте. Я командир ОМОНа.

Действительно, это были ОМОНовцы: – Где старший?

Показал автоматом на вагон и вслед за ними залез тоже. Не задерживаясь в офицерском вагоне, ушёл к себе, где меня уже потеряли мои офицеры. С юмором рассказал о сложившейся обстановке не только офицерам, но и солдатам, чем немного снял напряжение. Солдаты и офицеры зашевелились, заулыбались, слышались шутки и смех. А убедившись, что здесь всё в

порядке, снова вышел в тамбур, где увидел Серёгу Ершова. Он открыл обе двери тамбура для сквозного прохода и курил.

– Боря, – засмеялся Сергей, увидев меня, – сейчас у нас в вагоне сидит ОМОНовский командир, чуть не ревет. У него весь отряд пережрался спиртом, спяну им везде мерещатся духи и они лупят из автоматов во все стороны. Сейчас договариваются, чтобы быстрее наш эшелон выпустить со станции, а то он боится, что у нас от пьяной стрельбы пострадавшие будут.

Мы засмеялись, и в этот момент перед нашим тамбуром остановились два ОМОНовца. Сказать, что они были пьяны – значит соврать. Что ну..., очень пьяны – значить грубо исказить правду. Они были в том счастливом состоянии, когда суровая реальность переставала существовать, когда все люди были братьями, когда человек существовал в своём выдуманном и прекрасном мире.... И вот появляются два пьяных идиота, для которых существуют только они и трёхлитровая банка спирта, которую они прямо лелеют в руках. Есть ещё какие-то досадные препятствия, которые надо преодолевать: в данный момент крутые ступеньки тамбура, и сам тамбур, куда надо залезать, а руки были заняты банкой.

С громким, металлическим лязганьем, бросив к нашим ногам пулемёт, как обыкновенную палку, один из них: с воловьим упорством, пыхтя и тяжело сопя, стучаясь всеми частями тела обо всё возможное, забрался в тамбур. Мы паралитически тряслись в немом смехе, а ОМОНовец, в упор не замечая нас, поворачивается и нежно, с воркующей дрожью в голосе обращается к напарнику: – Петро, подай мне сюда банку....

– Семён, только осторожно..., – с любовью в голосе отвечает другой и как величайшую драгоценность, бережно передаёт Семёну банку. Потом, глядя сияющими глазами на ёмкость с «огненной водой», срываясь с лестницы, при этом разорвав штанину новенького камуфляжа до паха, Петро карабкается в тамбур – к банке. В том же порядке, упорно не замечая нас, Петро почти на брюхе сползает из тамбура на землю уже с другой стороны вагона, при этом что-то ещё с треском отрывается от его новенького обмундирования, но он этого не замечает. Протягивает руки и принимает банку со спиртом. Семён также, со значительным ущербом для своей формы выпал из тамбура на землю, и о чём-то воркуя, забыв пулемёт, менты стали удаляться к своим вагонам. Мы с Сергеем ржали как сумасшедшие и Ершов, первый справившийся со смехом, сдавленно прокричал им вслед.

– Мужики, а пулемёт вы нам оставляете?

Петро и Семён в недоумении переглянулись и тупо уставились на нас, пытаясь понять – Кто мы такие и вообще откуда появились? Мы закатились в новом судорожном приступе смеха. Казалось, что даже в холодном, ночном воздухе было слышно, как тяжело и со скрипом ворочались пьяные мысли милиционэров. Но всё-таки какой-то пятьдесят седьмой мозговой уровень, ещё не залитый до конца алкоголем, помог вспомнить, что у них помимо банки со спиртом был и пулемёт.

– Петро, ну что ж ты так, – с отеческой укоризной произнёс Семён.

Петро молча вернулся и долго: сопя и срываясь, периодически выпадывая из почти достигнутого тамбура, лез за пулемётом. Мы смеялись до ломоты в скулах, наблюдая эту борьбу человеческого упорства и земного притяжения. Человек победил, но потерял в этой борьбе силы, так как взяв в руки пулемёт, тут же выпал из вагона и с шумом упал на голову. Был бы он трезвый, то так и остался лежать, на залитой гудроном щебёнке, пока бы его не отправили в госпиталь. А так Петро шустро вскочил на ноги и резво побежал за Семёном. Даааа..., на следующий день они оба будут добросовестно пытаться вспомнить: откуда у них синяки, и почему тело местами так сильно болит, и почему у них насмерть разорвана новая форма? Наверняка, они ничего не смогут вспомнить и припишут синяки и грязное, разорванное обмундирование каким-нибудь подвигам, которые они совершали на ниве борьбы с духами. Ещё долгие годы

они будут рассказывать своим сыновьям и внукам, как доблестно бились с боевиками на станции Песчаная.

И как логическое завершение этого приключения, послышался долгий гудок локомотива и мы двинулись дальше, в неизвестность. Закрыв двери в тамбур, я зашёл к проводнику, чтобы предупредить его о том, что ключ будет у меня до конца поездки.

Меня встретил тоскливый взгляд побитой собаки. Какой-то весь взъерошенный и расстрёпанный проводник сидел на своём месте, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Сволочи..., скоты..., уроды..., – обиженно возопил он, – я тут чуть от страха не умер, а вам всё до лампочки и ржёте, как жеребцы в тамбуре.

Я ободряюще похлопал его по плечу. Достал ключ из кармана, показал ему и положил его обратно в карман: – У меня будет, потом отдам.

Всю ночь эшелон малым ходом пробирался по тёмному, без единого лучика света пространству. Мало кто в эту ночь смог заснуть. Кончалась спокойная дорожная жизнь и завтра начнётся новая, полная риска и неизвестности.

...Утро застало нас на станции Ищерская, где мы должны были разгрузиться. Станция также была под охраной ОМОНовцев, правда трезвых. Состав подогнали к небольшой рампе и моя батарея оказалась первой. Без проволочек завели технику и уже через пятнадцать минут машины батареи были вытянуты вдоль дороги. Сам населённый пункт находился в полутора километрах от станции, но очень быстро набежало местное население: женщины, дети, старики, молодые парни. Стояли поодаль и угрюмо наблюдали за разгрузкой. Пока разгружался дивизион: начальник артиллерии и я пошли к ОМОНовцам устанавливать взаимодействие, да и вообще – узнать обстановку. Обстановка, по их словам была сложная. Боевики в окрестностях Ищерской есть, но активности пока не проявляют. Вернулись обратно. Пока ходили к ОМОНовцам, на соседний путь прибыл последний эшелон нашего полка – рота материального обеспечения. В окне остановившегося рядом с нами вагона увидел лица улыбающихся прапорщиков Маматюка и Базанкова, а так как мне уже давно очень хотелось пить, я ломанулся в их вагон за водой. Влетел в их купе и, сразу же увидев под столиком канистру с водой, с хриплым криком в которую тут же вцепился: – Ну и пить я хочу, мужики, – схватил со стола солдатский котелок и налил пол котелка воды.

Володя Базанков засмеялся: – Боря, если так сильно хочешь пить, наливай больше, – но я уже жадно припал к котелку и сделал несколько больших глотков. Теперь-то понял, почему они смеялись. В канистре была не вода, а чистейший спирт. Бурно закашлялся, но когда справился с кашлем, тоже присоединился к общему смеху. Закусил, немного посидел с ребятами и пошёл к батарее, а через некоторое время и РМО приступило к разгрузке. В основном это были КРАЗы – наливники, заполненные под завязку горючим и машины с полковым имуществом. Здоровенные машины, мощно ревя двигателями и выбрасывая чёрный дым из выхлопных труб, становились рядом с нашей техникой, и вскоре вся площадка перед эшелоном была забита техникой. Посмеиваясь, ко мне подошёл подполковник Богатов и сообщил с подколкой.

– Сейчас разговаривал со Шварцнегером (так мы прозвали полковника Шпанегеля) доложил, что разгрузились нормально. Спросил он и про ПТБ, я ответил, что и тут всё нормально.

– Василий Михайлович, а как ты отсюда со штабом округа связался? – Удивился я.

– Почему со штабом округа, я по радиостанции связался с районом сосредоточения полка, он там: вчера прилетел с Екатеринбурга бортом.

Ёлки-палки, я то думал, что больше его не увижу, а он блин ещё и на войне нам мозги будет компостировать.

В три часа дня из полка приехал КАМАЗ и из его кабины выскочил командир второго батальона Андрей Устименко, которого мы оставили в Екатеринбурге.

– Ты-то откуда? – Радостно галдя, мы обступили сослуживца.

– Мужики, – жалобно попросил Андрей, – дайте мне чего-нибудь пожрать и я всё вам по порядку расскажу. – Через три минуты, размахивая горбушкой хлеба и одновременно залезая ложкой в банку с тушёной, Устименко начал рассказывать.

Как только отправили последний эшелон, сразу же сколотили группу офицеров из штаба округа и дивизии, туда же вошёл и он, с Андреем Порпленко. Прилетели самолётом и командир дивизии с адъютантом. Короче, человек двадцать, с задачей: доукомплектовать полк техникой, имуществом и вооружением. Полк стоит в голом поле, в полутора километров от населённого пункта Толстый Юрт. Грязище страшная и в ней ставят палатки, воды не хватает. Кормят плохо. Самое главное нет дров, так что надо отсюда забрать всё, что горит до последней колодки. Вот и его прислали за дровами. Будем там стоять несколько дней и проводить боевое слаживание, а потом пойдём вперёд. Самое главное он сообщил в последнюю очередь: на ночь мы остаёмся здесь, а завтра с утра совершаем марш в район сосредоточения полка. Загрузив дрова в машину, Андрей уехал обратно в полк, а я подошёл к куче колодок и горестно задумался – куда грузить дрова. Техника и так уже была загружена под завязку. Мы даже ящики с патронами привязывали на борта БРДМов. Вязали их за все имеющиеся выступы. Вздохнув, созвал всех командиров машин и офицеров, обрисовал ситуацию и приказал всё что можно – загрузить, после чего пошёл по рампе, которая уже превратилась в подобие цыганского табора. Кругом горели костры, около которых грелись солдаты и офицеры. Около одного из костров наткнулся на пьяного лейтенанта Нахимова и его солдат. Если солдаты были слегка выпивши, то Нахимов являл жалкое зрелище и вести какой-либо разговор с ним было бесполезно. Весь в соплях и слюнях, размахивая руками, он произносил в пространство длинный и путанный монолог, неизвестно кому предназначенный. Отругав солдат за пьянку, поставил задачу им следить за своим пьяным командиром, чтобы куда-нибудь не убрёл: всё-таки без оружия. Пройдя ещё немного вдоль техники, вдруг обратил внимание, что с рампы исчезли все женщины, дети и старики. Лишь молодые мужчины, оттянувшись метров на двести, маячили вдалеке на огородах. Пройдя немного вперёд, наткнулся на взволнованного начальника артиллерии, который спешил в сторону станции.

– Боря, пошли к ОМОНовцам устанавливать взаимодействие на ночь. По-моему духи хотят нас атаковать, видишь дети, старики и женщины исчезли.

Начальника ментов мы нашли в вагоне, где они жили, но тот на наше предложение упёрся насмерть, мол – У меня с духами перемирие. Я их не трогаю, они меня не трогают. Вы там сами решайте свои проблемы с ними.

Мы ему: – Ты чего майор? Если у нас хоть один наливник рванёт, то не только от твоих вагонов, где вы прячетесь, но и от станции ничего не останется.

Но он упрямо талдычил своё, на все наши доводы. Плюнули мы, чёрт с ним. Начнётся у нас, ему, волей неволей, просто придётся вмешаться. Вернулись к своим и начали организовывать оборону на ночь. Моей батарее поставили задачу прикрыть станцию со стороны рампы, к которой примыкал бетонный забор мукомольного завода. Назначил охрану, определили сектора обстрела. Особый сектор выделил своему пулемётчику Алушаеву.

– Алушаев, твоя задача: если начнут работать снайпера, а я считаю, что они оборудуют свои позиции на крыше водонапорной башни или крыше вон той вышки, то ты должен максимум через 45 секунд открыть огонь и раздолбать эти позиции. Смотри, я на тебя надеюсь.

Сам собрал всех, кто не задействован ночью на охрану и убыл с ними в вагоны спать. Три часа тому назад, машинисты отцепились от эшелона, бросили платформы, посадили к себе запуганных проводников и умчались на ночь в Моздок. Ключом, который забыл вернуть проводнику, я открыл дверь и запустил своих солдат. Проводник хоть и сбежал, но перед этим навёл порядок в вагоне. В чистоте и тепле мы перекусили и завалились спать.

Глава третья

Толстый юрт

Ночь прошла хоть тревожно, но без стрельбы. Как только рассвело, быстро позавтракали у угасающих костров сухим пайком и начали вытягивать колонну. Осталось только дожидаться офицера с полка, чтобы он нас сопроводил в район сосредоточения. Офицер прибыл где-то в одиннадцать часов, а через тридцать минут двинулись и мы. Батарея шла в колонне сразу же за ПРП начальника артиллерии, а потом артиллерийский дивизион, позади него колонна РМО.

Погода была мерзкая, температура где-то немного ниже нуля. Если вчера днём и ночью было кругом мокро, то теперь на дороге был банальный гололёд, а деревья по бокам дороги были покрыты сплошной и тонкой коркой льда и если хорошо прислушаться, то можно было услышать тихий стеклянный шорох поникших и обледенелых веток. Несмотря на то, что ехали на небольшой скорости, было страшно смотреть, как ПРП Богатова опасно заносило на обледеневшей дороге. Несколько раз машина чуть не сваливалась под откос или же её неожиданно закручивало и выкидывало на полосу встречного движения, где она чудом разъезжалась со встречными машинами. Пару раз заносило и мою машину, но Чудинов уверенно держался на дороге. Через пятнадцать минут движения на связь со мной вышел техник и доложил, что противотанковая установка Снытко начала кипеть. Я дал распоряжение брать её на буксир и тянуть до района, где окончательно будем разбираться с техникой. Первые десять километров дорога проходила по лесу и мы шли, как по туннелю, где стенами были густо опушённые изморозью и льдом мёрзлые деревья, потом выехали из леса. Теперь справа всё время был виден незамёрзший Терек, а за рекой простирались, плавно переходя друг в друга невысокие холмы. Нас очень часто обгоняли одиночные машины и небольшие колонны. Интенсивное было и встречное движение. В основном на дороге были военные машины, которые везли боеприпасы, имущество и горючее в сторону Грозного, встречные порожние возвращались обратно. Через час движения вышли к населённому пункту Червлённая: пока всё шло нормально, правда техник с БРДМом на буксире здорово отстал, но связь с ним была устойчивая и я не беспокоился, что он потеряется. Из слов офицера, который нас сопровождал, мы знали, что у Червлённой по мосту будем переправляться на другую сторону Терека. Это, по его словам, было самое опасное место. Середину моста взорвали отступающие боевики, и через это место сапёры навели узкий, в две колеи, железный мост. И с моста в реку уже свалился танк: экипаж которого погиб полностью в ледяной воде, не успев вылезти из танка. Вот это меня здорово беспокоило и я переживал за свои экипажи. Ведь им уже не мог ничем помочь и каждый водитель должен сам переехать это узкое и опасное место. Скорость движения снизилась и мы черепашим шагом, за колонной других машин, приближались к опасному рубежу. Вот открылся и сам мост. Реальность оказалась ещё хуже, чем я себе представлял. Высокий мост, длиной метров двести – триста, kloкочущая тёмная вода внизу. Центральный пролёт моста действительно взорван и образовалась пустота метров двадцать в ширину. Так вот через эту пустоту были брошены две металлические эстакады, каждая шириной семьдесят сантиметров. И если водитель ошибается сантиметром на двадцать влево или вправо, то машина летит вниз – в мутную, ледяную воду. Спаситься там уже никто не сможет. Но пикантность заключалась в том, что вся эта эстакада ещё возвышалась над остальным мостом на семьдесят сантиметров. И для того чтобы заехать туда, нужно было набрать достаточную скорость, чтобы преодолеть этот небольшой, но довольно крутой подъёмчик, который в данный момент был ещё мокрый и скользкий. Я заволновался ещё больше. Конечно, волновался за то, как преодолеет это препятствие моя машина, остальные машины батареи, но больше всего переживал за машину техника, который тянул на

буксире тяжёлую машину Снытко. Сумеет ли УРАЛ с этим прицепом хорошо разогнаться на мосту, на гололёде? Сумеет ли он вытянуть бронированный БРДМ на эстакаду? Не ошибётся ли бестолковый Снытко на эстакаде? Ведь если он ошибётся, то БРДМ утянет вниз и УРАЛ с техником, да и если водитель УРАЛа ошибётся, то тогда и автомобиль утянет БРДМ вниз. Этот рой мыслей носился в голове, вгоняя меня в ледяной пот, пока приближалась наша очередь на пересечение моста. У въезда на мост расположился блок-пост, солдаты которого, скучившись у поднятого шлагбаума, курили и с нездоровым любопытством и азартом наблюдали за этим поединком водителя и моста. И мне даже показалось, что солдаты каждый раз с сожалением провожали машину, благополучно преодолевшую опасное место. Что поделаешь – бестолковая молодость и жажда острых ощущений. Вот регулировщик дал команду бронированной машине начальника артиллерии на движение и придержал меня. ПРП легко набрало скорость, также легко въехало на эстакаду и через пять секунд благополучно съехала на мост с другой стороны. Настала моя очередь, регулировщик махнул грязным, красным флажком в сторону переправы. Я мысленно перекрестился и повернулся к Чудинову, лицо которого побледнело и покрылась испариной.

– Чудо, я тебе не мешаю. Вперёд.

Водитель судорожно вздохнул, нервно двинул рычаг скорости вперёд и БРДМ нехотя сдвинулся с места. Несколько раз колёса предательски проскользнули на обледенелых участках моста, заставляя нас всех судорожно сжиматься. Я повернулся назад и поглядел на Алушаева, который через плечо Чудинова напряжённо смотрел на приближающееся препятствие. Пальцы его рук, судорожно вцепившиеся в спинку водительского сиденья, побелели. Не лучше, наверно, выглядел и я: нательное бельё у меня было практически мокрым от пота. Повернувшись обратно, я стал смотреть, почти обречённо, вперёд.

– Слишком быстро, – мелькнула у меня мысль, – от удара об подъём эстакады нас сейчас просто выбросит в сторону, а потом вниз.

Но я молчал, не мешая водителю, лишь судорожно сжимая автомат в руках. Сейчас всё зависело от этого солдата и от его умения. Нос машины пошёл неожиданно плавно вверх, когда передние колёса въехали на эстакаду, ещё мгновение машина выровнилась и ровно поехала по металлическим балкам эстакады. Я успел привстать и бросить взгляд из люка вниз. Действительно, из мутной и стремительной воды под острым углом торчал ствол танкового орудия. Ещё пять секунд томительного движения и БРДМ катился по мосту на выезд.

– Пфууууу....., – я громко и облегчённо выдохнул весь воздух из груди, такой же выдох услышал и сзади: – Молодец, Чудинов, давай за мостом проезжай метров пятьсот, принимай вправо и останавливайся. Будем ждать других.

Как только машина остановилась на обочине, я выскочил на броню и в бинокль стал наблюдать, как машины батареи одна за другой преодолевают мост. Все проехали благополучно и выстроились сзади моей машины. Также нормально переехали самоходки, за которыми я увидел в бинокль УРАЛ с техником и БРДМом на тросу. Схватил микротелефонную трубку радиостанции.

– Крюк! Я Лесник-53, высаживай всех кроме водителей. Все бегут сзади машин..., на всякий пожарный. Побольше скорости и не забывай, что не только ты должен выехать на эстакаду, но и вытянуть машину Снытко.

– Лесник– 53! Вас понял, выполняю.

Положил трубку на место и в бинокль стал наблюдать – больше я ни чем не мог им помочь. Карпук выскочил из машины, посадил Кирьянова, замполит в свою очередь посадил командира БРДМа: оба они стали за машинами. По знаку регулировщика УРАЛ тронулся с места и стал набирать скорость. Кирьянов и сержант устремились бегом за ними.

Вот УРАЛ въехал резво на эстакаду и скорость сразу резко снизилась, но автомобиль продолжает двигаться и тащит, тащит, тащит....., томительно долго тянет БРДМ за собой. Это

был самый опасный момент. Я опять мгновенно вспотел и стал невольно покачиваться телом, как будто старался помочь УРАЛу вытянуть БРДМ, тем более что мне показалось в какой-то момент, что всё – не сможет УРАЛ вытянуть.

– Ну..., Нуууу..., давай, поднажмиии..., – мысленно уговаривал я и БРДМ мучительно медленно, но всё-таки заехал на верх эстакады, проехал ровно по железной колее и за УРАЛом скатился на мост.

– Молодец Снытко, – облегчённо вздохнул и только сейчас понял, что не только я с замиранием сердца наблюдал за техником и Снытко, но и вся батарея сейчас радовалась. Солдаты что-то радостно кричали, свистели, кто-то даже кинул в восторге шапку вверх.

Как только все переправились, колонна двинулась дальше, поднимаясь вверх на холмы. Проехали ещё несколько километров, свернули направо в поле и через шлагбаум въехали в расположение полка. Ещё издали увидел на поле коренастую фигуру Шпанегеля и затосковал, а когда колонна начала около него заворачивать и он увидел УРАЛ с БРДМом на буксире.... Последовала активная жестикуляция рук, смысла которой не надо было расшифровывать и так было ясно, что он матерился. Колонна остановилась, я спрыгнул с машины и пошёл докладывать полковнику. Но тот даже не дал мне рта открыть.

– Копытов...., ну что это за ерунда? Ну, почему на тросу? Ну, сколько это может продолжаться? – Мне было задано ещё много других риторических вопросов, на которые ему практически и не ответишь. Конечно, я промолчал. Всё выслушал и отправился располагать батарею. Определили мне место под палатки, а рядом место для техники, сзади нас расположилась развед. рота, но через десять минут загудели их БМП и рота куда-то стремительно умчалась. Я же активно включился в рытьё гнезда под свою палатку, но минуты через три сердце стало давать сбои, обильно выступил пот, всё тело стало ватным и появилась боль в районе сердца. Это заметил замполит и в категорической форме заявил мне, чтобы я занимался своими командирскими делами, а с офицерской палаткой он разберётся сам. Я ему был благодарен: действительно, чувствовал себя очень плохо. Батарея прилежно готовила места для отдыха, моего вмешательства не требовалось и у меня появилась возможность оглядеться кругом.

Наш полк стоял на огромном поле: размером примерно 5 на 5 километров, в полутора километрах севернее населённого пункта Толстый-Юрт. Как меня успели проинформировать: Родина бывшего спикера Государственной думы – Руслана Хасбулатова. Судя по карте, которую тоже успел разглядеть, в нём было населения около семи тысяч, и защищал его, как мне успели тоже рассказать, местный отряд самообороны количеством восьмьсот человек. Командование полка договорилось со старейшинами села, что полк в сторону населённого пункта стрелять не будет, ни техника, ни личный состав в село тоже входить не будет. Со своей стороны те пообещали, что ни каких провокаций и действий, направленных против полка, они не предпримут. Сразу за Толстым-Юртом с запада на восток шёл хребет: высотой 400-600 метров. А за хребтом был уже Грозный, туда через хребет шла, хорошо видимая с нашего места, извилистая асфальтная дорога, по которой нескончаемым потоком шла техника и войска. Сзади нас, за дорогой, по которой мы пришли, располагался артиллерийский дивизион большого калибра. Он ни на минуту не прекращал огня: бил и бил по Грозному. В остальные стороны расстились поля, на которых помимо нашего полка располагались другие части.

Пока осматривался, старшина разогрел тушёнку и мы слегка перекусили, после чего я убыл к командиру полка доложить о благополучном прибытии. Командир мучился – у него болели зубы и в пол лица расплылся флюс. Петров выслушал мой доклад, страдальчески сморщился, когда заговорил: – Копытов, иди получай у начальника штаба карту Грозного и Чечни, склеивай их. Завтра ещё один день на разные организационные вопросы и приступаем к боевому слаживанию. Давай иди. – Подтолкнул он меня к выходу.

В секретке получил два комплекта карт, завернул в штабную палатку. Несмотря на то, что в палатке, размером 6 на 6 метров, было тесно от находившихся там офицеров, я взял

у Андрея Порпленко клей и сумел благополучно склеить обе карты. Конечно, карты получились большие и громоздкие, так что пришлось достаточно повозиться, чтобы их сложить гармошкой, размером в стандартный лист. После чего уже спокойно стал знакомиться с их содержанием. Первой развернул карту Грозного масштабом 1:10 000, то есть в одном сантиметре карты сто метров местности. Сама карта была издания 1978 года, но в неё, фиолетовым цветом, были впечатаны все изменения, произошедшие за это время. Я поглядел вниз карты, где было написано, что все изменения внесены по данным аэросъёмки в декабре 1994 года – то есть самая свежая информация. Такие же изменения были и на второй карте. С 1978 года по настоящее время было столько много построено, что карты от изменений приобрели хороший фиолетовый оттенок.

Возвращался в батарею уже в темноте. Из плотных, быстро несущихся по небу тёмных облаков, нудно цедил дождь, пропитывая и без того мокрую землю и кругом была грязь до того липкая, что с трудом выдирали из неё ноги. Дивизион за дорогой продолжал долбить по Грозному и за хребтом стояло зарево от горевшего города, а над ним постоянно горело до десятка осветительных снарядов, от которых было достаточно светло и у нас. По периметру расположения полка слышались то одиночные выстрелы, то очереди из автоматов и как специально трассы очередей, несмотря на договорённость с Толстым-Юртом, в основном уходили в сторону села. Батарея в целом закончила оборудование палаток, была готова и наша офицерская палатка. Так как впереди нас и кругом расположилась пехота, то на ночь в охрану я определил 6 человек во главе с командиром первого взвода. Остальную батарею построил, произвёл боевой расчёт и отпустил спать. Сами мы офицеры сели в палатке, накрыли стол и в спокойной обстановке отметили своё благополучное соединение с полком.

Следующий день был организационным: доводили до окончательного вида расположение, готовили технику и вооружение к боевому слаживанию, которое будет проходить в течение недели. Забот было полно, поэтому день прошёл в беспорядочной суматохе, а вечером три совещания подряд. Сначала командир полка провёл совещание, где поставил задачи командирам подразделений на период боевого слаживания и распределил районы занятий между подразделениями. Рассказал, что 276 полк ведёт бои в центре Грозного и, учитывая его опыт, приказал, для проведения учебных стрельб из стрелкового оружия использовать только трассирующие пули, чтобы от них быстрее избавиться, а то, мол, хорошо трассы выдают место откуда ведётся огонь. Я же про себя подумал: что, мол, и так хорошо слышно, откуда стреляют. Не такая большая у нас стрелковая практика, чтобы хотя бы в первое время не использовать трассера. Зато чётко будет видно, куда летят пули. Придя в батарею, приказал все ленты к пулемётам снарядить: один трассер – один разрывной, один трассер – один разрывной.

Потом было совещание в палатке командира АДН. Проводил Шпангель. Он конкретизировал задачи, поставленные командиром полка: вся техника и весь личный состав должен уходить на занятия. Потом было совещание у начальника артиллерии, и когда поздно вечером добрался до своей палатки, ноги у меня еле шевелились. Мы сели ужинать и чуть-чуть выпили, техник и командир третьего взвода пристали ко мне с животрепещущимся вопросом: – Борис Геннадьевич, что будем делать с машиной Снытко? Антифриз полностью выгнало на марше, как его будем списывать? Воды нет. Завтра выезжать на занятие, а заливать в радиатор нечего.

Устал посмотрел на техника: – Чёрт с ним, с этим антифризом, сплещем потом. Сливайте с УРАЛа солярку и заливайте в систему охлаждения, – я посмотрел на вытянувшиеся физиономии офицеров.

– Товарищ майор, сторим, – неуверенно произнёс командир взвода.

– Мишкин, если я ставлю задачу, значит у меня уже есть опыт в этом деле. У нас в батарее в зиму 1982 на 1983 год три УРАЛа на соляре проездили. Главное, чтобы Снытко выкрутил на днище все сливные пробки, чтобы если есть подтекание – соляра вытекала из корпуса, а то от нагретого двигателя пары солярки могут рвануть. Это я тоже видел. Так что смело

можно использовать дизельное топливо в качестве охлаждающей жидкости. Завтра все экипажи должны иметь канистру с соляжкой: так – на всякий случай.

Утром после развода быстро вытянул колонну и стал ждать, когда начнёт движение дивизион, а мы пойдём за ними, так как заниматься мы должны были в одном с ними районе. Я был спокоен, так как машины у меня все завелись, даже машина Снытко хоть и молотила уже давно, но температуру держала. Поэтому спокойно и с любопытством из БРДМа смотрел на суматоху, которая царила в дивизионе. Наконец артиллеристы закончили бегать вокруг своих самоходок и начали движение, а следом тронулись и мы. Если дивизион бодренько и целеустремлённо стал двигаться по непролазной грязи, то у меня сразу же начались проблемы. Натужно гудя двигателями, беспрестанно буксуя в бесчисленных ямах в колее, мы двигались гораздо тише, всё больше и больше отставая от дивизиона. Уже на первом километре машины со слабыми, отработанными движками, значительно отстали. Закипел Снытко и по радиостанции приказал технику зацепить его за трос и тащить обратно в лагерь. Остальные машины стал подгонять, подавая команды по радиостанции, чтобы догнать дивизион и быстрее миновать поле. Как только мы его проходим, по нему сразу же начинает стрелять пехота – это был уже их район занятий. С большим трудом, по непролазной грязи батарея всё-таки преодолела поле. Перевалили через асфальтовую дорогу и направились к небольшому хутору в трёхстах метрах от дороги. Съехав на обочину, я стал пропускать мимо себя машины и, недосчитав одной, посмотрел назад. Не дотянув метров двести до дороги, в поле стояла противотанковая установка, где был водителем Кушмелёв и отчаянно парила.

– Лесник 53, – захрипела радиостанция, – закипели. Весь антифриз выгнало, воды нет, соляжкой не запаслись, что делать?

– Балбесы, глядя на вас, я сам «закипел». Почему соляжку не залили в канистру? Ведь теперь надо ждать, когда вы остынете. Так ведь можно и боевиков дожидаться....

Не успел закончить переговариваться с закипевшим БРДМом, как Алушаев доложил мне: – Товарищ майор, со стороны хребта по дороге движется автобус битком набитый мужиками.

Развернул вправо командирский прибор: действительно по асфальтовой дороге в нашу сторону двигался автобус ПАЗ, но были ли люди вооружены в автобусе – не было видно. Кипя от злости, решил проверить, как будет действовать батарея, да и попугать тех, кто закипел. Не на прогулку приехали, пусть «подёргаются» немного. Может поймут, что технику надо готовить, за ней следить надо и не только водителю, но и командиру машины.

Я злорадно заорал в эфир: – А вот и боевики приехали. Батарея к бою! 1му и 2му взводу развернуться в направлении асфальтовой дороги. Цель автобус. Уничтожить!

Эффект был поразительный. Машина Кушмелёва, которая только что стояла недвижимо на поле и слегка парила – неожиданно завелась. Резво развернулась и, оставляя шлейф ослепительно белого пара, который временами скрывал машину, помчалась по пахоте с завидной скоростью в сторону лагеря. Через минуту она исчезла из виду, как будто её и не было совсем. Выматерившись в эфир, я развернул командирский прибор в сторону хутора, где первый и второй взвод пытались изобразить развёртывание в боевой порядок. Глядя на эти жалкие потуги, я застонал от бессилия. Через неделю, а может и раньше идти в бой, а тут такая порнография. Машины беспорядочно ползали по окраине хутора, как навозные жуки, то и дело пересекая дорогу друг другу. Одна машина свалилась в яму, и теперь колёса бешено вращались, далеко откидывая грязь, но она оседала носом от этого всё глубже и глубже. Первый взвод вроде бы развернулся, но развернулся в другую сторону. Его, поднятые пусковые установки с ракетами, бесполезно поворачивались из стороны в сторону, пытаясь найти цель там, где её совсем не было. Второй взвод сгрудился, как собаки на случке. Из тихого бешенства меня вывел доклад моего пулемётчика: – Товарищ майор, цель уходит. Что делать?

Это был единственный, кто чётко выполнил мой приказ и сейчас держал под прицелом своих пулемётов автобус. Это отрезвило меня и резко развернул командирский прибор к дороге. Автобус, который я увидел, сначала остановился и из него стали выходить люди. Но увидев, многозначительное и беспорядочное метание моих машин по полю, заскочили обратно в салон, автобус резко набрал скорость и через минуту исчез из вида. С горечью дал команду «отбой» взводам, оставил за себя замполита и помчался за машиной Кушмелёва. Нашёл их только через два километра. Машина окончательно встала в каком-то овраге и тихо парила, громко пощёлкивая раскалённым двигателем. Кажется, заклинил двигатель. Солдаты угрюмо сидели на броне, молча потягивая сигареты. Вяло и безразлично спрыгнули с машины, когда я подошёл к ним. Выслушал доклад сержанта Ермакова и бессильно выматерился. Все молчали, да и говорить было нечего. Сверху над нами посвистывали пули мотострелков, которые начали свои занятия. Я же мрачно размышлял: ещё не начались боевые действия, а батарея, фактически, потеряла уже две единицы техники.

– Всё, стойте здесь. Из оврага не вылезайте, а то ещё пехота подстрелит. Ждите, когда поедем обратно тогда вас и зацепим, – уже спокойно сказал я. Сел в свою машину и под свист пуль поехал к батарее.

Там застал безмятежную и мирную картину. Колонна стоит в центре хутора: солдаты, развесив автоматы на заборе, набирают воду из колодца, тут же умываются, хохочут и весело плескаются друг на друга водой. Офицеров обступили жители хутора, которые рассказывают и смело «вешают лапшу на уши» русским – что они мирные чеченцы, режим Дудаева никогда не поддерживали и не одобряли, что они против войны и рады приходу русских войск. И так далее и тому подобное. Я стоял в люке машины, глядел на эту идиллическую картину – «немцы в только что занятом русском хуторе», мрачно размышляя, как хорошо быть в счастливом неведении, что как боевая единица мы – ноль. Что пока ничего не умеем, что техника, как в эпидемию чумы выходит из строя одна за другой. Есть комбат – пусть у него голова болит за нас, пусть он нас учит и думает за нас, а у нас сейчас передышка, вот мы ей и пользуемся во весь рост. А я думал – какие найти слова, как им вбить в голову, что я один, даже имея семь пядей во лбу, не смогу спасти их от смерти. Что для того чтобы здесь выжить, надо самому тоже крутиться и выполнять, что требует командир.

Не стал ругаться, лишь тихо выматерился и подал команду «По машинам», через пять минут начали движение. Дивизион, конечно, давно ушёл вперёд, но куда ехать я знал. Выехав из хутора, сразу попали в густой, плотный туман и дальше, чем за сто пятьдесят метров, ничего не было видно, лишь справа и слева от дороги в тумане появлялись и исчезали тёмные и большие копны сена. В этот раз колонна батареи шла как по ниточке – чётко. Я стал постепенно отходить от плохого настроения, но километр проходил за километром, а дивизиона всё не было видно. И я начал постепенно опасаться, как бы вот так, с ходу, не влететь в расположение боевиков. Туман становился всё плотнее и плотнее, видимость снизилась до семидесяти метров. И когда мы пролетели от хутора семь километров, принял решение поворачивать обратно. На хуторе набрали воды и продолжили движение в лагерь. В овраге закипевшего БРДМа не оказалось, правда, и пули больше не свистели над полем. Может быть, двигатель и не заклинило и они, остыв, самостоятельно убыли в лагерь? Я облегчённо вздохнул, увидев рядом с Снытковской машиной и БРДМ Кушмелёва. На них копошились не только водители, но и командиры машин под руководством техника. Карпук спрыгнул с БРДМа и доложил, что к технике подходил Шпангель.

– Борис Геннадьевич, полковник был капитально возмущён и приказал: как только вы придёте – прибыть к нему.

Отдав необходимые распоряжения, неохотно пошёл в палатку начальника. На протяжении всего этого неприятного разговора мне приходилось оправдываться, врать, выкручиваться, обещать всё исправить и впредь не допускать. Ссылался на погодные условия, густую грязь и

ещё на тысячу других причин, что мало его успокаивало. Сейчас вся надежда была на техника. Из палатки начальника артиллерии я вышел в отвратительном настроении. Построил батарею и подвёл неутешительные итоги выхода. Завтра выезжаем обратно в полном составе, за исключением машин Снытко и Кушмелёва, поэтому всё внимание подготовке техники. Через час приехал подполковник Богатов и также активно обругал меня за состояние техники и самовольное возвращение в лагерь. Оказывается, мы не доехали до места занятия дивизиона триста метров: они даже слышали гул наших двигателей. Да..., день был испорчен и остаток его прошёл в рутинных делах. Вечернее совещание у Шпанегеля было полностью построено на моей батарее и выходе на занятие. Всё совещание пришлось простоять по стойке «Смирно», выслушивая нелепые высказывания начальника, что в развале Армии виноваты такие как я. А я то до сих пор считал, «по наивности», что наоборот – на таких как я Армия и держится. В препаскудном состоянии лёг спать.

С утра всё закрутилось по новой, опять в составе колонны дивизиона выехали в район занятия. Низко над полем стелился туман, но до хутора добрались без происшествий. Здесь решил остановиться осмотреть машины и набрать воды. Солдатам дал время десять минут умыться, но в этот момент подъехал на ПРП начальник артиллерии полка. Опять обматерив меня, приказал двигаться на занятия. За эти несколько минут, которые мы были на хуторе, туман быстро развеялся, появилось солнце и кругом всё засверкало. Мгновенно начал таять снег, и мы мчались по дороге, весело разбрызгивая грязь и воду. В район прибыли без потерь. Дивизион уже развернулся и занимался выверкой прицельных приспособлений. Видимость была прекрасная, как говорят лётчики – миллион на миллион. Я остановил колонну и, не вылезая из машины, стал осматривать местность. Впереди расстилалось огромное поле, на котором виднелись какие-то группы приземистых построек. В четырёх километрах от нас поле плавно переходило в небольшой высоты хребет, за которым был Грозный, откуда доносился отдалённый гул артиллерийских разрывов. В километрах двух от нас на поле стояли сеялка, комбайн и другие сельскохозяйственные агрегаты. Вот их мы и взяли за цели. Ко мне подошёл командир дивизиона Андруха Князев и предложил посоревноваться: кто первый уничтожит сеялку на поле, на что я с азартом согласился. По нашей команде моя противотанковая установка и самоходка выдвинулись на рубеж открытия огня. Первой, с характерным шипением, к цели ушла противотанковая ракета, но к моему искреннему сожалению мимо. Затем выстрелила САУ и попала в сеялку, красиво разметав куски металла в разные стороны. Вторая ракета попала уже в груды металла и соревнование было нами проиграно. Но это не испортило моего настроения. Дальше каждый стал заниматься самостоятельно. Следующим на рубеж вышел на своей машине младший сержант Кабаков. Как командир он был слабоват, а как оператор вообще – ноль. Но учить его надо было. По радиостанции дал целеуказание и назначил ему цель – комбайн на поле. Кабаков мучительно долго вертел визиром в разные стороны, пытаясь найти цель, а пусковая установка с пятью ракетами, подвывая работающими двигателями горизонтальной и вертикальной наводки, добросовестно поворачивалась за визиром и я уже стал бояться, как бы Кабаков не навёл в какую-нибудь самоходку и не выстрелил. И всё-таки он нашёл цель, но естественно превышение одной трети высоты, при прицеливании над целью, он не сделал, в результате чего ракета сошла с направляющей, сделала небольшую горку и воткнулась в ста пятидесяти метрах впереди противотанковой установки. Двигатель ракеты яростно шумел и выл, продолжая работать, выкидывая высоко в воздух пламя, все начали приседать и прятаться в укрытия. Через две минуты двигатель должен закончить работать и ещё через пару минут сработает самоликвидатор и ПТУР взорвётся. Так оно и произошло – прогремел взрыв и во все стороны полетела грязь и комья земли.

– Кабаков, второй ракетой – Огонь!

Вторая ракета сошла с направляющей, но сержант не сумел взять над ней контроль, и ракета по крутой траектории унеслась вверх, потом пошла горизонтально и взорвалась над

хребтом. На этом для него стрельба закончилась. Я начал пропускать других операторов и всё опять наладилось. Вместе с дивизионом мы начали методически расстреливать всё, что стояло на поле и постройки на его краю, даже особо не задумываясь, что наносим ущерб местным земледельцам. Попытался организовать стрельбу взводом, с марша. Но не получилось, стали барахлить машины, да и местность не совсем позволяла развернуть взвод. А через час к нам подъехали три противотанковые установки и БРДМ – это оказались противотанкисты 27 дивизии – с Тощих лагерей. Разговорился с их командиром батареи и тот был удивлён тем, с какими проблемами мне приходится сталкиваться. Их начальство поступило по другому: вместо батареи полного состава они отобрали три самые лучшие установки – один взвод. Два командирских БРДМ и посчитали, что этого достаточно для противотанковой обороны полка. Естественно у командира батареи нет таких проблем с техникой, как у меня.

Закончил занятие и стал потихоньку двигаться в сторону лагеря и опять начались проблемы с техникой: то одна машина, то другая стали отставать или останавливаться. Дотянули до хутора, здесь остановились, чтобы набрать воды и посмотреть машины, а минут через десять подъехал подполковник Богатов, который опять обматерил меня за остановку в населённом пункте, да заодно и за состояние техники. Последнее время, особенно после пьянки в эшелоне, он стал относиться ко мне, и к батарее очень плохо. Не упустил случая, чтобы и сейчас высказать своё негативное отношение к нам. Проглотил я и это. Двинулись дальше. Как только прибыли в лагерь, сразу же решительно направился к полковнику Шпанягелю и быстро доказал, что такое боевое слаживание окончательно добьёт мне технику, и что я прошу три дня для приведения её в порядок. Полковник горестно вздохнул, но был вынужден согласиться с моими доводами.

Вернулся в батарею и собрал совещание. Спросил офицеров – что будем делать и у кого какие есть предложения? Конечно, предложений не поступило, лишь техник огорошил сообщением, что полк запчастей на БРДМ с собой не взял. После такого безрезультатного совещания пошёл к заместителю командира полка по вооружению подполковнику Булатову Сергею Ивановичу. Погода разгулялась, всюду светило солнце, но на душе у меня было пасмурно. Помимо проблем с техникой, меня одолевали и другие проблемы. Очень плохо было организовано питание не только солдат, но и офицеров. Так паршиво меня ещё никогда не кормили. Скучный ассортимент и хреновое качество приготовления пищи: этому вопросу пришлось посветить несколько часов разбирательства. Мы стояли на довольствии в роте материального обеспечения и я грешил на их поваров, но и в других подразделениях кормили не лучше. Точно такую же пищу готовили и в офицерской столовой. Начпрод полка, Сашка Арушунян, когда я к нему обратился за разъяснениями, попросил меня: – Боря, доведи до своих офицеров и солдат, пусть потерпят немного; как только начнутся боевые действия, я клянусь, питание будет по другим нормам. И кормить вас будут, извини за выражения, но как на убой. Я клянусь. – В принципе после этого заявления отстал от Арушуняна, так как знал, что он своих слов на ветер не бросает. Но теперь ко мне пристал, старшина – раз такая пища, то давайте получим полевую кухню себе и будем сами готовить еду. Но, уже зная деловые качества старшины, в категорической форме запретил даже думать ему на эту тему. Так как через неделю, после того как мы начнём готовить пищу под его «мудрым» руководством, то не только зарастём по уши грязью, но и все усрёмся насмерть.

Вторая проблема – это отсутствие топлива. Дрова, которые мы набрали на станции, закончились на следующий день. И на вторую ночь топить стало нечем, а ночи стоят очень холодные. Спасали нас ватные спальные мешки, которые нам выдали в Екатеринбурге. Но отсутствие топлива психологически отравляло наше существование. Ледяной водой не особо умоешься и не побреешься. Вечером для того, чтобы нагреть палатку и хоть немного посидеть в тепле приходилось наливать солярку в каску, ставить в печку и там её зажигать, где она пол-

часа горит. Но в палатке, помимо тепла, стоит копать и чад, всё в чёрной и жирной саже, которую утром ледяной водой практически не отмыть.

И грязь, фантастическая грязь. В жизни не видел такой грязи и такого «высокого» качества. Сказать, что она жидкая и упругая, липкая и скользкая – это, значит, ничего не сказать. Много в своей жизни ходил по грязи, но здесь пришлось заново учиться ходить по ней. Если идти по ней нормально: то есть, ставишь ногу на всю ступню, а потом, когда перенёс тяжесть на другую ногу, начинаешь отрывать стопу от земли – сначала каблук и затем остальная стопа, то так через десять минут ходьбы останешься без каблуков и подошв. Так сильно она засасывает. Поэтому тут нужно ходить другим способом – поставил ногу в грязь, делаешь шаг вперёд и переносишь тяжесть на другую ногу. Потом не отрываешь стопу от земли, а просто скользишь стопой по самой грязи, но постепенно и одновременно, плавно чуть отрываешь каблук от поверхности и стопой продолжаешь скользить по земле, одновременно всё больше и больше, в скольжении, отрываешь каблук и за тем всю стопу из грязи. Только таким образом можно спасти свою обувь и сэкономить силы. Землю в лагере техникой до того размесили, что грязь стала глубиной по колено. И ходить было возможно лишь только, когда проедет машина – по колее. И то быстро – пока она снова не затянется. В связи с этой грязью вспомнились два эпизода. У командира полка разболелись зубы, выскочил здоровенный флюс. Петров вызвал к себе начпрода Арушуняна: – Саша, достань на складах чеснока, говорят, хорошо помогает от зубной боли. Заколебался я с ней. ...

Арушунян быстро смотался на продовольственные склады, где достал сетку ядрёного чеснока. С ним я встретился, когда он с сеткой направлялся в салон командира. Он идёт по одной колее, я бреду навстречу по другой. Оба балансируем в узкой и глубокой колее, которая медленно затягивается глянцевой грязью. Тут Сашка внезапно поскользнулся, резко взмахнул сеткой, чтобы восстановить равновесие и стал валиться на правый бок, а в правой руке сетка с чесноком. Вот на неё-то он и попытался опереться, но утонул в грязи ровно наполовину туловища. Когда он встал оттуда во весь рост, то одна половина туловища как у циркового клоуна в ровном, толстом слое грязи, а вторая абсолютно чистая и сухая. В правой руке вместо сетки – огромный ком грязи. Конечно, мне было смешно, но Сашке было не до смеха, он крепко выругался по-армянски, потом по-русски и уныло побрёл мыться и приводить в порядок чеснок.

На следующий день солдат из третьего батальона, чтобы избежать боевых действий, выстрелил себе в задницу. Его несут на носилках в медицинский пункт полка два солдата. Несут его по этой невыносимой грязи, им то самим тяжело идти, а тут ещё нести самострельщика. Несут злые. Ну и промахнулись мимо медпункта, выйдя к моей батарее. Когда я им показал, куда надо идти, и когда они поняли, что им надо нести эту сволочь на двести метров дальше – они озлились ещё больше. От неосторожного движения раненый слетел с носилок и выпал в грязь: упал и сразу же погрузился в неё. И из грязи теперь торчала только голова раненого, который плакал – плакал от унижения, боли и бессилия что-либо изменить.

Тут ещё сегодня ночью в палатку РМО кто-то зашёл и из автомата расстрелял спящих солдат. Четыре человека были убиты сразу, а двое скончались по дороге в госпиталь. Правда, о смерти этих солдат никто не жалел, так как они оказались наркоманами и сволочами, которые терроризировали всю роту материального обеспечения, отказывались выполнять приказы командиров и начальников. Приехали по этому поводу из прокуратуры утром следователи, начали проводить расследование. Конечно, я не присутствовал при этом разговоре, но как мне рассказали люди, которые об этом знали: командир вызвал к себе следователей и сказал, что о смерти этих солдат никто не жалеет, что это ублюдки, сволочи и наркоманы. Об их безобразиях он знал, но за всей текучкой, не успел предпринять каких-либо действий, считая, что командир подразделения в состоянии справиться с ними. Да он знает, кто их расстрелял, да об этом знает половина полка, но командир его сдавать не будет. Чтобы прекратить уголов-

ное дело, командир согласен подать их как боевые потери и представить посмертно к медали «Суворова». Следователи с этим согласились и уехали.

Вот на таком нерадостном фоне и «сломался» у меня командир третьего взвода лейтенант Мишкин. Был он натурой романтической, считал, что достаточно быть офицером и тебя будут слушаться все солдаты. И пойдут они за ним в любой бой. Войну он представлял себе как сплошной подвиг. А на самом деле оказалось, чтобы тебе бойцы поверили, надо что-то и самому уметь делать и тянуть эту рутинную ляжку спокойно и постоянно. Место подвигу на войне есть, но вот что эта рутина и есть часть подготовки к этому подвигу – этого-то он и не понял. У него начались проблемы с личным составом, с техникой, которую он не знал и не хотел знать. Ведь достаточно было подойти к Жидилёву и Коровину, которые прекрасно знали противотанковую установку и могли ему оказать любую помощь. Эта грязь, холод и плохое питание, преодоление которого тоже было подготовкой к подвигу и всё это психологически надломило Мишкина. Он как-то резко перестал умыться, следить за собой, периодически впадал в глубокую задумчивость. От взвода шараялся, к технике шёл только тогда когда я его туда выгонял или выпинывал из палатки. Всё это не способствовало укреплению взвода, а он и так был самым слабым в батарее.

Вот такие заботы обуревали меня, когда пришёл к зам. по вооружению. Подполковник Булатов вроде бы внимательно выслушал мои горести и беды, а потом, совершенно неожиданно, глупо захихикал.

– Копытов, честно скажу – запчастей к твоим БРДМам в полку нет – их мы просто забыли на складе в Екатеринбургe. Вот так.

– А меня это, товарищ подполковник, абсолютно не интересует, – окрысился я в ответ, – вы – зам командира полка по вооружению, вот и доставайте запчасти, как хотите и где хотите. А наше дело их на двигатель поставить.

Булатов на несколько секунд задумался и предложил другой вариант: – А зачем тебе запчасти? Давай я тебе дам два новых двигателя, ты их ставишь на БРДМы, старые сдаёшь мне, а потом будем их разбирать на запчасти для тебя. За трое суток поменяешь?

Да, это был хороший выход. Я вернулся в батарею и вновь собрал командиров взводов, техника, командиров машин и водителей. И рассказал, что нам дают два новых двигателя, и нужно их быстро, в течение двух суток поменять: – Ну что, если две бригады создадим – поменяем за двое-трое суток?

– Сделаем, Борис Геннадьевич, – заверил техник и солдаты дружно поддержали Карпука. Через час работа закипела. За сутки сняли движки с машин, а к концу вторых суток поставили новые. Полковник Шпангель мне не мешал. Батарея тоже без дела не сидела. Ещё раз вывели противотанковые установки, благо погода нам не чинила препятствий. Стояла практически летняя погода, солнце светило во весь рост, днём температура воздуха подымалась до плюс 20 градусов. Начала подсыхать грязь, что тоже повышало наше настроение. Все солдаты и офицеры ещё раз отстрелялись на стрельбище: кто имел сомнение в оружии, ещё раз проверили автоматы стрельбой. Дополучали боеприпасы и я уже не знал, куда их складывать, но приказ командира иметь по 5 боекомплектов на каждого солдата выполнил. Короче, каждая минута была занята делом.

На четвёртые или пятые сутки пребывания под Толстым Юртом от КПП, который находился около дороги, мне сообщили, что приехала мать моего солдата и когда я туда пришёл, то оказалось, что это была мать сержанта Андрея Лагерёва. Она приехала из Бурятии в Моздок, наняла автомобиль за миллион рублей и добралась до нас. Приехала с твёрдым намерением забрать своего сына. Я попробовал отговорить её от такого варианта, но убедившись, что это бесполезно, разрешил ей встретиться с сыном. Было указание командира полка по возможности избегать таких свиданий, потому что они, как правило, кончались тем, что родители силой увозили солдата или же солдат сам, поддавшись на уговоры родителей, уезжал с ними. Если

же свидания не удавалось избежать, то оно должно проходить в присутствии командира подразделения. Но я уже знал немного своих солдат, поэтому сказал матери Лагерева: – Конечно, вы можете уговаривать своего сына уехать с вами, но насколько я смог узнать его, он не согласится. Поверьте мне – его командиру.

Пообщавшись ещё немного с ней, пошёл в лагерь, чтобы отправить Андрея на КПП, но по дороге встретил заместителя командира полка по воспитательной работе подполковника Кутупова, который только что отправил Лагерева обратно в расположение приводить себя в порядок. Сержант, узнав, что к нему приехала мама, взял своего друга и как были расхристаные и грязные пошли на КПП, а по дороге наткнулись на Кутупова и тот их отправил приводить себя в порядок. Замполит с ходу отчитал меня за неряшливый внешний вид бойцов и ещё раз напомнил о распоряжении командира полка проводить свидание только в присутствии командира подразделения. Приведя себя в порядок, Лагерев и его друг, с моего разрешения, ушли на КПП. Хотя я и был в них уверен, но всё-таки в душе была тревога. А вдруг сбегут? Через два часа пришёл к шлагбауму, Андрей прощался с матерью и собирался идти в батарею. Был весёлый и довольный. Мать же, в отличие от него, выглядела грустной и печальной. Когда Андрей ушёл, я разговорился с ней, к нам начали подходить и другие родители солдат. Она рассказала, что когда начала уговаривать уехать с ней домой, то Андрей ответил ей категорическим отказом.

– Мама..., – сказал он ей, – ну, как я приеду домой и буду ходить по деревне, зная о том, что я сбежал? Как буду смотреть в глаза родителям моих друзей и односельчан, которые воюют? И что они потом скажут, когда вернуться? Нет, раз я поехал – то пойду до конца.

Хорошо Андрей отозвался и о нас – офицерах. Точно с такими же проблемами столкнулись и другие родители. Я спросил их – Ну а как же вы вывозить будете своих сыновей из зоны боевых действий? Ведь кругом стоят на дорогах КПП, где у всех проверяют документы и сразу же отловят солдата. Но родители заверили, что вывезти можно, нужно только знать, кому дать и сколько.

Когда я уходил, Лагерева угостила меня святой водой, которую она взяла из святого источника, освятила её и привезла сюда. Отпил пару глотков и, забегая вперёд, скажу вам, ну и усрался я от этой святой воды. На следующий день она опять приезжала и я уже безбоязненно отпустил к ней сына. Она приезжала и ещё раз.

По пути в лагерь встретил командира зенитного дивизиона подполковника Николаева Сергея Георгиевича, поговорили, обменялись впечатлениями и я пригласил его сегодня вечером к себе в гости, благо Саня Арушунян выдал нам сало. Правда, на это сало нельзя было смотреть без слёз. Поросёнок, наверно, был очень худой и жилистый, сало тонкое и волосатое, да и поросёнок, наверно, был заколот в году так сорок девятом – короче, офигенно старое сало. Но и это было нам в радость. После обеда старшина нагрел воды и я впервые за десять дней хорошо помылся. Солдаты помылись в солдатской бане, а я не успел – кончилась вода, поэтому пришлось мыться вот так.

Вечером, после совещания накрыли стол и стали ждать в гости Николаева. На стол выставили литровую бутылку спирта «Рояль», которую не только пить уже не могли, но и смотреть на неё. С трудом порезали волосатое сало, открыли и подогрели пару банок тушёнки, а через десять минут пришёл Николаев. Посмотрел на наш стол, хитро рассмеялся и достаёт такую же бутылку спирта и ставит рядом с нашей. Снова засмеялся и положил точно такое же сало – теперь смеялись мы все вместе, после чего дружно разместились за столом. Только успели выпить по первой стопке, как рядом с нашим расположением загудели самоходки, прибывшего и так ожидаемого нового подразделения. Выпили по второй и когда решили посмотреть, кто прибыл, как услышали что по расположению кто-то бродит и ищет меня. Полог палатки распахнулся и к нам ввалился Юрка Хорошавин, который убыл в составе дивизиона арт. полка на 24 дня раньше в батарею Витьки Черепкова. Мы с Николаевым радостно обняли, так вне-

запно появившегося сослуживца. Оказывается, их дивизион под командованием подполковника Климец придали нашему полку для создания полковой артиллерийской группы.

Когда закончились первые бестолковые вопросы и мы бегло обменялись впечатлениями, Юра попросился жить ко мне в палатку, если есть место. Конечно, место было и вопрос разрешился сам собой, после чего тут же предложил ему разделить наш скромный стол. Хорошавин критически осмотрел стол, закуску попросил без него не начинать и умчался в темноту. Не прошло и пяти минут, как на входе в палатку послышался шум и сначала в поле нашего зрения появился большой картонный ящик, а затем солдат, который его держал в руках. Следом за ним ввалился Юрка с вещами в руках и распорядился: – Ставь, боец, ящик на кровать.

После того, как солдат ушёл, Хорошавин как хороший фокусник, под радостные и восхищённые возгласы извлёк из ящика четыре бутылки коньяка «Кавказ», две палки колбасы сервилат, копчёности и много другой вкуснятины. Доставая всё это, Юрка объяснил: – Мы тут немного в Грозном повоевали, поэтому у нас есть трофеи. Так что, Борис Геннадьевич, принимай на стол. – После такого объяснения вечеринка пошла гораздо веселей. Когда мы утолили первый голод и выпили бутылку коньяка, начали расспрашивать Юрку о том, как они воевали. Но Хорошавин был СОБом, и войну как таковую он не видел. Стрелял с закрытых огневых позиций по духам, огневого контакта с ними у него ни разу не было. Но всё равно он по сравнению с нами был уже обстрелянным офицером. Особенно меня взволновал рассказ, как командиры батарей и командиры взводов управления ходили на корректировку. Я не представлял, как это ночью, особенно мне, а у меня очень долго адаптируются глаза к темноте, переться в тыл к боевикам, даже не зная точно, где они могут быть.

– Борис Геннадьевич, это здесь за хребтом ничего не видно, а там Грозный горит..., да над ним постоянно горят осветительные снаряды и мины, там светло – ничего страшного, – попробовал развеять мои страхи Хорошавин. Но я с ним не хотел соглашаться, и даже не мог предположить, что сам через четыре дня ночью по своей воле попрусь поджигать товарный состав на одной из железнодорожных станций, чтобы осветить поле перед собой.

– Слушай, Юра, как мой Колька Сыров пострадал? – Спросил подполковник Николаев, – мне рассказали, что когда 276 полк спускался с хребта к Грозному, то Сыров сидел на фаре, рядом с механиком-водителем и руководил им оттуда. Зенитная установка резко затормозила, когда колонна остановилась, Сыров не удержался и свалился под гусеницы. «Шилка» наехала и остановилась на нём. Правда это?

– Нет, Сергей Георгиевич, там всё по-другому было. Его взвод послали на усиление батальона Внутренних войск, в темноте они заблудились. Колька начал разворачивать установки обратно и механик-водитель в темноте не заметил своего командира и наехал на него. Раздавлена у него вся тазовая часть, все кости, мочевого пузырь и другие органы, но живой. Отправили его в «Бурденко», там должны вылечить, но инвалидом останется на всю жизнь.

– Юра, а Унженин как? Шпангель рассказывает, что половину батареи накрыло.

– Да, тут тоже ерунда получилась. Его батарея заняла огневые позиции в каком-то парке. Женя Унженин в это время приехал на позиции с передка, а тут ещё старшина обед привёз, ну батарея собралась около машины, а духи накрыли их с миномётов. Двенадцать человек убило, сам

Унженин сильно контужен. – Хорошавин замолчал, а потом добавил, – вот такие дела. Полк только за одну новогоднюю ночь потерял семьдесят человек без вести пропавшими, а уж сколько убитых – я не знаю.

Мы выпили, помянули погибших, а когда заканчивали закусывать, за стенками палатки послышались возбуждённые крики и дивизион, который вёл огонь по Грозному, увеличил интенсивность огня. Мы выскочили на улицу. Не над городом, а уже над хребтом в воздухе горели три осветительных снаряда и в их желтом свете хорошо было видно, как в двух километрах от нас по дороге мчалась грузовая машина. Из её кузова велась сильная стрельба из

стрелкового оружия по огневым позициям одного из артиллерийских подразделений. Я оглянулся на стреляющий дивизион, стволы орудий которого опустились и были почти параллельно земли и огонь теперь вёлся прямой наводкой. Несколько снарядов разорвались сзади машины, потом метров в двадцати впереди. Автомобиль резко вильнул на дороге, наверно, от близкого взрыва водитель на какое-то мгновение потерял управления, но машина выравнилась и помчалась дальше. Через мгновение ослепительная вспышка от прямого попадания снаряда в машину, на секунду осветила окрестности. Осветительные снаряды потухли и снова стало темно, лишь на месте взрыва догорали ещё какое-то время остатки машины.

Утром от разведчиков, которые ходили ночью к подбитой машине, узнали, что там было двенадцать боевиков.

Я закончил ремонт техники и теперь был готов приступить к боевому слаживанию, но наше пребывание под Толстым Юртом подошло к концу. Наступил последний день. Завтра, каждый в своей колонне, выходим из лагеря под Грозный. Я уже знал, что буду своей батареей прикрывать на марше роту материального обеспечения. А сегодня улетаели офицеры дивизии и округа, которые оказывали нам помощь. За ними прилетел вертолёт и сел рядом с моей батареей. Все, в том числе и я, сейчас сидели и срочно строчили домой письма, чтобы отправить их с улетающими. Через час из кунга командира полка вышел командир дивизии, полковник Шпангель, адъютант командира дивизии и другие офицеры, которым командир давал прощальный завтрак. Конечно, не обошлось без выпивки и все были слегка «под шафе», но адъютант командира дивизии был пьяным в «Гавнице». Он брёл к вертолёту по грязи, не соображая, что идёт в ней по колено. Не знаю, что ему виделось и кем он себя представлял, но он останавливал всех встречных солдат и заставлял их отдавать ему воинское приветствие. После этого грозил им пальчиком и обнимал. Целовал он их в засос, как Леонид Ильич Брежнев, и брёл дальше. На вертолётной площадке он перецеловал вертолётчиков и наверно, если это можно было, он бы поцеловал и вертолёт. Наконец все сели, закрутились винты. Вертолёт поднатужился и приподнялся над землёй. На мгновение завис и пошёл с набором в сторону Моздока. Да..., последняя ниточка связывающая нас с дивизией оборвалась. Закончился и период боевого слаживания – завтра в бой. И как для нас всех сложится судьба – крыто мраком и неизвестностью.

Часть вторая

Глава первая

Станция Примыкание

С утра всё в лагере закрутилось и пришло в движение. Первыми поднялась пехота, которая уходила с самого утра. Моей батарее и РМО время уходить где-то в обед; поэтому особо не торопились, спокойно снимая лагерь. В одиннадцать часов мы были готовы и я вытянул колонну батарее к выходу из лагеря. Солдаты и мы офицеры сидели на нагретой солнцем броне своих машин и с интересом наблюдали, как сначала мотострелковые батальоны, а за ними другие боевые подразделения выходили через КПП на дорогу и уходили к хребту. Когда мне это надоело, я развернул на броне карту и ещё раз прошёлся по маршруту движения, который был у меня выделен коричневым цветом. Ещё раз внимательно просмотрел возможные места засад боевиков. Первое место у населённого пункта Первомайское. Здесь была возможность развернуть на большом поле взвода и огнём пулемётов, огнём противотанковых установок отразить возможное нападение – дальность стрельбы и местность позволяли. Ну, а дальше, как только пересечём мост через реку Сунжа, начинается лес, по которому дорога шла километров пятнадцать. Здесь уже было раздолье для боевиков – засаду организовывайте, где хочешь и как хочешь, тем более что лес наши войска не контролировали. Было ещё одно опасное место, но там по идеи уже должны были сесть наши пехотные подразделения в оборону и прикрыть проходящую колонну. Сопровождаю колонну РМО до подбитого самолёта на автостраде Грозный – Аргун, а там ухожу в сторону и занимаю оборону на поле, где батареей прикрываю тылы наших дивизионов. Всё казалось простым: батарея разбивается по взводно в колонне РМО. И для усиления охраны выделен ещё мотострелковый взвод с восьмой роты во главе с командиром роты старшим лейтенантом Соболевым. Ну, пройдем мы эти сорок километров по асфальту – что тут страшного?! Тем более, не я старший колонны, а подполковник Саматкин, заместитель командира полка по тылу – пусть он и беспокоится.

Но меня грызли достаточно серьёзные сомнения, о причинах которых не хотелось задумываться: колонна собиралась большая, порядка ста семидесяти машин. На марше она неизбежно разорвётся и растянется на многие километры. Тогда колонну можно легко рубить в любом месте на части и так же по частям уничтожать. А мои противотанковые установки совершенно не годились для отбития атаки. Только командирские БРДМы представляли собой хорошую угрозу для атакующих, но и также хорошую мишень. Я встряхнул головой, отгоняя мрачные мысли, и посмотрел на выезд из лагеря на асфальтовую дорогу. Наступила очередь начать движение роте материального обеспечения, но возникла другая проблема. Колонны тяжёлой техники пехоты и танкового батальона, которые ушли первыми, насмерть разбили выход из лагеря и теперь на месте выхода образовалась большая яма, забитая густой грязью, где уже засел по кузов головной КАМАЗ РМО. Вокруг него деловито суетились солдаты, доставая трос, солидно рычал двигателем бронированная ремонтно-эвакуационная машина, которая по команде командира роты сдавала задом к автомобилю. КАМАЗ выдернули быстро, но следующая машина повторила то, что первая – благополучно села в яме на мосты.

Я спрыгнул с брони и подошёл к месту выезда. Можно было не подходить и не смотреть: и так ясно – мои «бардаки» эту грязь не преодолеют. Посмотрев на суету вокруг очередной засевшей в грязи машины, подумав немного, двинулся вдоль густой и зелёной посадки и через двести метров нашёл отличный и сухой выезд на дорогу. Обрадовшись, вернулся к командиру

РМО и предложил ему там выезжать на дорогу, но он не понятно от чего упёрся и продолжал сажать технику в грязь, и с тем же нездоровым азартом вытягивать её оттуда. Так прошло около полутора часов и в результате титанических усилий, большая часть колонны всё-таки была вытянута на дорогу, где уже распоряжался подполковник Саматкин. А тут ещё к подключился заместитель командира по вооружению подполковник Булатов, подогнав мощный путепрокладчик на базе танка и широкой лопатой за пару проходов очистил от грязи яму, вследствие чего, скорость выхода РМО на асфальт повысилась, но не намного. Я к тому времени, вывел батарею через найденный мною проход и рассредоточил взвода по колонне, проверил с ними связь и лежал на броне, лениво наблюдая за суматохой выхода автомобилей. Светило вовсю солнце и даже здорово пригревало, погода была похожа на весеннюю и по такой погоде было бы даже приятно проехаться на машине. Тревоги улетучились и я терпеливо ждал команды на начало движения, но тем временем обстановка на дороге внезапно осложнилась. Начали подходить со стороны Червлённой подразделения 511 полка, которые должны были стать на наше место и на дороге образовался приличный затор. Зам по тылу принял правильное решение и начал продвигать колонну РМО вперёд на пять километров. Но было уже поздно, вокруг нас двигались машины нового полка, разрывая нашу колонну на части. И результат не замедлил сказаться: группа из тридцати наших машин, запутавшись – где наши, а где чужие подразделения, лихо завернула направо за чужими машинами и уехала в Толстый Юрт, хотя нам надо было ехать прямо. Я выскочил из люка на броню и решительным взмахом руки показал всем, кто ехал за мной, что надо ехать прямо. Сделал это вовремя, так как автомобили, которые ехали за моим БРДМом начали поворотниками показывать начало манёвра в сторону Толстого Юрта. Через три километра мы уткнулись в последние машины ушедшей вперёд части колонны. А я резво соскочил с брони и побежал вдоль машин в голову колонны искать Саматкина, которого нашёл уютно сидящим в кабине КАМАЗа и с аппетитом поглощающим содержимое банки тушёнки. Со злобой рванул ручку дверцы на себя, чуть не выдернув офицера из кабины.

– Жрёшь, подполковник, – заорал я на зампотылу, – да, успеешь ты сожрать эту тушёнку. Иди сначала собирай свою колонну и руководи ею. У тебя машин тридцать свернуло за чужим полком и уехало в Толстый Юрт.

– Ничего себе..., – в изумлении пробормотал Саматкин, схватил автомат и убежал в конец колонны, куда уже подружили командир роты с остатками подразделения и с БМП пехоты. Саматкин, тыча стволом автомата в сторону села, отдал необходимые распоряжения ротному, который тут же вскочил обратно в машину и умчался в село. Двадцать минут спустя заблудившиеся машины встали в строй и мы наконец-то начали движение по маршруту. Через километр подъехали к подбитой накануне машине с боевиками, от которой остался лишь металлический каркас: всё остальное либо сгорело, либо было разбросано вокруг от прямого попадания снаряда. В кабине виднелся обгорелый труп и два ещё тела валялись рядом с кустами, только странно, что они были с босыми ногами. Проехали ещё километра два и колонна встала. Мне даже на карту смотреть не надо было и так было ясно, что голова колонны остановилась у развилки дорог, где нам надо было поворачивать направо. Через пять минут ко мне подбежал раскрасневшийся Саматкин с картой в руке и, сопя от усердия, полез ко мне на машину.

– Боря, я не знаю куда ехать, – подполковник смотрел на меня растерянно и одновременно с надеждой.

– Направо, и вверх на перевал, – я взял из рук офицера карту и посмотрел на неё. Всё стало ясно, когда взглянул на неё: карта была девственно чиста – на ней не было нанесено ни единого знака. Я повертел её в руках, а потом достал свою карту и расстелил на броне. Неторопливо достал из полевой сумки карандаш и стал им показывать: – Вот район лагеря, откуда мы выехали, вот маршрут марша. Мы находимся вот здесь: вот она развилка прямо

перед нами и нам надо сворачивать направо. Вот так мы идём, – мой карандаш повторил все изгибы дороги и уткнулся в конечную цель марша, – а вот мой район, где я разворачиваюсь. Берите, перерисовывайте маршрут и поехали.

Подполковник озадаченно засопел, потом тихо произнёс: – Боря, давай ты первым поедешь, я чего-то не совсем уверенно себя чувствую.

– Ты же старший колонны... Там же впереди у тебя ещё броня восьмой роты, во главе с командиром роты. А я на колёсах: если что, то меня сразу подобьют.

– Командир роты тоже не знает куда ехать, я с ним уже разговаривал, – упавшим голосом произнёс Саматкин.

Я с сожалением посмотрел на зам. по тылу: мужик он в принципе хороший, но ещё в пункте постоянной дислокации заметил, что в сложных ситуациях, где нужно проявить решительность

и волю – он иной раз пасовал. А мне теперь из-за этого приходилось брать на себя ответственность по проводке колонны. Этой махины. Я с досадой почесал затылок, сдвинув шапку на лоб, потом передвинул шапку на затылок и почесал теперь лоб.

– Ладно, я пойду первым, но если что, то колонна подчиняется только моим приказам. – Саматкин обрадовано и часто закивал, как китайский болванчик головой: – Хорошо, хорошо...

А мне только и оставалось нагнуться и заглянуть в люк, – Чудо, выезжай вперёд колонны.

Через две минуты я свой БРДМ приткнул сзади головной БМП, спрыгнул с машины и подбежал к бронированной машине.

– Где командир роты? – прокричал я чумазому механику-водителю, который высунулся из люка.

– Я командир роты, капитан Соболев, – заявил тот и я с удивлением заметил, что по возрасту и виду он, действительно, не подходит под солдата-срочника.

– Ты чего за рычагами сидишь? – Изумлённо задал я вопрос. – Не кому ехать, что ли?

Ответа из-за шума двигателя не услышал, а переспрашивать не стал – раз ротный сам за рычагами, значит, наверно, по другому не получается.

– Доставай карту, поедешь первым – я за тобой.

Соболев смущённо шмыгнул носом: – У меня нет карты и я не знаю куда ехать.

В изумлении возрился на него: – Как у тебя карты нет? Ты командир роты и обязан иметь карту. – Назидательным тоном произнёс я.

– А я не знаю..., но мне не дали и я теперь не знаю куда ехать, – Соболев, совсем как молодой солдат срочник, виновато шмыгнул носом и с надеждой уставился на меня.

– Спокойно Боря, спокойно, – мысленно уговаривал я себя, хотя очень хотелось треснуть этого бестолкового капитана в лоб: ведь был приказ – всем командирам подразделения получить карты. Хотелось обматерить подполковника Саматкина, так как мне не хотелось брать на себя ответственность за полковые тылы, а теперь приходилось. Но материться не стал и через пару минут довёл до них своё решение: идти первым и брать руководство колонной на себя.

– Соболев, я иду метров сто впереди, если что – прикроешь. Товарищ подполковник, связь в колонне на меня. Перед тем как войду в связь, передайте по связи, что колонной будет командовать «Лесник 53». Всё ясно, товарищи офицеры? – Они одновременно кивнули головой. – Тогда, по местам!

Я ввалился в машину: – Чудинов, Алушаев вот нам испытание привалило. Идём первыми. Чудо, тебе главное машина и дорога. Алушаев – пулемёты к бою.

Схватил тангенту и поднёс её ко рту, начав вызывать своих подчинённых по связи: – Сомоса, Соня, Часовщик, Маяк, Крюк. Я Лесник 53. Возглавляю колонну, движемся в прежнем порядке, находиться на прослушивании. Я ухожу в радиосеть колонны и буду периодически входить в нашу сеть и интересоваться положением дел. Конец связи, – я переключился на радиосеть РМО, – Внимание, Я Лесник 53, беру командование колонной на себя. Внимательно

слушать мои команды, находиться в режиме прослушивания. Связь со мной только в экстренном случае. Начинаем движение.

– Чудо. Вперёд, – мы тронулись, свернули вправо и полезли вверх на перевал. Машина вверх пошла плохо: двигатель захлёбывался и еле-еле тянул. Неполадки начались ещё несколько дней тому назад, но мы занимались больше проблемными машинами, а Чудинов самостоятельно не смог разобраться в чём дело.

«Давай, давай.., даваййй...» – мысленно уговаривал я БРДМ, искоса поглядывая на Чудинова. Тот напряжённо вцепился в руль руками и, покачивая туловищем, как бы помогая машине карабкаться на вершину перевала. Алушаев крутил башней с пулемётами по близким придорожным кустам, готовый открыть огонь в любую секунду. Машина хоть и пофыркивая, но всё-таки потихоньку шла, а подъёму всё не было и не было конца. Вошёл в связь с батареей – пока всё нормально. Но вот подъём стал положе, что говорило о приближении перевала. Выехали в седловину и дорога выровнилась. Теперь БРДМ поехал веселее и от души немного отошло. Дорожное полотно активно завиляло среди деревьев, кустарников, а через сотню метров чётко обозначился спуск. Ещё пару километров и мы вырвались на огромное поле. Впереди в двух с половиной километрах виднелось полуразрушенное село Первомайское, а в двухстах метрах впереди, простенько и уютно, в кювете на боку лежал ГАЗ-66 и тихо горел, пуская в небо жиденький дым.

– Внимание, всем внимание. Приготовиться к бою. Впереди подбитая наша машина.

Не успел передать в эфир сообщение, как взгляд выхватил ещё одну машину, которая лежала уже поперёк дороги на боку. Правда, не горела. Поравнялись с вяло горевшим «Газоном», я приоткрыл люк и высунулся по пояс, чтобы лучше разглядеть, что произошло с машиной. Судя по номеру, это была машина роты связи нашего полка. Пулевых отверстий ни на обшивке, ни на лобовом стекле не было. Трупов тоже нет, но кругом машины были разбросаны новенькие аккумуляторы к радиостанциям и другое имущество роты связи. Я захлопнул люк: – Алушаев, пулемёт на сапёрную машину – я уже успел разглядеть, что на дороге лежала машина сапёрной роты, опять же нашего полка – подвижная землеройная машина. Вполне возможно за машиной могли прятаться боевики. Но там их тоже не было. Мы обогнули машину по обочине, внешних повреждений на сапёрной машине видно не было и не понятно, что тут произошло? По броне БРДМ резко и быстро застучали пули, и тут же загрохотал крупнокалиберный пулемёт, заполнив грохотом всё пространство машины. Резко запахло сгоревшим порохом, а мы с Чудиновым одновременно захлопнули броневыми щитками лобовые стёкла.

– Чудо, газу! – Сам откинулся назад и глянул на Алушаева. Судя по положению башни, сержант вёл огонь по ближайшей окраине Первомайской. Закрутил командирским прибором по окраине села, но среди разрушенных домов ничего не заметил. – Алушаев, откуда стреляли?

– Не заметил, товарищ майор. Так по деревне дал пару очередей, вроде оттуда стреляли.

Колонна продолжала приближаться к селу, но больше оттуда не стреляли. Через три минуты дорога подошла к Первомайскому и мы теперь практически вплотную ехали вдоль разбитых домов. В декабре десантникам здесь пришлось повоевать с боевиками, чтобы захватить мост через реку Сунжа и все дома вдоль дороги, и насколько их видно в глубине улиц, были разбиты или повреждены. Здания имели заброшенный вид, но практически из каждого окна можно было ожидать очереди или выстрела из гранатомёта. Промаха не будет. Но всё обошлось. Я выскочил к мосту, где остановился около здорового десантника – старшего блок-поста. Перегнулся через край люка и прокричал: – Как впереди обстановка?

Десантник заскочил на колесо, приблизил свою голову ко мне и заорал в ухо, перекивая двигатель БРДМа и подъезжающего БМП: – Нормально, майор. Но там, в лесу, шастают боевики. У меня полчаса тому назад выстрелом из леса ранили бойца. Так что ушки на макушке держи. – Десантник спрыгнул с колеса и звонко хлопнул по броне. Двигатель взре-

вел и мы двинулись через мост на другой берег, а ещё через две минуты густой лес скрыл от меня и мост, и колонну.

Вышел на связь с техником, который ехал в замыкании моей колонны. Тот доложил, что одна из установок запарила прямо в Первомайском.

– Крюк, цепляй машину на трос и тащи. В районе будем разбираться. – Передав приказ, снова перешёл на частоту колонны и напряжённо стал вглядываться в дорогу и прилегающий к ней густой лес. Дорога виляла среди деревьев и дальше, чем на сто метров, не проглядывалась и практически за каждым поворотом можно было ожидать засаду. Тем более, что на каждом километре попадались подбитые и сожжённые гражданские машины, а также остатки баррикад из них. Но, слава богу, больше подбитых наших машин видно не было. И чем дальше мы углублялись в лес, тем чаще попадались следы прошедших боёв. Справа показался населённый пункт. Как и в Первомайском, дома были полуразрушены и не было видно местного населения. Лишь сиротливо над всем этим возвышалась, чудом уцелевшая красного кирпича водокачка. Благополучно миновали и её, а через пять километров начали появляться признаки того, что лес кончается. Да и по карте было видно, что мы через несколько сот метров должны будем выйти к каменному мосту через железную дорогу. Ещё меня беспокоило молчание техника, с которым не мог связаться. Вышел по радиостанции на техническое замыкание, откуда мне доложили, что отставших машин нет. Значит, техник едет где-то в колонне. Как-то неожиданно мы выехали из леса на открытое пространство и показался мост через железку, въезд на него оказался достаточно крутым.

С лихорадочной быстротой проскочила мысль: – Блин, идеальное место для засады.

Это же сообразил и Чудинов: – Товарищ майор, как только заберёмся на мост, нам же прямо в брюхо снизу влупят гранату из гранатомёта и мы ничего поделать не сможем.

– Не ссы, Чудо. Газу и на мост. – Двигатель взревел и БРДМ начал быстро набирать скорость, а через минуту мы подъехали к мосту и начали подыматься. По мере того как мы подымались на верх моста, нос БРДМа задирался всё больше и больше в небо. Все сжались, ожидая гранаты.

– Если промажут, у нас есть шанс, – мелькнула в башке мысль и исчезла. Я не выдержал напряжения и хриплым голосом запел.

Врагу не сдаётся наш гордый Варяг.

Пощады никто не желает....

БРДМ вышел на самую высокую точку моста, тяжело перевалился и пошёл вниз. Сразу же стало видно, что с той стороны железнодорожного полотна занимают оборону и окапываются подразделения третьего батальона нашего полка. Мы весело и облегчённо загалдели и уже спокойно покатали дальше. Я начал крутить командирским прибором, разглядывая местность справа и слева. Справа располагались многочисленные и небольшие дачи, промелькнула в двухстах метрах от дороги станция Примыкание и потянулись корпуса заброшенного завода. Слева было ровное поле, в котором и окапывался третий батальон. А в двух километрах виднелся город Аргун. Там уже были боевики. Пока всё это рассматривал, мы выехали к выезду на автостраду и по моей команде Чудинов остановился. Выскочил из машины на землю и пошёл к морскому пехотинцу, блок-пост которых находился на въезде на автостраду. Я знал, что здесь надо поворачивать опять направо, но всё-таки решил переспросить.

– Боец, где тут, на автостраде, подбитый самолёт? Мне туда надо колонну провести.

– Сейчас направо заворачивайте и через полтора километра будет на дороге стоять подбитый духовский самолёт. – Солдат рукой показал, куда надо ехать. Потом засмеялся и уже автоматом показал на кучку офицеров и солдат, которые с пришибленным видом толпились на обочине недалеко от нас.

– Вы, товарищ майор, спросили – куда вам ехать. А эти балбесы, вместо того чтобы поворачивать туда, откуда вы выезжаете, лупанули прямо в направлении Аргуна. Ну, духи их под-

пустили и сожгли полностью колонну. Хорошо хоть никто не погиб, когда они оттуда шуровали. Вон, как красиво горят, – солдат кивнул куда-то за мой БРДМ и, сделав шаг в сторону, увидел в метрах шестистах от перекрёстка три ярко горевших УРАЛа. Я удивлённо хмыкнул, поблагодарил солдата и заскочил на машину.

Через три минуты неспешного движения по автостраде увидел подбитый истребитель чеченцев, стал принимать вправо на обочину и остановился. Повторяя за мной манёвр, стали останавливаться и другие машины колонны, а через пару минут ко мне на машине подскочил Саматкин: – Боря, чего остановился? Давай веди дальше.

– Всё, товарищ подполковник, тут вы сами: сворачивайте у самолёта направо и по полю в свой район. Я свою задачу выполнил, мне теперь бы свою батарею надо собрать.

Саматкин горячо поблагодарил меня: – Боря, спасибо, так что считай, что у тебя уже медаль на груди. – Он вскочил в машину и повёл свою колонну дальше сам.

А я махнул рукой – Какая медаль? Я был горд тем, что решительно возглавил колонну и без потерь привёл её в назначенный район. И даже, если бы колонну, не дай бог, атаквали боевики, думаю что ни я, ни моя батарея не опозорилась. Один за другим подходили противотанковые взвода. Последним появился техник, который приволок на тросу БРДМ Снытко. Я тронул колонну дальше, у самого самолёта свернул вправо. Самолёт, наверно, был подбит в воздухе, но чеченский лётчик сумел благополучно посадить его на автостраду. Медленно проехали по полю и вышли в назначенный нам район, где уже развернулся полковой артиллерийский дивизион и моей батарее была задача прикрыть его. Поэтому свой командный пункт расположил в пятидесяти метрах от палатки командира дивизиона. Первый взвод развернул слева от себя с задачей прикрыть дивизион со стороны автострады. Второй взвод развернул в сторону станции Примыкание, которая находилась за полем, в полутора километрах от нас. Третий взвод развернул справа, чтобы прикрыть правый фланг дивизиона со стороны железной дороги, дачных участков и группы домов, как потом мы узнали, там до войны проживали путевые обходчики. По полученным позднее сведениям группы боевиков свободно перемещались по дачам и даже по ним доходили до станции Примыкание. Так что ухо надо было держать остро. Впереди нас и дивизиона простиралось огромное поле, которое в трёх километрах противоположным концом упиралось в Ханкалу и окраину Грозного. И с нашего места было прекрасно видно, как горел город, закрывая небо огромными облаками дыма. Отдав необходимые распоряжения, я направился на командный пункт командира полка, который находился на заводе по переработке камня то ли в щебёнку, то ли в отсев. Прошёл через поле, перебрался через мутный ручей и вышел к частным домам около завода. Всё кругом было разбито и разгромлено. А около крайнего дома стоял большой крытый хорошим синим тентом прицеп: такие прицепы обычно таскают дальнбойщики, а вокруг прицепа в крайнем возбуждении слонялся начальник штаба зенитного дивизиона майор Микитенко: – Боря, посмотри в прицеп. Это же целое состояние....

Я заглянул во внутрь прицепа, который был полностью забит новенькими колёсами к иномаркам.

– Боря, если бы это можно было угнать в Россию, это ж за сколько всё это можно загнать? – Мечтательно прикидывал майор. Я слез с прицепа и ничего ему не ответил – меня этот вопрос совершенно не волновал. Но всё равно с любопытством обошёл прицеп и за ним увидел приличную иномарку. Уточнив у Володи, как идти к командиру полка, я ушёл, оставив офицера с горящими глазами около иномарки. Прошёл несколько домов, свернул влево в проулок и по нему спустился вниз уже конкретно на территорию завода, где чувствовалась жизнь. Бродили солдаты и офицеры, техника стояла в цехах под бетонными крышами, обустраивались помещения под жильё и огневые точки для охранения. В нескольких местах техника была выдвинута на прямую наводку. У небольшого кирпичного здания заводоуправления наткнулся на начальника артиллерии, который вместе со своими офицерами сидели на сту-

льях, явно вытасненных из заводауправления, и меланхолично наблюдали, как солдаты взвода управления начальника артиллерии на кузове УРАЛа строили кунг для проживания офицеров из хороших досок и толстых листов фанеры, явно тоже трофейных. Моё появление не вызвало удивления. Подполковник Богатов в пол уха выслушал мой доклад и коротко кивнул на кунг командира полка, который находился в пятидесяти метрах от него. Доложился командиру, тот внимательно выслушал, уточнил задачу и отпустил меня.

Возвращаясь обратно, я снова остановился около прицепа с иномаркой. Интересно получается: люди жили, наживали вот это и другое добро, а пришла беда и это добро бросили. Наверно, легко оно досталось, раз они бросили его. Из-за прицепа вывернулся незнакомый лейтенант. Был он то ли обкуренный, то ли обнюханный, но явно не пьяный. Глаза пустые и как будто стеклянные. Не замечая меня, он сдёрнул с плеча автомат и несколькими очередями расстрелял колёса иномарки, потом достал из кармана гранату Ф-1, выдернул кольцо и бросил её вовнутрь прицепа. Я отскочил за дерево и спрятался, но через секунду высунулся: хотелось посмотреть, как от взрыва гранаты эффектно сорвёт тент с прицепа, как это показывали частенько в американских боевиках. Грохнул разрыв, результаты которого чрезвычайно разочаровали меня. Прорезиновый тент лишь дёрнулся на дугах от взрывной волны и осколков гранат и остался на месте. Лейтенант сменил магазин в автомате и длинными очередями расстрелял иномарку. После чего закинул оружие за спину и пошёл в сторону завода. Я лишь покачал головой и пошёл к себе.

Работа там шла полным ходом. Замполит с солдатами и техником копали землянку, так же споро шла работа и в первом взводе. Второй и третий взвод я проверять не стал: пусть взводные

сами проявляют самостоятельность. К 21 часу землянка была готова и я собрал совещание, где определил раз и навсегда порядок охраны района батареи и другие стороны жизни подразделения. С этого момента перехожу на круглосуточную связь с командиром полка. На моём командном пункте охрану определил в следующем порядке. До 23 часов вечера за охрану КП батареи отвечают техник и Алушаев. С 23 часов до 5 часов утра я с санинструктором Торбан и Чудиновым. Чудинов ещё дежурит с замполитом с 5 часов утра до восьми. Во взводах командеры взводов несут службу всю ночь, солдаты и сержанты по переменке.

В 23 часа я вышел на дежурство, проверил пост в первом взводе и стал мерно выхаживать перед землянкой, чутко прислушиваясь к ночным звукам, наблюдая за местностью и поглядывая в сторону второго и третьего взводов. В тридцати метрах от меня также мерно прохаживался сержант Торбан, наблюдая за своей стороной.

Ночь стояла тёплая, ясная и хорошо было видно множество пожаров в Грозном, которые освещали местность даже у нас. Света добавляли и, постоянно висевшие в воздухе, до десятка осветительных снарядов и ракет. Периодически в сторону Грозного стрелял и наш дивизион. А в районе подбитого самолёта к вечеру развернулся чей-то дивизион, который также вёл интенсивно огонь. Впереди и левее нас стоял реактивный дивизион, установки которого по очереди одна за другой вели огонь по городу залпами всего пакета. Я прохаживался и получал истинное удовольствие, ощущая под своими ногами твёрдую землю, покрытую пожухлой травой, вместо грязи. Удовольствие получал и от того, что впервые за много дней остался один – наедине со своими мыслями. Не было вокруг меня суматохи, мне не надо было сиюминутно решать какие-либо срочные вопросы. Я даже от этого стал чисто психологически успокаиваться. Когда меня сменил в пять часов утра замполит и я поспал до семи часов, то проснулся, чувствуя себя, физически отдохнувшим. Спокойно помылся, разбудил Алушаева, взвалил на него радиостанцию и мы пошли во второй и третий взвода, чтобы проверить, как прошла у них ночь. У них было всё нормально, но мест под отдых солдат они не оборудовали и бойцы вместе с офицерами спали вповалку в яме вокруг костра. Пришлось слегка вздёрнуть Коровина и Мишкина,

чтобы они за день закопали установки и установили палатки с печками. Когда мы вернулись обратно к себе, Алушаев был весь взмыленный.

К обеду, перед третьим взводом, развернулась третья рота, которой командовал старший лейтенант Григорьев – Сан Саныч, как мы его звали. А сзади нас в направлении на станцию Примыкание развернулась восьмая рота с уже знакомым мне Толиком Соболевым. С обеими установил взаимодействие и договорился, как будем совместно действовать в случае нападения боевиков. Также недалеко от меня развернулись несколько взводов РМО, зенитный дивизион и дивизион Климца, где заместителем командира дивизиона был наш начальник артиллерии. На поле стало веселее. Веселей стало и от того, что рядом с нами РМО развернуло свою кухню, где и мы стояли на довольствии. Впервые, за много дней, мы нормально и вкусно поели, да и качество приготовления пищи было вне всяких похвал. Так что не соврал Саня Арушунян в этом плане.

С утра старшина по моему приказу, развернул палатку под баню, чтобы помыть солдат. Да и нам, офицерам, не мешало помыться. Завезли воды, нагрели, но ничего из этой затеи путного не получилось. Чудинов начал сдавать назад БРДМ, а замполит вместо того чтобы руководить движением машины, уселся во внутрь: в результате чего Чудинов наехал задом на палатку и завалил баки с водой. Мы еле успели выдернуть из под колёс Снытку, который упал от удара падающего бака. Вылезли оба из люков, в недоумении хлопая глазами, и мне только оставалось плюнуть от досады. Отругал обоих, но помывка была сорвана.

Вернулся Кирьянов со штаба полка, с тоской в глазах. Оказывается, некоторым офицерам выдали на автоматы подствольные гранатомёты и Алексею Ивановичу до смерти хочется тоже иметь на автомате подствольник, и небрежно носить через плечо сумку с гранатами. Это был последний писк моды на войне. Так как зла уже на Кирьянова не имел за сорванную баню, мы пошли к начальнику службы ракетно-артиллерийского вооружения майору Ончукову и я упросил его выдать мне в батарею подствольник. Радости у замполита было выше крыши.

Возвращаясь после обеда с совещания, увидел как два солдата, кряхтя от усердия, тащили за оврагом, который проходил за частными домами, тяжеленный сейф. В полку активно ходили легенды о больших количествах денег, которые можно было найти в брошенных домах и учреждениях. Мне стало интересно, спрятался и стал с огромным интересом наблюдать за происходящим. Бойцы остановились в тридцати метрах от меня на противоположном склоне и поставили сейф на землю. В течение десяти минут бились над ним, пытаясь вскрыть железную дверцу, но у них ничего не получалось. Я терпеливо ждал, когда они всё-таки откроют этот ящик, а в это время из кустов вынырнули мой замполит с техником. Они с моего разрешения шарились в местных мастерских в поисках запчастей на машины. Напинав солдат под задницу и прогнав их, они сами шустро приступили к делу. Прицепили гранату к замку, выдернули чеку и спрятались в яму. Прогремел взрыв, пыль отнесло в сторону, а из сейфа вывалилась куча бумаги. Увидев их, Кирьянов и Карпук с радостным писком ринулись к сейфу, но радость быстро сменилась разочарованием – это оказались чистые листы стандартной бумаги, а в довершении ко всему появился я, что для них было полной неожиданностью.

– Что..., на доллары потянуло? – С усмешкой осмотрел своих подчинённых, которые в смущении переминались на месте, после чего замполит с досадой произнёс.

– Запчастей не нашли, а тут чёрт попутал. Как чмошные бойцы на сейф клюнули. Ну, ничего, теперь хоть со стандартной бумагой будем.

Вторая ночь также прошла нормально, только в расположение второго и третьего взводов упало несколько мин, выпущенных боевиками со стороны дач из 82мм миномётов, но никого не задело.

С утра духи активизировались со стороны Аргуна, завязав нешуточный бой с третьим батальоном, который своими позициями прикрывал штаб полка. Чеченцы выкатили стомиллиметровую пушку на прямую наводку и давай мочить по нашему переднему краю, чем доста-

вили немало хлопот мотострелкам. По радиостанции командир полка приказал мне срочно прибыть к нему с противотанковой установкой, чтобы уничтожить пушку. Хватанув расчёт Ермакова со второго взвода, вскочил на свой БРДМ и мы помчались на КП полка. Когда туда прибыли, то весь передний край третьего батальона гремел автоматными и пулемётными очередями. В двухстах метрах от расположения штаба полка, за карьером рвались чеченские мины и снаряды, перелетавшие огромный карьер, где располагался штаб и оглушительное эхо от их разрывов металось среди заводских корпусов, усиливая какофонию звуков.

Я подскочил к командиру и доложил о прибытии, а Петров схватил меня за руку и придвинул к себе: – Копытов, по третьему батальону бьют боевики из пушки, надо её ПТУРом завалить. Сейчас тебе покажут, откуда она бьёт и кончай её.

С подъехавшего в это время БТРа, соскочил заместитель командира полка подполковник Пильганский и барственным взмахом руки показал, чтобы я отошёл и после этого стал что-то говорить командиру, изредка поглядывая на меня. Я же вспотел от лихорадочных мыслей, которые вихрем проносились в голове. Также вихрем они и вылетали оттуда, даже не оставив там ни малейшего следа. Первая боевая задача, а как её выполнять – не знаю. Вот незадача!!! Но через минуту вихрь мыслей постепенно улётся и пришло видение решения задачи, которое в голове даже разделилось на несколько пунктов: – Мне показывают место, откуда бьёт пушка. Я определяю, с какого места сам буду стрелять. Чем буду стрелять – переносной установкой или с БРДМа? Маршрут выдвижения и пуск ракеты, может быть, потом второй если промахнусь.

Командир выслушал Пильганского, озадаченно почесал подбородок, искоса поглядывая на меня, а потом позвал к себе.

– Копытов, дуй обратно к себе, здесь мы сами разберёмся.

В недоумение забрался на машину и прислушался. Звуки боя за те несколько минут, пока я находился здесь, только усилились. Ещё раз вопрошающе посмотрел на командира, но тот нетерпеливо махнул мне рукой, отсылая назад. В расположение, солдаты не спеша, занимались своими делами. Звуки боя доносились сюда слабыми и никто на них не обращал внимания. В дивизионе замполит, майор Блинов, разгружал машину с различными боеприпасами, полученными на складе. Поделился он и со мной: бойцы утащили ко мне в палатку около сотни осветительных ракет и восемь штук гранатомётов «Муха». Девятую я держал в руках, перечитывая инструкцию по пользованию гранатомётом, когда подошёл подполковник Николаев, дивизион которого развернулся в трёхстах метрах от меня.

– Боря, пошли в гости к Климцу и Докторевичу, вон их дивизион развернулся на поле, – Сергей Георгиевич рукой показал на реактивные установки в поле. – Бери гранатомёт, вот его и подарим им.

Оставив за себя Кирьянова, мы уже через пять минут были у кунга Климца, где нас встретили как дорогих гостей. Взяв из наших рук подарок, Докторевич рассмеялся, потом раздвинул гранатомёт, приведя его в боевое положение. Развернул в сторону дороги и выстрелил.

– Петька! – Из кунга шустро высунулся истопник командира, – на тебе новую трубу на печку. Минут на сорок хватит.

Оказывается, во время перемещения они потеряли самую верхнюю часть печной трубы, в следствие чего тяга в печке была плохой, а вместо неё то и решили использовать теперь уже пустотелый контейнер гранатомёта. Отсмеявшись, мы поднялись в кунг, где и просидели за коньячком часа три.

Перед ночным дежурством поспал, а в 23 часа снова начал мерно выхаживать перед позицией первого взвода и своей палаткой. Вытащил на улицу радиостанцию, включенную на приём, положил наушники в цинковое ведро, так что если теперь меня будут вызывать, то услышу, даже если буду в первом взводе.

Около часа ночи опять стали падать 82 мм мины в расположение не только моей батареи, но и других подразделений. Правда, работал только один миномёт и поэтому мины падали

редко. Я безуспешно пялился в район дач, пытаюсь разглядеть вспышку от выстрела, но всё было бесполезно. Бросив это занятия, стал смотреть, как реактивная батарея ведёт огонь по Грозному. И тут заметил одну особенность: как только реактивная установка «Град» производила выстрел несколькими реактивными снарядами, так в метрах в трёхстах за автострадой появлялась вспышка от выстрела и через тридцать секунд мина падала к нам на поле.

– Ааааа... Агааа..., вот он гад, откуда стреляет, – со злорадством возликовал и помчался в дивизион Климца, откуда до миномёта через поле было метров пятьсот. Наверно, я не услышал предупреждающего крика часового, охраняющего огневую позицию, потому что наткнулся на очередь из автомата. Мигом залёг и попытался окликнуть часового и объяснить кто я, но опять получил в ответ очередь. Плюнув на всё: на часового, который от испуга палил во все стороны, на духовский миномёт, я тихо отполз в сторону своего расположения. В принципе, выпустив бесполезно ещё несколько мин, миномёт прекратил вести огонь и до самого утра больше ничего не беспокоило.

Как только рассвело, я пришёл к подполковнику Докторевич и рассказал о ночном происшествии. Сергей Юрьевич лениво почесал затылок, а потом сладко зевнул во весь рот: – Аааа..., всё равно ничего бы не получилось, даже если бы ты к нам добрался без приключений....

Увидев моё недоумённое лицо, он пояснил: – Там, напрямую не выскочишь к автостраде – минное поле. А через других идти – наглядный опыт ты получил. И сейчас туда не ходи. Где там мины стоят, никому неизвестно. Так что чёрт с ним, с этим миномётом. – С таким разумным суждением мне пришлось согласиться.

В девять часов, со своих позиций снялась третья рота и прогрохотала мимо моего командного пункта, уйдя к своему батальону, который вытягивался к самолёту. Вчера полк получил задачу: прорваться через село Пригородное на Гикаловский. В дальнейшем выйти на южный перекрёсток у села Чечен-Аул и закрепиться там. Эту задачу накануне попытался выполнить 245 полк и им было известно, что в Пригородном и Гикаловском держали оборону боевики. Поэтому 245 полк сначала захватил несколькими взводами вершину невысокого хребта, который нависал над Пригородным и тянулся до Чечен-Аула. Теперь с вершины хорошо проглядывался и контролировался весь населённый пункт, в том числе и опорный пункт боевиков. Успокоившись тем, что позиции были заняты без сопротивления, командиры взводов поставили подчинённым задачу окапываться, а сами с несколькими солдатами отправились осмотреть ретранслятор в трёхстах метрах от позиций. В их отсутствие к солдатам, под покровом лёгкого тумана вплотную подобрался боевики и внезапно атаковали. Мотострелки, оставшиеся без офицеров, не приняв боя, бросили позиции и разбежались, потеряв при этом несколько человек убитыми и ранеными. Полк, после этого, попытался прорваться через Пригородное к Гикаловскому, но также потерпел неудачу и отступил. Только через сутки они сумели собрать разбежавшихся солдат.

Наше командование, учтя ошибки соседей, решило прорваться через дачи и вдоль высот Новые Промыслы, вырваться к Гикаловскому и дальше. Третий батальон, сдав свои позиции морпехами, тоже стал вытягиваться на автостраду. Меня оставили для охраны дивизиона и РМО, также от третьего батальона на поле остаётся восьмая рота Толика Соболева.

Я сидел у радиостанции и слушал все переговоры командования с батальонами, но по мере того, как батальоны уходили вперёд, и всё чаще и чаще связь переходила в режим «Б», и я ничего не мог понять. Через час бросил это занятие и решил вместе с замполитом сходить на вещевой склад получить на себя свитер. Их выдавали только командирам подразделений, но я думал, что сумею выбить ещё один и для Кирьянова. Но начальник вещевой службы «упёрся рогом» и в ни какую. Мне выдал, а Кирьянову отказался. Всё пьяно бубнил, что замполитам – не положено. Мы стояли на улице и я приводил всё новые, и новые доводы для получения ещё одного свитера, но толстый, безвольного вида майор пьяно шурил на меня глаза и слушал,

а потом решительно прервал: – Ладно, если твой замполит такой боевой, как ты тут расписываешь: я дам свитер. Но при одном условии, – он осмотрел поле и его замутнённый алкоголем взгляд остановился на станции Примыкание, – вот, если твой замполит взорвёт водокачку на станции ровно в 13:00, я дам ему свитер....

Наверно, спяну станция ему казалась глубоким тылом боевиков, но мы-то знали, что там опасно лишь ночью, поэтому охотно согласились продемонстрировать свою «отвагу и доблесть». Вернулись в палатку и с азартом начали готовиться к вылазке. Набрали гранат, патронов. Взяли с собой Алушаева, Карпука и двинулись. Через десять минут мы были в расположении восьмой роты и разговаривали с капитаном Соболевым.

– Борис Геннадьевич, ты там только моих солдат не трогай. Я их послал на промысел: пошарить по вагонам. Может, что в роте согдится.

Пообещав командиру роты не трогать его солдат, мы пересекли линию обороны роты и двинулись по буеракам вдоль глубокого арыка к станции. Через триста метров встретили группу солдат, которые с муравьиным упорством тащили на себе чугунные печки, матрасы и другие вещи казённого вида, но все были без оружия. Отругав за это сержанта, мы двинулись дальше, а через пять минут нас догнал Соболев с тремя солдатами: – Решил с тобой прогуляться. – Объяснил он.

Что ж, я был не против. Спустились с косогора вниз к путям, пролезли под вагонами и я дал команду рассыпаться: чёрт его знает, кто здесь ещё шатается. Мы уже почти минуту тихо крались вдоль пассажирских вагонов, когда в одном из них я услышал какой-то неясный шум, предполагающий наличие внутри людей. Подал знак рукой и все послушно остановились. Прислушались, действительно в вагоне находилось несколько человек. Поняв, что надо действовать быстро и решительно, подскочил к вагону и сильно стукнул прикладом по стенке: – Сдавайтесь, вы окружены, – заорал страшным голосом.

Шум затих, а я вскинул автомат и в подтверждение своих слов, дал длинную очередь по окнам, Громко зазвенели стёкла, выпадавая из рам, а я продолжал азартно орать: – Сдавайтесь суки, а то всех перестреляем. – Через несколько секунд махнул рукой Карпуку. Тот выхватил гранату, выдернул кольцо, отскочил несколько в сторону и метнул её, через разбитое окно, в вагон. Раздался оглушительный грохот взрыва и на землю полетели остальные стёкла из целевших окон, а из вагона донеслись истошные крики: – Сдаёмся, сдаёмся, ёб т... мать, только не убивайте.

– Выкидывай оружие в окна, – подал следующую команду. И к нашему безмерному удивлению, через несколько секунд на землю из вагона полетели автоматы, подсумки с патронами и даже один пистолет – Ни фига себе....

– Выпрыгивайте в окна и сразу мордой в землю. Руки на затылок. Кто дёрнется – тот труп. – Я торжествовал. Не успел ещё толком начать боевые действия, а уже боевиков в плен взял. Да ещё с оружием. Да мы за них всю батарею в свитера оденем. Из окон посыпались молодые парни, приземлившись, они сразу же падали на стылую землю и руки ложили на затылок.

– Игорь, смотри, – обратился я к Карпуку, – в форму нашу одеты, суки. Вот, откуда они всё это берут?

Когда последний выпал из окна и упал на землю, то в нём мне показалось что-то знакомое. Сзади тихо засмеялся Алушаев: – Товарищ майор, да это рота связи с прапорщиком Сергеевым.

Действительно, в последнем выпавшем, который поднял голову, я узнал прапорщика Сергеева. Тот тоже обрадовался, узнав нас, вскочил и кинулся ко мне: – Товарищ майор..., товарищ майор, да это мы, да мы свои....

– Назад, – мне было обидно до глубины души от такого перевёртыша; я думал пленные, а тут свои. Да ещё так легко сдались в плен без всякого сопротивления. – Назад., ложись..., стрелять буду. – Но Сергеев приближался, уже ничего не соображая от радости, что вместо

боевиков в плен взяли свои. Я вскинул автомат и дал очередь под ноги прапорщику. – Ложись гад, пристрелю.

Связист остановился в недоумении, а я резво подскочил к нему и автоматом ударил его в живот, отчего тот согнулся и со стоном повалился на землю.

– Всем лежать, сволочи. Я патрулирую станцию по приказу командира полка, – почему я так сказал – не знаю, но меня уже понесло, – Надо бы вас здесь сейчас расстрелять за то, что вы, не сопротивляясь сдались в плен. Даже не сделав ни одного выстрела. Да чёрт с вами. Сейчас я патроны и гранаты у вас изыму и идите отсюда в полк, пока добрый. Ну, а ты прапор, за пистолетом ко мне сам придёшь. Ты понял меня? – Сергеев послушно мотнул головой, а наши солдаты быстро и сноровисто, собрали магазины с патронами и гранаты. Я сунул пистолет за портупею, и пинками отправили связистов в сторону командного пункта, а сами через пару минут выбрались к зданию станции. Перрон был засыпан мусором, битым стеклом и разбитой мебелью из здания. Ветерок шевелил и гонял по земле листы исписанной бумаги, изредка вдалеке пощёлкивали выстрелы и глухие разрывы. Мы тихо продвигались вдоль стены, заглядывая в каждое окно, но кругом никого не было видно. Пройдя, почти всё здание, наткнулись на единственную запертую дверь, за которой слышался какой-то шум и скрежет. Но на двери висел навесной замок. Мы встали по обеим сторонам двери. Я постучал: – Кто там? Отвечайте. – Тишина.

– Отвечайте, а то взорвём дверь гранатой. – Опять тишина. По моей команде все отскочили от двери.

– Замполит, стреляй в дверь с подствольника. – Алексей Иванович встал напротив двери в семи метрах и стал целиться в дверь.

– Не стреляйте, мы свои, – истошно заорали изнутри помещения. Я сорвался с места и ринулся за здание вокзала. Выскочил из-за угла и сразу же вскинул автомат. Перед вокзалом стоял БРДМ-2, на котором уже находилась куча матрасов, простыней и одеял. На машину лезли два солдата, а изнутри вокзала выскочил третий солдат, который держал автомат наизготовку и водил стволом из стороны в сторону, готовый в любой момент открыть огонь. Практически одновременно мы наставили друг на друга оружие, но, слава богу, на спусковые крючки не нажали.

– Откуда солдат и что тут делаете? – Спросил практически через прицел. Мягко выкатился по земле из-за угла Алушаев и направил свой автомат на солдат и БРДМ. Из-за противоположного конца здания вывалился Соболев со своими солдатами. А сзади меня выперлись Карпук и Кирьянов. Солдат медленно опустил автомат.

– Да, мы с хим. взвода. Приехали одеял и простыней набрать себе. Уже собрались уезжать, а тут вы. – Солдат выжидающе смотрел на меня.

Я закинул автомат на плечо и подошёл к нему: – Молодец! Чувствую, что если бы вместо нас были боевики, то хрен бы ты сдался. А то тут, связисты одни, безропотно сдались. Без единого выстрела.

Солдат ухмыльнулся: – Если бы вы были боевики, вас бы я точно срезал, но и вы нас уничтожили бы. Грамотно нас обложили со всех сторон. В момент.

Поощрительно похлопал солдата по плечу: – Молодец, вы тут что ещё надо добирайте себе, а у нас другая задача. – Махнул рукой и через пару минут, задрвав головы, мы стояли у кирпичной водокачки. С нашего расположения она казалась хлипкой, и что взорвать её было плёвым делом. Но сейчас она высилась перед нами, и было ясно: что нашими жалкими гранатами мы сможем только изобразить взрыв, который не принесёт ей ни малейшего ущерба.

– Ну, что Алексей Иванович, по-моему ты без свитера остался? – Все засмеялись. А Кирьянов морщил лоб, что-то обдумывая, потом решительно начал вытаскивать гранаты из карманов.

– Борис Геннадьевич, я всё-таки залезу. До 13:00 осталось десять минут. Взрву в час гранаты, а то потом пьяный вещевик скажет, что мы и не дошли до неё – Зассали. Чёрт с ним, со свитером.

Собрав пять гранат вместе, Кирьянов и Карпук скрылись внутри водокачки, а ещё через несколько минут послышался взрыв. Сверху на нас посыпался мусор, обломки кирпича и шифера. Над водокачкой поднялись клубы пыли и дыма, но взрывом снесло только часть крыши. Плюнув от досады, мы развернулись и ушли домой.

В офицерской палатке мы нашли начальника вещевого склада, который беззаботно спал, пуская пьяные слюны и распространяя вокруг себя ароматы хорошего перегара. Бесцеремонно растолкав и вытащив его на улицу, мы ничего не добились. Он, слабо сопротивлялся нашим попыткам повернуть его голову в сторону водокачки и упорно не открывал глаза. Послал нас на три буквы, потом обмяк в наших руках, опять уйдя в пьяное забытие. Забросив безвольное тело обратно на койку, мы ушли к себе, решив разобраться с ним завтра.

В ходе похода на станцию, у нас родилась новая безумная идея. Так как два мотострелковых батальона ушли на новые позиции, то возростала реальная опасность просачивания боевиков в наше расположение. Необходимо было зажечь вагоны на путях, чтобы они в течение ночи освещали близлежащую местность. Решили вечером, но в гораздо большем количестве, пробраться на станцию и поджечь вагоны. Подготовке к этому мы посвятили оставшуюся световую часть дня.

Вышли к станции где-то в 21:00. С собой взяли ещё старшину, Чудинова и несколько солдат. Подготовили несколько бутылок с бензином и взяли ещё один огнемёт «Шмель», чтобы испытать его в боевых условиях. Сначала зашли на командный пункт Толика Соболева и посвятили его в свой план. Я не стал слушать его возражения, а только попросил предупредить наблюдателей, чтобы, когда мы будем возвращаться, они не открыли по нам огонь. Через десять минут пересекли боевые порядки восьмой роты, а ещё через десять минут сосредоточились на краю обрыва, в ста пятидесяти метрах от вагонов. Растянулись в цепь. Было очень темно, и вагоны на путях даже не проглядывались. Я и Алушаев, взяв несколько бутылок с бензином, осторожно спустились с обрыва и начали тихо, насколько это было возможно, двигаться к железнодорожным путям. Ещё когда мы были на обрыве, у меня появилось стойкое ощущение того, что за нами наблюдали и сейчас по мере приближения к вагонам, это ощущение только усиливалось, отчего «ледяные мурашки» активно забегали не только по спине, но и по другим участкам тела. Я остановился, замер и Алушаев, до вагонов оставалось метров сорок. Обострённые, чувством реальной опасности, все органы: зрения, обоняния и слуха работали в полную силу, предупреждая о близкой опасности. Присели на корточки, глаза уже привыкли к темноте и были видны мелкие предметы даже на приличном расстоянии. Обшарил глазами ближайшие кусты слева: вроде бы никого. Перевёл взгляд на дальние вагоны – тоже ничего. Напряжённо стал вглядываться в вагоны перед нами, оглядел все тёмные места, но ничего не заметил. А обострённый слух всё-таки уловил звук похожий на хрустнувшую веточку, слева от нас.

– Алушаев, ты слышал? – Прошептал я на ухо пулемётчику, который тоже повернулся в ту сторону. Сержант кивнул головой.

– Тихо. Тихо отходим к своим, – я подтолкнул его рукой в сторону обрыва. Сначала на полусогнутых, а потом согнувшись мы начали двигаться, всё убыстряя движение. Мы уже подходили к своим и видели их чёткие силуэты на фоне неба: – Блин, от вагонов, наверно, хорошо видны – как мишени, – только успел подумать об этом, как практически в упор, чуть ли не в лицо, прозвучала автоматная очередь. Вспышки выстрелов ослепили меня, но я успел увидеть, что стрелял старшина.

– Старшина! Блядь!!!! Прекратить огонь, – но старшина, дав по инерции ещё одну очередь, и сам разглядел, что подходят свои, виновато забормотал: – Товарищ майор, товарищ майор, меня что-то заклинило, показалось что духи лезут. У вас всё нормально?

– Пономарёв, ты Идиот! У нас-то всё нормально, это у тебя сейчас будут проблемы, – я хотел его ударить, но всё-таки пересилил своё желание, только зло прошипел: если он ещё раз откроет огонь без моей команды – я его пристрелю. Посоветавшись, мы присели и в течение тридцати минут наблюдали за вагонами и местностью. Было тихо и ничего не выдавало присутствие боевиков. Через пять минут в сторону вагонов бесшумными тенями скользнули Кирьянов, Карпук, Алушаев и через пятьдесят метров они исчезли из виду. Напряжённо вслушиваясь в темноту, мы ждали: если боевики есть здесь и они атакуют, то мы огнём прикроем отход нашей группы. Но всё кругом было тихо, вскоре послышался звук бьющегося стекла – яркая вспышка и внутри пассажирского вагона взвилось пламя. Зазвенело там же ещё одно окно, и огонь весело заплясал растекаясь внутри, но с другого конца вагона. Хлопнули ещё пару бутылок в соседнем вагоне, в отсвете пламени полусогнутые фигуры моих подчинённых метнулись в нашу сторону.

– Старшина, только посмей выстрелить, – прошипел я прапорщику. Пономарёв что-то невнятно пробормотал, но я его не слушал. Сейчас самый удобный момент для боевиков, чтобы открыть огонь по группе, которая освещаемая отблесками пламени стремительно мчалась в нашу сторону. Но всё обошлось. Кирьянов и Карпук, шумно дыша, остановились около меня, а Алушаев отошёл к солдатам. Мы все посмотрели на вагон и разочарованно выматерились: пламя внутри вагонов опало и лишь изредка, на несколько секунд, вскидывалось, а затем беспомощно опадало обратно.

– Чёрт побери, как какая авария на железной дороге, так вагоны полыхают – хрен потушишь. А тут бензином облили и ни фига, – Кирьянов зло сплюнул, – Борис Геннадьевич, а может быть со «Шмеля» врежем?

– Давай, – я даже не размышлял, – заодно проверим его в действии.

Кирьянов вскинул на плечо контейнер, прицелился и выстрелил. Как всегда звук выстрела оглушил нас и заставил даже невольно присесть. Через секунду багровое пламя разрыва взметнулось посередине состава, на мгновение разорвав темноту, и ничего. Напрасно прождав минут десять возгорания вагонов, мы отправились обратно. На наблюдательном посту своей роты нас встретил Соболев.

– Я сам вышел встречать, на солдат не стал надеяться. Встретили бы огнём, это точно. – Поблагодарив Толика за проявленную заботу, мы ушли к себе.

Утром меня вызвали в штаб полка и предупредили, что завтра я с двумя взводами выдвигаюсь в район обороны полка. А один взвод останется для прикрытия дивизиона. Пообщавшись с офицерами штаба, я узнал, как проходила вчерашние события.

Полк благополучно прорвался через дачи и садовые участки, потеряв лишь один прицеп с миномётными боеприпасами, и внезапно выскочил практически в тыл боевиков. Отряд обеспечения движения во главе с Пильганским стремительно продвигался по территории духов, где нас совсем не ждали. Туда даже вертолёты не залетали. Боевики в ужасе и панике разбежались от дороги в разные стороны. А один до того ошалел, что метров двести бежал рядом с колонной первого батальона и только косился глазами на русских солдат, забыв что у него самого в руках есть автомат. Бойцы уржались, наблюдая за его паническим бегом, а когда боевик вильнул в сторону, чтобы сбежать от дороги в глубину улицы, его тут же срезали одной очередью. Первый батальон выставил блок-посты и закрепился вдоль дороги от Пригородного – село Гикаловское, до северного перекрёстка у Чечен-Аула. При занятии позиций был несколько раз обстрелян с возвышенностей Новых Промыслов. Рассказали, что во время выставления блок-поста у Пригородного к нашим солдатам вышел старик и попросил хлеба. Солдаты дали несколько буханок, а когда старик повернулся, чтобы уйти, духовский снайпер всадил пулю

прямо в голову старому чеченцу. Ведь мог убить нашего солдата, но убил старика, чтобы и другие мирные жители боялись приближаться и общаться с русскими. Отряд обеспечения выскочил на южный перекрёсток Чечен-Аула и там закрепился. Разведрота ворвалась на территорию здешнего племсовхоза и после короткой схватки захватила его. До вечера подразделения закреплялись на позициях, а под утро боевики атаковали с нескольких сторон. Понесла большие потери танковая рота Саньки Филатова и был убит командир взвода химической защиты. Напор боевиков был так силён, что батальон попятился, но после некоторого замешательства дал отпор боевикам и отбросил их. В принципе, больше ничего неизвестно.

Вернувшись в расположение, собрал офицеров и довёл своё решение. С дивизионом остаётся третий взвод, а первый и второй уходит со мной. День был посвящён подготовке к дальнейшим действиям, а во время обеда мы с Кирьяновым стали терроризировать вещевика, но тот упёрся: водокачка не взорвана, значит и свитера тоже нет. Под вечер ко мне пришёл опечаленный Соболев и поделился своей бедой. Оказывается, после того как мы вернулись со станции, туда упёрлись, непонятно зачем два его солдата, а утром их нашли расстрелянными на железнодорожных путях. Значит, интуиция меня не подвела – были там духи, но нас было много и они не захотели с нами связываться.

В 23 часа, когда я вышел из землянки на ночное дежурство, то сразу же увидел огромное зарево над станцией. Горело вагонов пять, которые своим пламенем освещали почти до самого утра всю прилегающую местность. Нашлись люди – сумели запалить вагоны.

Глава вторая

Чечен-аул

Утром в штаб меня вызвал начальник штаба полка: – Копытов, берёшь к себе в колонну ещё машину космической связи. За благополучную доставку её в штаб, к командиру полка, отвечаешь головой. Учти, в ней золота больше чем стоит полк твоих противотанковых установок. Задача понятна? Ну, тогда вперёд.

Колонна машин, которая должна была двигаться к Чечен-Аулу уже была выстроена. Стояли и два моих противотанковых взвода. Я только сходил за УРАЛом, на котором была установлена космическая связь и поставил его в свою колонну, за машиной командира второго взвода. А ещё через десять минут мы тронулись. Опять прошли мимо подбитого самолёта и по автостраде проехали километра три в сторону Грозного, после чего свернули в поле, на дорогу пробитую прошедшей техникой. Я сначала опасался за свои БРДМы, но машины шли нормально, и УРАЛ со связью тоже. Минут двадцать медленно двигались через территорию обширных садовых участков, усеянных многочисленными воронками разных размеров. Изъезженную и разбитую техникой глубокую колею окружали израненные и изуродованные осколками снарядов и мин деревья, и только в одном месте мы увидели перевернутый прицеп с рассыпанными по земле миномётными минами. Дорога ухудшилась и колонна стала растягиваться, а тяжёлый УРАЛ стал опасно отставать. Пришлось снизить скорость. Ещё пару километров по уже открытому пространству поля и техника, натужно гудя, форсируя большую и глубокую лужу, стала выползать на асфальт, втягиваясь в улицу дачного посёлка у селения Пригородное. Тут уже располагался блок-пост морских пехотинцев, но над посёлком и дорогой грозно нависали высоты Новых Промыслов, откуда в любой момент мог обрушиться шквал огня. Колонна остановилась, поджидая отставшие машины. Батарея моя была в полном составе и УРАЛ, спокойно работающий на холостом ходу, внушал оптимизм. Замыкание доложило о всех машинах, после чего тронулись дальше. Метров через сто увидели первый труп боевика. Он лежал, уткнувшись головой в землю, автомат наверно забрали, но тело было перепопаяно ремнями, на которых висели пустые подсумки для гранат и патронов. Лежал боевик рядом с сорванными с петель красными воротами, каких-то разбитых мастерских, во дворе которых теснились легковые и грузовые машины. Даже того мимолётного взгляда, который успел бросить во внутрь двора, было достаточно чтобы понять: что если там и были целые машины, то после посещения наших военнослужащих они годились только в металлолом. Все машины были или расстреляны, или взорваны гранатами. Проехали дальше и слева промелькнуло кладбище, густо утыканное пиками и свеженарытыми могилами. Я уже знал, что под каждой пикой лежит воин, погибший в борьбе с неверными, и количество пик радовало душу. Проехали посёлок Гикаловский, с его вечно парящими многочисленными сероводородными источниками, ещё через пять минут миновали автобусную остановку, с телами двух расстрелянных боевиков, лежащими в неестественных позах, и северный перекрёсток дорог на Чечен-Аул. Не знал и не догадывался в это время, что этот перекрёсток станет моим домом почти на месяц и здесь я переживу один из самых тяжёлых и трудных моментов своей жизни. А пока мы ехали мимо и через километр подъехали к племенной станции, где расположился командный пункт и тыловые подразделения полка. Перед главной дорогой, где был свороток к зданию племенной станции, возвышались два больших постамента, облицованных кафельной плиткой: на левом – скульптура мощного быка, который в ярости загребаёт землю копытами. Особенно рельефно на скульптуре выделялись яйца, на которых виднелись следы пуль, а на правом – скульптура барана, гордо закинувшего голову. Я слез с машины и, внимательно осмотрев монументы,

менты, отправился искать командира полка, чтобы доложить о прибытии и получить задачу. Штаб располагался в трёхэтажном, кирпичном здании красного цвета бывшего управления племенной станции на первом этаже. В большой комнате, когда-то здесь размещалась бухгалтерия, я нашёл командира полка и начальника артиллерии, стол которого располагался рядом со столом командира. Сразу же доложил обоим. Командир спросил, как добрались, была ли обстрелена колонна? Получив ответы, Петров низко склонился над картой,

– Смотри на карту, – командир взял в руку карандаш, – встанешь здесь. Вот сейчас ты проезжал, слева был перекрёсток, автобусная остановка и дорога на Чечен-Аул, помнишь?

– Да, товарищ полковник, видел. Там ещё два духа убитых валяются.

– Правильно, вот этот перекрёсток ты и обороняешь. Разворачивайся и закапывайся. Там сейчас стоит мотострелковый взвод третьей роты, но я его завтра уберу оттуда. И ты там будешь единственным заслоном от боевиков со стороны северной части Чечен-Аула, да и Гикаловского. Кстати, насчёт Гикаловского. Первый батальон прикрывает лишь дорогу, саму деревню не контролирует. Боевики тоже её не контролирует, но иногда там шастают. Так что за этим селом так же внимательно надо наблюдать. Вот на этом поле через пару дней я разверну артиллерию полка. Так что от тебя будет зависеть многое. Будь бдительным. От Чечен-Аула идёт асфальтная дорога, всего километр, ты даже оглянуться не успеешь, как дудаевцы ворвутся в твоё расположение – если они по ней рванут на тебя. А метров через триста и позиции дивизионов. Пожгут они на хрен всё. А у нас и так вчера за двадцать минут боя сожгли почти всю танковую роту. Так что ты должен там организовать чёткую службу и крепкую оборону. Задача ясна?

Я склонился над картой, несколько секунд глядя в условные обозначения, потом поднялся: – Ясно, товарищ полковник. Разрешите убраться.

Командир махнул рукой, я же вопросительно посмотрел на начальника артиллерии, ожидая дополнительных указаний, но тот лишь вяло махнул рукой и я вышел из комнаты.

Приняв вправо у перекрёстка, остановил колонну, соскочил с машины и пошёл к небольшому, каменному мосту через арык, на котором стоял офицер. Это оказался командир третьей роты Саня Григорьев. Мы поздоровались и я объяснил причину своего прибытия, попросив обрисовать обстановку.

– Ты, Боря, смотри сам. Здесь я тебе не советчик. Сам определяйся, куда и кого ставить.

Согласно кивнув головой, попросил его показать свои позиции, чтобы определиться на местности. В семидесяти метрах от моста, съехав капотом в придорожную канаву, стоял полусгоревший красный Москвич-412, вокруг которого в разных позах лежали убитые пассажиры автомобиля.

– Кто их? – Спросил, кивнув головой на трупы.

Саня досадливо поморщился: – Да это позавчера, когда мы здесь только заняли оборону. Видать боевик вывозил свою семью, но не знал, что перекрёсток уже занят русскими. Мы спокойно стояли и ждали, когда он подъедет; ни у кого ни каких жестоких мыслей не было. Ну, остановили бы и обыскали машину. У кого было оружие – арестовали, а остальных отправили бы обратно....

А когда автомобиль подъехал к нам на тридцать-сорок метров и они разобрались, что тут уже русские: из машины открыли из автоматов огонь. Ну, тут мы со всех сторон как влупили: кто с автомата, кто с пулемёта. Машина в кювет. Двое с автоматами выскочили из машины и стали отстреливаться – их тут же срезали. Кинулись к машине, а там все убиты, автомобиль горит – вытащили их. Вот и лежат теперь

Мы остановились около трупов. Ближе к нам лежала пожилая женщина. Даже сейчас, убитая она судорожно прижимала к своему телу, как бы защищая собой, грудного младенца. Пули прошли ребёнку и убили также его мать. Рядом с чеченкой лежал десятилетний мальчик, смерть он принял мгновенно и на его лице был только лёгкий налёт испуга. Ещё двое

молодых парней; они и стреляли, лежали на спине, мёртвым оскалом продолжали, как бы угрожать нам. У водительской дверцы ничком лежал водитель автомобиля. Чуть дальше в канаве лежала четырнадцатилетняя девочка.

Саня показал на неё: – Она единственная была живая, но помощь ей не успели оказать – умерла от потери крови.

– Слушай, а у автобусной остановки два духа лежат, их то кто, тоже твои?

– Не... Это отряд обеспечения движения. Они когда с Гикаловского выскочили, помчались сюда. А эти два боевика стояли на остановке и курили. Даже не дёргались, считая, что это их колонна. А когда наши подскочили на сто пятьдесят метров к ним, те разобравшись, побежали за остановку – к арыку. Их с пулемёта и срезали. Когда обыскали, то оказалось: один из них командир взвода батальона «Борз». Он сейчас в Чишках стоит. А второй простой солдат из его же взвода. У них в карманах увольнительные были на двое суток: и они как раз возвращались обратно в батальон, ожидая попутной машины.

Закончив обход позиций мотострелков, я определился с обороной данного района, после чего подозвал командиров взводов: – Коровин, ты со своим взводом занимаешь оборону за мостом, пятьдесят метров дальше сгоревшего Москвича – фронтом на Чечен-Аул. Задача: не пропустить боевиков в случае атаки на мост. Жидилёв, а ты со своим взводом располагаешься на поле, на уровне второго взвода, но углом к дороге, так чтобы в случае попытки прорыва боевиков ты мог вести огонь по дороге, идущей с деревни ко второму взводу, а также по самой деревне. – Я прутиком начертил на земле схему расположения взводов.

– Как развернётесь, сразу же капитально закапываться. Я же расположусь вот здесь у моста. Если кто прорвётся, то мы будем с ними уже здесь разбираться. Задача ясна? – Офицеры мотнули головами, – ну, если ясна, то за дело.

– Алексей Иванович, ты с Карпуком оборудуешь место командного пункта у моста. УРАЛы и БРДМ туда поставишь, за насыпью. Но БРДМ так поставишь, чтобы пулемётами мы могли смести с моста любого, кто прорвётся.

Поставив задачу, я пошёл к видневшийся в отдалении Командно-штабной машине артиллеристов. За ней в пятидесяти метрах деловито суетились танкисты, цепляя тросом танк, который съехал по крутому берегу в глубокий арык.

– Кто командир батареи? – Спросил солдата с автоматом. Ответить солдат не успел: открылся люк и из него вылез капитан Кириллов: – Огоо..., Боря, здорово. Ты чего тут делаешь?

Выслушав меня, он обрадовался: – Боря, я сейчас пытался танком взорвать склад ГСМ на окраине Чечен-Аула, да ни фиги не получается. Корректировал, корректировал, но эти дебилы танкисты так попасть и не могут. Давай с твоей противотанковой установки долбанём... – Кириллов показал рукой на четыре большие цистерны, которые стояли на склоне горы. Да и я сам давно уже обратил внимание, как танк в двухстах метрах от нас в течение двадцати минут стрелял по складу ГСМ и никак не мог попасть. Вскинул бинокль и стал осматривать склон горы: четыре цистерны, выкрашенные серебрянкой, мягко поблёскивали на солнце. Рядом с ними стояла будка и ещё пару строений. Но сложность была в том, что впереди склада высились деревья и проходила высоковольтная линия электропередач, которые наполовину перекрывали проводами и ветками цистерны. Но всё равно заманчиво...

– Хорошо, Игорь, сейчас попробую уничтожить склад. – Я отдал необходимые распоряжения и уже через десять минут наводил перекрестье визира переносной противотанковой установки на левую ёмкость. Но с этого места тоже было плохо видно: мешали деревья. Переместился ещё на пятьдесят метров влево: теперь можно стрелять. Поставил контейнер с ракетой на пусковую установку и механизмами горизонтальной и вертикальной наводки навёл на цель. Затем поднял перекрестье, как это положено, на одну треть высоты цели над цистерной. Успел пожалеть о том, что не захватил на позицию шлемофон и нажал на спуск. Сначала громко

щёлкнули и отстрелились крышки контейнера, и почти сразу же заревел стартовый двигатель. Ракета сорвалась с направляющей и помчалась к цели. Оглушённый грохотом схода ракеты, я действовал уже на автомате: через секунду огонёк от стартового двигателя показался в визире, на границе большого круга. Ракета, вихлялась на траектории, всё больше и больше смещалась за границу прицельных кругов, но мелкими и точными движениями механизмов наведения за две секунды ввёл огонёк двигателя в малый круг и установил контроль над полётом ракеты. Постепенно механизмами наводки стал совмещать малый круг и верхний край огромной ёмкости с горючим. Ракета, послушная командам, начала плавно доворачивать на цель, ювелирно промчалась между высоковольтных проводов, скользнула над ветками деревьев и практически впритирку прошла по верхнему краю цистерны, взорвавшись под одним из навесов. В разные стороны полетели доски, шифер, загорелись мгновенно куски старого рубероида, выкидывая вверх клубы чёрного дыма.

Я вскинулся над установкой и с досадой посмотрел на не уничтоженную цель. В пяти метрах от меня в азарте приплясывал Игорь: – Боря, блин... ещё сантиметров бы пятьдесят ниже и рвануло бы. Давай вторую.

Ещё раз взглянул на склад: до него примерно 1800 метров, это значит 9 секунд полёта ракеты. А мне показалось, что она летела целую минуту. Я хмыкнул и поставил на направляющую следующий контейнер. Но тоже неудача. Ракета разорвалась в ветках впереди стоящих деревьев. Взял чуть выше и следующая ракета ушла выше склада, разорвавшись на склоне перед кладбищем. Четвёртая попала в провода линии электропередач и тоже взорвалась. Я ещё более сосредоточился: и следующая ракета чётко пройдя между проводов и над ветками, вонзилась в бок цистерны. День был солнечный и тёплый, поэтому пары, которые скопились вверху цистерны, красиво рванули, превращаясь в стремительно расширяющийся огромный огненный шар, но через несколько секунд от огненного шара остался лишь чёрный дым, а над баком весело и красиво заплясали яркие языки пламени. Я поднял голову и, даже полуоглушённый, услышал радостный рёв солдат не только моей батареи, но и всех кто наблюдал. Подбежали солдаты и положили на землю ещё две ракеты. И следующую ракету я уже уверенно вогнал в низ цистерны. Взрыв был не такой впечатляющий, но зато через возникшую дыру хлынул мощный поток горящего топлива, который покатил вниз, зажигая всё, что ему попалось на пути. Последней ракетой промахнулся и плюнул. Всё, на сегодня достаточно.

– Боря, давай ещё дальше стрелять, – Кириллов от нетерпения даже подпрыгивал на месте.

– Игорь, всё. Комбат счёт в батарее открыл. Завтра добьём цистерны, а на сегодня хватит. И так полночи гореть будет.

Мы вернулись на командный пункт: здесь и во взводах во всю кипела работа. Попытался тоже активно включиться в работу по оборудованию землянки, но быстро почувствовав боль в районе сердца, бросил это занятие и в бинокль стал рассматривать окружающую нас местность. Типичные для Чечни окрестности. Сзади меня, в десяти метрах, проходила асфальтная дорога, которая связывала город Грозный с ближайшим населённым пунктом Старые Атаги. В двадцати метрах, параллельно дороге протекал арык в глубоком, метра четыре, канале с крутыми склонами. И вот на этом клочке, между дорогой и каналом, мы сейчас и развёртывали свой командный пункт. Со стороны боевиков нас прикрывала полутораметровая насыпь, которая шла вдоль арыка. За каналом проходил железобетонный жёлоб, где тоже текла вода, но в отличие от арыка она была чистой и прозрачной. Слева от нас, через канал стоял железобетонный мост с метровой дырой от снаряда посередине и дорога от моста шла в Чечен-Аул, который находился в полутора километрах. Он полностью был под контролем боевиков. Слева и справа от дороги чистые поля. На правом поле в трёхстах метрах от нас был передний край третьего батальона, а слева никого не было и вдоль дороги к деревне, практически до неё шла зелёнка, шириной метров двадцать. Самое гнусное место для нападения со стороны чечен-

цев. За чеченским складом горючего, который продолжал гореть, было кладбище. Оно плавно взбиралось по склону небольшого хребта на окраине Чечен-Аула, который тянулся покрытый лесом несколько километров до нп. Пригородное. Сама деревня казалась вымершей, на улицах никого не было видно, лишь кое-где бродил брошенный скот. Не было видно и боевиков. Я перевёл бинокль снова на дорогу, которую прикрывал. Самое плохое, что по прямой чистого пространства было метров девятьсот, то есть ракеты не применишь: оператор просто не успеет взять управление на себя. Тут надо бы метров ещё триста, как минимум, резерва иметь. На плавном повороте дороги виднелись остатки нескольких разбитых машин.

– Это моя работа, – слышался из-за спины горделивый голос Кириллова. Он подогнал свою Командно-Штабную Машину ближе к нам и встал в пятидесяти метрах от моего Командного Пункта. – Мы в первый день, как сюда прорвались, заняли с мотострелковым взводом оборону. Ночью духи завязали бой с третьим батальоном, причём так нажали, что пехота дрогнула. А здесь они решили додавить. Смотрю в ночник, а они колонну строят, чтобы рвануть и смять нас здесь, зажав полк в клещи. Докладываю командиру полка, а тот – Держитесь сами, подмоги не будет и нет... Ну, я, одним дымовым дал пристрелочный. Смотрю, снаряд лёг практически нормально, только сто пятьдесят метров перелетел. Тут же ввёл поправочку в прицел и 72 снаряда дивизионом – Беглый Огонь! Вообще, классно снаряды легли. Сразу же половина машин взлетела от прямых попаданий, боевики в разные стороны, но мало кто ушёл. Пехота даже огня не открывала. Так что я им здесь полностью атаку сорвал. – Игорь от удовольствия и в возбуждении потёр руки.

– Честно говоря, проворонил, когда они раненых и убитых уволокли. Утром смотрю, а они ещё и не подбитые машины втихушку утащили. Да и чёрт с ними, мало им не показалось. – Мы ещё в таком духе немного поболтали, обговорили все возможные вопросы взаимодействия. Игорь предупредил, чтобы ночью я поглядывал за арыком: а то по ночам духи пробираются по ним в расположения войск и вырезают наших. Вскоре Кириллов ушёл к себе, а я начал проверять подготовку взводов к ночи. Прошёлся по позициям, проинструктировал не только командиров взводов, но и весь личный состав. По радиостанции доложил командиру о занятии района, а через какое-то время стемнело.

Как обычно в 23 часа я с сержантом Торбан заступил на дежурство. Небо было чистое и всё усыпанное частыми и яркими звёздами. Из-за горизонта вылезла багровая и огромная луна, обещающая яростно освещать своим призрачным светом всё вокруг на протяжении всей ночи. Это меня особо радовало, так как осветительных ракет у меня было уже мало. Но они и не нужны были. Раз в три – пять минут с мягким шелестящим звуком прилетали с огневых позиций около станции Примыкания осветительные снаряды и освещали всё кругом: Чечен-Аул, поля, кладбище, хребет с лесом, да и нас тоже. Через минуту, как гас осветительный снаряд, высоко в небе разгорался факел осветительной мины, который медленно и величаво опускался на парашюте к земле, освещая всё вокруг в течение сорока секунд. А в перерыве между ними в небо взлетало две-три осветительные ракеты, которые пускала пехота. Так что с освещением местности проблем не было. Дежурство проходило спокойно. Тревожили только отсветы фар машин боевиков, которые шастали на противоположной стороне Чечен-Аула, но с ними работал Игорь. Из недалеко стоявшей КШМки, из открытого люка, изредка доносился голос Кириллова, подающего команды на огневую позицию своей батареи. Как правило, после команды, со стороны станции Примыкания прилетали снаряды и рвались в деревне или на противоположной окраине населённого пункта, пытаясь нащупать машины. После разрывов отблески фар гасли, а потом вновь возникали, но уже в другом месте. Ночь перевалила на вторую половину, всё реже и реже стали доноситься команды Кириллова, а солдат, охраняющий его машину, стал всё чаще и чаще прислоняться к броне и дремать. Ушёл спать, сменившись Торбан, а вместо него в стороне от меня по дороге стал выхаживать Чудинов, прикрывая командный пункт батареи со стороны зелёнки, в ста метрах от нас. Луна находилась в зените и освещала землю таким ярким

светом, что было видно километра на три вперёд, а я уже какое-то время ощущал, что мне пора бы облегчиться по большому и поэтому приглядывался, где это можно лучше сделать. А лучше чем берег арыка ничего поблизости не было. Осторожно спустился по крутому, каменистому спуску к воде, тихо звенящей среди камней, и настороженно присел, помня о вполне возможно пробирающихся боевиках с большими ножами в руках. Но всё было спокойно и тихо, ничего не предвещало каких-либо подвохов. Уже спокойно разложил оружие и другое имущество на берегу около себя, спустил штаны и с удовольствием присел, подтащив к себе автомат. В руках вертел заранее приготовленную бумажку и при ярком свете луны даже попытался прочитать, что там написано, но от этого увлекательного занятия меня отвлекла громкая брань капитана Кириллова, который материл своего задремавшего солдата.

– Солдат, ты идиот. Ты, что хочешь, чтобы нас, как чапаевцев вырезали? Скотина, если о себе не думаешь, то подумай хотя бы о других. – Послышался звучный удар оплеухи, который я полностью одобрил.

– Товарищ капитан..., товарищ капитан..., да не спал я. Я лишь крепко задумался.... Да, да..., я вас видел, видел..., но задумался, – я похохатывал и наперёд знал, что будет дальше – как будет оправдываться солдат и что будет дальше делать Кириллов. Но война и здесь внесла свои коррективы в эту извечную армейскую быль.

– Как задумался? А почему ты, сволочь, не контролируешь арык? – Теперь задумался я. А как нужно контролировать арык?

Щёлкнул запал, тёмной тенью граната прочертив плавную дугу, упала в десяти метрах и взорвалась, обдав меня брызгами и осколками, которые защёлкали вокруг по каменистому обрыву.

– Товарищ капитан, – слышался голос солдата, – я сейчас с автомата ещё прочешу арык...

Послышался звук передёргиваемого затвора и пошла первая длинная очередь. Фонтанчики от пуль стремительно ринулись в мою сторону и тут мне стало не до размышлений. Схватил в охапку автомат, одним движением накинул на шею портупею с подсумками под патроны и гранат. Другой рукой подхватил штаны. Бросил мгновенный взгляд через плечо на стремительно приближающуюся автоматную очередь и, понимая, что через пару секунд она перечеркнёт меня, на полусогнутых ногах ринулся по крутому берегу вверх.

– Вижу, вижу..., – радостно завопил солдат и дал вторую длинную очередь, – душара к противотанкистам побежал.

Пули защёлкали сзади по камням и несколько осколков от камней больно ужалили меня в голую задницу, но это только придало мне резвости и сил. Пули били всё время сзади и не успевали за мной, я их опережал на какую-то секунду. И если бы кто-нибудь мне сказал, что гусиным шагом так быстро можно бежать, да ещё вверх, да по крутому склону, я бы никогда не поверил. Но сейчас пять метров крутого берега арыка преодолел в течение, наверно, трёх секунд и когда клацнул затвор, выстрелив последний патрон, я уже перевалил насыпь и сидел в её тени.

– Ни хрена себе, «по большому» сходил. Чуть не убили...

Около своей КШМки шумел Кириллов, собирая солдат и выстраивая их в цепь для прочёсывания территории, по дороге растерянно бегал Чудинов и робко звал меня. Из землянки доносился взволнованный голос Кирьянова, подымающего солдат по тревоге, но меня сейчас занимали другие вопросы.

Первый – Посрал или нет? Второй – Если посрал, то куда? На берег вывалил или всё-таки в штаны? Этот момент я вообще не помнил. Осторожно потянул перед штанов вперёд, чтобы туда заглянуть, или хотя бы понюхать, но из этого ничего не получилось. Тогда, набравшись духу, решительно сунул руку в штаны и зашарил там, ожидая каждое мгновение вляпаться во что-нибудь липкое и противное, но облегчённо выдохнул. Всё было нормально – штаны

чистые и сухие. Значит – успел все дела сделать ещё на берегу. Я выпрямился и стал спокойно застёгивать брюки, когда на меня с трёх сторон с автоматами наизготовку выскочили солдаты, Кириллов, Чудинов и замполит, последний, правда, был без автомата и сонно шурился на меня.

– Боря, к тебе душара в батарею заскочил из арыка. Давай, прочедем твоё расположение, – заполошно стал объяснять мне Игорь.

– Игорь..., какой душара? Это я пострать пошёл на берег, а вы меня чуть не убили. Как в штаны не навалил – не понимаю? – Такого хохота этот берег арыка наверно никогда не слышал. Но когда прибежали на шум солдаты второго взвода с командиром взвода и я показал, как бежал на полусогнутых ногах вверх по склону, да со спущенными штанами – мы завалились от смеха по новой. В конце я сам уже руками держался за щёки, так их заломило от смеха. Насмеявшись, мы разбрелись по своим местам и продолжили нести службу.

В семь часов утра вызвал к себе санинструктора, воткнул лопату в землю в тридцати метрах от землянки: – Товарищ сержант, вот здесь через два часа оборудовать добротный туалет. Я его первый и испробую.

Погода стояла солнечная и к десяти часам утра солнце пригревало уже вовсю. Замполит со старшиной ушли в штаб полка, а я начал проверять инженерное оборудование позиций взводов. Третья рота уже снялась и ушла, так что теперь нам надо было надеяться только на себя. Пришёл Кириллов и огнём из противотанковой установки мы взорвали ещё две цистерны на складе ГСМ, четвёртую сумели добить танкисты. После таких праведных трудов я сидел в землянке и пил кофе, когда услышал с улицы весёлые крики, свист и улюлюканье солдат. Быстро поставив кружку с ароматным напитком на стол, выскочил на улицу и увидел, как со стороны штаба по дороге замполит со старшиной за верёвку ведут достаточно упитанного бычка.

– Борис Геннадьевич, раздавали там, вот я на батарею и взял. Тут мяса на неделю. – Алексей Иванович с гордостью, как будто он сам его вырастил и выпоил со своих рук, похозяйски похлопал бычка по крупу, а я обошёл животину кругом. Бычок огненно косил на меня фиолетовым глазом, но стоял спокойно.

– Старшина тащи сюда мой фотоаппарат – фотографироваться будем около первой добычи.

Солдаты весело засуетились и начали принимать различные позы около животного. А когда отщёлкал пять кадров с солдатами, то решил сам сфотографироваться. Водитель со второго взвода Валера Большаков взял в руки фотоаппарат, приготовился снимать, а я направился к бычку. Но бычок, до того стоявший смирно и спокойно, внезапно сорвался с места и, наклонив низко голову с уже приличными рогами к земле, ринулся на меня. Я только успел протянуть руки вперёд и крепко схватить его за рога, но тот уже набрав скорость, сбил меня с ног и потащил по земле, мотая головой, пытаюсь освободиться от тяжести, но я понимал, что если отпущу руки, то он меня банально затопчет или заперет рогами. Все заполошено кричали, суетились, не зная как меня выручить. Кто-то попытался ухватить бычка за хвост, кто-то гулко огрел его палкой по боку, отчего тот ещё больше взъярился и бешено замотал головой.

В этой ситуации не растерялся только один Чудинов, мгновенно скинув с плеча автомат, он подскочил сбоку к бычку и тремя выстрелами в ухо застрелил его. Я едва успел увернуться от рухнувшей туши. Встал, тяжело дыша: – Блин, суток не прошло, а меня второй раз чуть не убили. Молодец, Чудинов, если бы не ты, так он меня на рогах к духам и утащил.

Отдав распоряжение старшине, чтобы он организовал разделку туши, отошёл с Кирьяновым в сторону: – Ну что там, в штабе, Алексей Иванович, слышно?

– Просили вам передать, что совещание будет каждый день два раза. Утром в девять часов и вечером в семнадцать часов. А так, в принципе ничего. Артиллерию подтянут к нам, с нашим взводом – дня через три. Да и всех остальных к этому времени сюда перетащат. А всё остальное в рабочем порядке. Да, ещё говорят, что первый батальон занял коньячный завод

в Гикаловском. Коньяка – до фи́га и нам бы неплохо коньячка перехватить, а то этот спирт уже в глотку не лезет.

Через два часа бычок был разделан, а мясо было развешено на ветвях дерева в расположении командного пункта. Каждому взводу было выделено достаточное количество мяса и целый день солдаты варили себе мясную похлёбку в котелках и кастрюлях. После обеда старшина привёз на машине дополнительный паёк на батарею, куда входила колбаса сырокопчёная – палок десять, целых два круга сыра, с десятков банок сгущёнки и несколько десятков яиц. Если так и дальше будут кормить, то воевать можно.

Я сходил в штаб и доложил начальнику артиллерии о том, что развернулся в указанном районе и выкопал позиции. Честно говоря, оборудованием позиций взводов был недоволен, считая, что укрытия для машин вырыты мелкогато и окопы для стрельбы из стрелкового оружия тоже мелкие. Но считал, что в процессе дооборудования позиции мы этот недостаток устраним. На выходе из штаба я столкнулся с Санькой Филатовым. Мы поздоровались и я попросил рассказать о бое, когда сожгли его танки. Филатов посмотрел в сторону южного перекрёстка: даже отсюда были видны остовы несколько сгоревших танков.

– Да тут и рассказывать нечего. Пришли на перекрёсток, командир батальона указал место, где должна была развернуться рота. Там за перекрёстком и развернулись: как бы полукругом. Половина танков была развёрнута в сторону Чечен-Аула, а другая часть в поле и в сторону Старых Атагов. Пехоту не дали. Так получилось, что первая танковая рота действовала с первым батальоном, третья рота с третьим батальоном. Ну, а я как бы и без пехоты оказался. Правда, недалеко от меня штаб батальона встал, но толку от них мало было. Нужна был пехота, чтобы надёжно прикрыть танки. Да, ещё между арыком и дорогой на Старые Атаги поставили танк третьей роты. Спешно стали закапываться с помощью самозакапывателя, но не успели. Духи стали обстреливать нас из пулемётов. А тут со стороны Старых Атагов стал стрелять в нашу сторону духовский танк: снаряды от него в основном не долетали или падали в стороне. Я на своём танке выскочил на дорогу и стал вычислять его позицию, но наступали сумерки, поэтому пришлось целиться по его вспышкам. Дал несколько выстрелов туда и сразу же прекратился огонь. Разведчики в эту ночь туда ползали, говорят, что я его достал. Нашли они окоп: танка самого не было, но валялись разбитые катки и повреждённые звенья гусениц, гильзы от танковых снарядов и куча следов от тракторов, которыми они и утащили подбитый танк.

Когда стемнело, организовал своими силами охранение, доложил командиру батальона. Всё вроде бы нормально было. Правда, здорово меня беспокоил большой разрыв между моей ротой и третьим батальоном: они стояли от нас в метрах четырёхстах, и почему-то стояли в колоннах. Опять началась стрельба со стороны Чечен-Аула – били в основном из пулемёта. Я на своём танке переместился на поле и встал около вон того ангара, – Филатов показал рукой на высокое и большое здание, стены которого были обиты рифлёным железом, – и в ночник стал вычислять позиции боевиков. Видно было плохо, в основном здания и тёмные силуэты, но неясно. И давай я их с танка обстреливать. Боря, азарт был – словами не передать. И так почти всю ночь, а к утру всё стихло. Уж какая обстановка в остальных подразделениях полка была – я не знаю. Сам пойми, сидя в танке мало, что можно увидеть да ещё ночью. К утру упал небольшой туман, постепенно стало рассветать. И тут началось: боевики по арыку подобрались практически вплотную к моим танкам, как со стороны Старых Атагов, так и со стороны Чечен-Аула и с расстояния метров сорок-пятьдесят стали их расстреливать. Били между катками, где располагалась боеукладка. Первый танк сразу же взорвался. В радиосети роты началось твориться невообразимое: крики «горим», «помогите», «сейчас будем взрываться» забили весь эфир. Я поворачиваю командирский прибор на свою роту, а там всё взрывается и всё горит. Бой идёт капитальный. Смотрю и не знаю, что делать, потом несколько успокоился и стал наблюдать и прикидывать, откуда боевики могут стрелять. Тех боевиков, которые стреляли по танкам со стороны Старых Атагов, достать не мог, мешал штаб батальона и мои танки. Да тут ещё

зампотех батальона Андрей Филатов вскочил на свой БРЭМ и с пулемёта стал «гасить» духов и откинул их от того фланга роты. Через несколько минут я уже обнаружил духов со стороны Чечен-Аула и начал их обстреливать с пушки, но в этот момент туда примчалась чья-та БМП и высадила пехоту, теперь я мог работать только пулемётом. А тут по радиостанции приходит команда командира батальона: – Уходи с позиции, тебя пристреливают с гранатомётов.

Я только сейчас обратил внимания на взрывы вокруг меня. Рванул с места и зигзагами стал уходить в поле, а когда понял, что ушёл от обстрела, остановился и продолжил поливать духов с пулемёта. Через несколько минут всё закончилось. Открываю люк, смотрю, а рядом с танком четыре моих окровавленных и обожжённых солдата, которые выползли и приползли к своему командиру роты.

Боря, это была страшная для меня минута. Там где моя рота всё затянуто дымом, много огня, слышны взрывы и я осознаю – рота погибла. А я, её командир – живой. Смотрю, а пехота вылезла на броню, стоят и смотрят на всё происходящее, как в театре. Посадил бойцов на броню и поехал на перекрёсток. Тяжело. Шесть танков уничтожено, у меня пятнадцать человек убито и двенадцать ранено. Подбиты танки были только с краёв, те которые были посередине, сумели отбиться. Когда перестали гореть остатки танков и остыло железо, стали собирать останки людей. Боря, мы их собирали в цинки из-под патронов: так мало осталось от солдат, – Саня махнул рукой и замолчал.

– Саня, ну а что полк? – Филатов нервно закурил и выдохнул клуб дыма, – А что полк? Полк получил опыт, дорогой ценой, но бесценный опыт. Представили погибших к наградам, написали письма. В роте теперь четыре танка. Вот такие дела, Боря, – Мы помолчали, а когда сигарета была выкурена, распрощались и разошлись по своим подразделениям....

После обеда в батарею пришёл Олег Акулов, которого прислал замполит полка, чтобы тот проверил, как мы расположились и проинструктировать Кирьянова по работе с личным составом. Узнав, что Олег был свидетелем гибели танков Филатова, попросил его рассказать об этом поподробнее.

– А что я тебе могу рассказать? Могу рассказать только про себя и то только про тех, кто был рядом со мной. Мы ведь пришли на перекрёсток, уже в два часа ночи с остатками колонны. Только там расположились, практически в тридцати метрах от перекрёстка, как нас Кутупов, замполит полка, сразу же послал по позициям пехоты. Я не знаю чья это пехота была, какого батальона, но когда лазил в темноте – пехота была на позициях и выкопала совсем мелкие, одиночные ячейки, чтобы уже днём их углубить и соединить траншеями. После чего вернулся к своему БРДМу, где уже был Вадим и наши бойцы. Быстро перекусили сухим пайком, залезли во внутрь машины и легли спать. Ничего не слышал, но проснулся от того, что как будто, кто-то сильно камушками кидает в броню. Щелчки такие резкие и багровые отблески через триплексы пробиваются. Что за чёрт, смотрю в командирский прибор, а в тридцати метрах от нас на перекрёстке ярко горит танк. Доворачиваю прибор влево, а там всё горит и взрывается, и главное почти ничего не слышно. И уже достаточно светло. Ещё засёк, откуда пулемёт духовский стреляет. Растолкал всех и в башню к пулемётам, пока заряжал, пока наводил: Вадим разобрался в обстановке и кричит: – Не стреляй, мы сейчас единственная броня на перекрёстке – сразу же спалят. Давайте выбираемся на улицу с огнёмётами и оттуда будем гасить духов.

Открываем люк, а вылезти не можем: пули стучат по люкам и нам не дают выйти. Но всё-таки изловчились и удачно выскочили, да ещё несколько огнемётов с собой вытащили, а в это время на перекрёсток, рыча двигателем, медленно выезжает танк, останавливается и давай крутить во все стороны башней, но ни хрена не стреляет. А чеченский пулемёт «поливает» от него всего в ста пятидесяти метрах. Мы по нему дали несколько очередей, а он по нам как врежет и давай нас мочить. Мы минут семь, уткнувшись головами в землю лежали, так он плотно нас обрабатывал. Потом всё-таки я сумел к танку подскочить, и как раз в это время командир танка открыл люк: я ему ору: – Ты чего, гад, не стреляешь по пулемёту? Гаси его, –

и показал, куда надо стрелять. Тот чётко навёл, бабахнул, – больше пулемёт не стрелял. В принципе, больше и рассказывать нечего.

– Честно говоря – это был наш первый серьёзный бой, да ещё такие понесли потери. Но чисто психологически мы сумели переломить себя, не упали духом и не стали разбираться кто виноват, а сумели извлечь из этого боя выводы. Поняли, что в бою не надо ждать команды от какого-то начальства, а нужно действовать самостоятельно: увидел противника – уничтожь его, не жди когда тебе прикажут его уничтожить. Вот я уверен: если бы не приказал стрелять танкисту по пулемёту, так он и не выстрелил бы, пока его не сожгли....

– Ты про развед. роту слышал, как Олег Холмов роту под миномётным обстрелом построил и ругал их? – Я отрицательно качнул головой, а Акулов довольный рассмеялся, – когда отряд обеспечения движения прошёл через дачи, там ещё поле здоровенное перед Пригородным, так разведчики залегли под огнём боевиков и не идут вперёд. И никто их не может поднять, ни командир взвода, ни командир роты и огонь то не особо сильный. Тогда начальник разведки берёт с собой троих человек, пересекает поле и занимает перекрёсток дорог. Когда туда подтянулась остальная рота без потерь, взбешённый Холмов строит роту на дороге, сам по стойке «Смирно» стоит и давай их ругать, типа: – Я не позволю, чтобы в развед. роте были трусы. Мне согласно боевого устава положено идти сзади подразделения и я буду идти: и кто струсит получит от меня пулю. – А боевики вокруг них мины кладут, и ты представляешь, ни одна в них не попала. Зато рота потом попёрла до самого перекрёстка, да ещё в пешем порядке.

...В течение нескольких дней полк перетянул все подразделения, которые оставались около станции Примыкание в свой район. Сзади нас на поле встали два дивизиона: дивизион Климца, который был нам придан и наш дивизион – Князева. Слева от позиций второго взвода и дальше встала восьмая рота Толика Соболева. Остальные подразделения третьего батальона пододвинулись к Чечен-Аулу ещё на четыреста метров вперёд и уплотнили свои боевые порядки. Прибыл и мой третий взвод, но без происшествий здесь не обошлось. Командир взвода лейтенант Мишкин, когда мы ушли на новое место, нашёл где-то спиртное, здорово выпил. Сел за руль и пьяный стал гонять по полю, в результате чего запорол двигатель на машине Снытко и её притащили на буксире. Автомобилисты посмотрели движок и решили отправить в ремонт, в какой-то прибывший ремонтный батальон. А так стало веселей. Начали подходить и другие части. С развёрнутым флагом мимо нас с «помпой» проехал «разбитый» 245 полк и ушёл на Урус-Мартан. Зашла мотострелковая бригада с московского округа и встала за нами фронтом на Новые Промыслы. Я как раз оказался на стыке нашего полка и бригады. Правда, туда потом поставили один взвод восьмой роты и теперь стало поспокойнее за свой тыл.

Так как вдоль моего расположения по асфальту проносились на большой скорости машины, я решил снизить их скорость, а то не дай бог собьют кого-нибудь из моих солдат или влетят на полной скорости в расположение командного пункта батареи. Вокруг перекрёстка было много брошенных легковых автомобилей, причём большинство из них иномарки. Зацепив за УРА.Лом, стащил легковушки на дорогу и выстроил из них примитивный «ментовский лабиринт». Теперь машины, подъезжая к моему расположению, снижали скорость и медленно проезжали вдоль моего командного пункта. А я хвастался и гордился, показывая своим гостям коллекцию иномарок. Но продолжалось это всего три дня. В одну из ночей по всей моей коллекции проехали напрямую три танка и расплющили автомобили. Теперь на дороге громоздились куча автомобильного хлама и хвастаться было нечем. Жизнь в полку тоже постепенно налаживалась и как-то успокаивалась, что здорово расслабляло. Чеченцы прекратили активные боевые действия на нашем участке и действовали больше исподтишка. В основном работали снайпера и каждый день наши потери составляли 1-2 человека убитыми и человек пять ранеными. Я первые несколько дней очень возмущался тем, что как только выйду на насыпь у арыка, так сразу же начинают посвистывать вокруг меня пули. Пехота от безделья на переднем

крае изголялась. Выставляли банки, бутылки и целыми днями стреляли и я считал, что это пехота начинает стрелять к нам в тыл. Но оказывается, это были чеченские снайпера. Зашёл как-то в девятую роту, когда они перемещались на триста метров вперёд. БМП зацепила вагончик, в котором проживали офицеры роты и потащила его на новое место. На крыше вагончика в это время молодцевато стоял под солнцем голый по пояс солдат, уткнув руки в пояс. Внезапно он резко согнулся, схватился руками за живот и как в замедленной съёмке упал с крыши на землю. Когда мы подбежали к нему, то оказалось, что ему в живот попала пуля.

Из-за безделья и в поисках новых острых впечатлений солдаты стали разбредаться по округе, шариться по деревням и у нас появились первые без вести пропавшие. Как правило, их вылавливали, оставшиеся местные жители в деревнях при мародёрстве и зверски казнили тут же на месте. Потом изуродованные трупы мародёров мы часто находили в зелёнках. В третьем батальоне солдат и сержант ушли на мародёрку в Чечен-Аул, были отловлены боевиками и когда стали их допрашивать, то солдат раскололся быстро и стал отвечать на все вопросы чеченцев, а сержант отказался. Его очень сильно и изощённо пытали, но не смогли сломить. После пыток его прибили к дверям дома и стали в него метать ножи, пока не убили. Потом собрали иностранных журналистов и, оставшийся в живых запуганный солдат, стал рассказывать о том, как русские убивали мирных жителей. Как офицеры заставляли насильно перед строем чеченских женщин и девочек. Короче, спасая свою шкуру, говорил журналистам всё, что ему приказали говорить, а после этой импровизированной пресс-конференции его обменяли в нашем полку на несколько трупов убитых боевиков.

Видел в нашем расположении и офицера другой части, которого боевики тоже обменяли на своих. В первые дни штурма Грозного взвод этого лейтенанта зажали в депо в районе железнодорожного вокзала. В результате многочасового боя, боевики сумели вытеснить взвод с первого на второй этаж. Вызвали на переговоры командира взвода и предложили ему сдаться: мотивируя тем, что они окружены и помощи ждать неоткуда, а боевики хотят спасти жизни молодым парням. Дали на раздумье тридцать минут, предупредив, если не сдадутся, то всех уничтожат. Лейтенант поднялся к своим и предложил сдаться, но этому воспротивился заместитель командира взвода и отказался сдаваться. Порешили так – кто хочет сдаваться, пусть идёт с лейтенантом, а кто хочет драться до конца – остаётся с сержантом. Через двадцать минут лейтенант и ещё восемь солдат сдались. А через три часа сержант организовал контратаку и сумел выбить боевиков из здания депо. В течение трёх суток они бились в окружении, потеряв ещё троих человек убитыми, пока к ним не пробивались наши. Лейтенант судьбу остальных солдат, кто сдался с ним в плен не знал и сейчас слонялся по расположению полка в старом женском пальто, ожидая, когда его переправят в штаб группировки. Уже гораздо позднее, я узнал дальнейшую судьбу этого лейтенанта. После нашего полка его отправили в пункт постоянной дислокации, где он был помещён в госпиталь, но после излечения был отдан под суд военного трибунала за добровольную сдачу в плен.

Начиналась опасная раслабуха и я как мог у себя старался занять бойцов и пока держал их в узде. Но солдаты, видя кругом бардак, тоже постепенно начинали хаметь. Чтобы как-то усилить своё влияние на них я устроил «карусель». Каждые три дня менял взвода на позициях. Так чтобы один из взводов постоянно жил со мной в землянке и был всегда под моими глазами, и моим контролем. Через несколько дней, как мы закрепились на перекрёстке, решил повторить попытку организовать баню для солдат своими силами. Заставил старшину вытащить на берег арыка две ёмкости по двести пятьдесят литров нагреть в них воду и в палатке помыть солдат, а потом самим помыться.

Я прогуливался не спеша по насыпи, наблюдая за своими солдатами, которые занимались повседневными делами. Несколько водителей собрались около двух УРАЛов и вместе с Карпуком бурно обсуждали, как поменять бочата на двигателе. Первый взвод, который в тот момент проживал со мной, занимался обслуживанием своей техники, а остальные взвода на

позициях заканчивали инженерное оборудование окопов для пусковых установок. То, что все были заняты делами, радовало меня, но группа солдат и сержантов восьмой роты, которая бесцельно слонялись недалеко от моего расположения раздражала и злила.

– Куда, Толик, смотрит? Не может, что ли озадачить своих солдат? Что они там маются от безделья? – Возмущение и раздражение распирало меня и когда солдаты после небольшого колебания свернули в мою сторону, чтобы через командный пункт батареи пройти в третий батальон, я ещё больше разозлился и решил их поучить.

– Товарищ сержант, – подозвал к себе высокого бойца, который щеголял в богатой норковой шапке и явно ею гордился, – подойдите ко мне.

Сержант подошёл ко мне с видимым пренебрежением, чувствуя на себе поддерживающие взгляды своих товарищей и любопытные моих солдат. Остановился, независимо отставив ногу в сторону: типа – Ну.., что ты мне майор скажешь? Я, едва сдерживая бешенство, протянул руку и жёстко потребовал: – Шапку мне, сержант, сюда...

– Эту шапку мне наш прапорщик подарил, – попробовал с апломбом заявить боец, но шапку всё-таки послушно снял и протянул. Дальше всё пошло автоматически: я выхватил из подсумка гранату, сунул в шапку, выдернул кольцо и отпустил спусковой рычаг. Щёлкнул гранатный запал и мгновенный испуг плеснулся в глазах у сержанта, видя, что я медлю с броском гранаты.

– Двадцать два, двадцать два, – отсчитал про себя две секунды и резким движением метнул гранату в сторону арыка. Расчёт оказался верным: шапка с гранатой внутри, описав красивый полукруг, взорвалась в воздухе, эффектно раскидав в разные стороны остатки меха и ваты.

– Сержант. Да эту шапку твой прапор из мирного дома украл. Смародёрничал, а ты тут, герой, в ней красуешься. Пошёл вон отсюда, чтобы я тебя не видел, но только сейчас идёшь обратно в свою роту. Тебе ясно?

– Майор, ты тут особо не дёргайся, а то мы тебе ..., – что он хотел пообещать я так и не узнал. Даже не раздумывая, резко развернулся и заехал ему в челюсть, а затем пинками погнал его в сторону моста и восьмой роты. Остальные его товарищи не стали дожидаться аналогичной участи, под свист и улюлюканье моих солдат, припустили в ту же сторону.

Вернувшись на своё место, с удовлетворением осмотрел ошмётья от шапки на берегу арыка и снова стал прогуливаться по насыпи.

– Товарищ майор, – ко мне подошёл сержант Торбан, – я всё удивляюсь тому, как вы легко обращаетесь с гранатами, а я вот до ужаса боюсь их.

Надо сказать, что санинструктор Торбан по характеру был сугубо гражданским человеком, отчего у него были всегда нелады с оружием. Плохо стрелял, гранаты метал, даже не прицелившись, лишь бы бросить, а куда она упала: не важно. Чувствовал себя в боевой обстановке неуверенно, поэтому я всегда и дежурил с ним, чтобы рядом со мной он набирался уверенности и пообтёрся.

– Торбан, да ведь это же так легко, – я обнял сержанта за плечи и достал из подсумка ещё одну гранату, – если правильно с ней обращаться, то ничего страшного не произойдёт. Вот смотри. Разгибаю усики, пальцами руки прижимаем этот рычаг к корпусу гранаты. Дёргай теперь кольцо.

Торбан дёрнулся из моих объятий, пытаясь вырваться от меня, но я его держал крепко и с металлом в голосе произнёс: – Дёргай, товарищ сержант, за кольцо – это приказ. – Сержант просунул дрожащий палец в кольцо и дёрнул. Глаза его расширились от ужаса, когда он увидел в своей руке кольцо.

– Торбан, спокойно..., не бойся. Пока этот рычаг прижат к корпусу – взрыва не будет. Смотри, гранату можно засунуть к тебе за пазуху, а можно сунуть и под яйца – видишь всё же на месте..., не оторвало. – Я сунул руку с гранатой за пазуху к сержанту, а потом под яйца. Бледный сержант, помертвевший от страха, побелевшими глазами наблюдал за моими мани-

пуляциями. Попытался опять вырваться, но не получилось. Он уже ничего не соображал. Пока я всё это демонстрировал Торбану, мы не спеша подошли вплотную к ёмкостям с водой, у которых на корточках сидел старшина и, подкидывая под них дрова, с любопытством наблюдал за нами.

– Торбан, смотри. Я сейчас отпущу рычаг и сработает гранатный запал, после этого у нас будет ЦЕЛЫХ четыре секунды, чтобы убежать или залечь. Да за эти 4 секунды старшина успеет спрятаться и мы с тобой далеко отойдём.

Я разжал пальцы над горловиной бака, щёлкнул запал и граната булькнула, уходя в воду. Старшина, какую-то секунду медлил, не веря тому, что граната упала к нему в ёмкость и сейчас взорвётся. Потом резко выпрямившись, неожиданно совершил кувырок через голову прямо в арык. Я же быстро развернул Торбана и, вжимая голову в плечи, успел с ним отойти на четыре шага от бака, когда раздался гулкий взрыв. Мы с Торбаном одновременно обернулись и увидели, что бак от взрыва гранаты разворотило по сварочному шву и вся горячая вода вылилась и теперь парила на земле, а из арыка весь мокрый и возмущённый, вылезал бледный старшина.

– Пономарёв, один – один. Ты меня чуть с автомата не застрелил, а я тебя чуть гранатой не взорвал. Так что, на сегодня баня отменяется, – я засмеялся. Нервно засмеялся и старшина, разглядывая, как с него стекают ручейки воды. – Торбан, иди и ты отдохни немного. Можешь в туалет зайти.

Новый взрыв хохота потряс командный пункт батарее.

После обеда ко мне подошёл Кирьянов, который вернулся от замполитов: – Борис Геннадьевич, я тут после своих зашёл на склад РАВ, так там можно взять в батарею радиолокационную станцию разведки – СБР. Она, правда, без аккумуляторов, но узнал, что её можно подсоединить к аккумулятору от УРАЛа. Давайте возьмём её себе?

Мне уже начинала не нравиться манера Алексея Ивановича всё тащить в батарею. Два дня назад притащил десять огнемётов «Шмель», несколько штук раздал во взвода, а остальные сейчас валяются по всему расположению батарее. Вчера был небольшой, но сильный дождь. И они, «Шмели», оказались в луже. Теперь у меня сильное сомнение, насчёт их исправности и готовности к применению.

– Кирьянов, ты побалуешься пару ночей и бросишь эту станцию, будет она валяться, как огнемёты пока кто-нибудь не раздавит её машиной или не раскурочит.

Но мой заместитель горячо заверил, что ничего подобного не произойдёт. Пришлось сдаться и разрешить ему получить станцию. Вечером развернули и попробовали прослушивать, но ничего от этой затеи не получилось. Мы слышали всю нашу пехоту, но только не бойцов. Надо ведь станцию выставлять в передовом окопе, тогда она эффективна, а впереди нас стоял третий батальон, который и создавал весь этот шумовой фон. На этом у Кирьянова «энтуазизм» и закончился, теперь станция сиротливо торчала, брошенной на берегу арыка. А вскоре я получил ночной бинокль и сразу же оценил его достоинства. Ночью в него отлично было видно на пару километров во все стороны. А при освещении местности луной и ещё дальше. Чувствительность ночного прибора была очень велика. Ночью посмотрел на звёздное небо и обалдел от того, как в бинокль увидел десятки тысяч звёзд, хотя учёные говорят, что мы не вооружённым глазом наблюдаем только три-четыре тысячи звёзд. А когда поглядел на позиции взводов в поле, то ещё больше удивился. Смотрю – Что за ерунда? Почти каждый солдат ходит с фонариком, нагло нарушая светомаскировку. Опускаю бинокль – всё нормально, ничего не видно. Смотрю в бинокль – опять с фонариками ходят. Только посередине ночи разобрался, что в ночник наблюдал за солдатами, которые или курили, или передвигались с сигаретами по позициям. Вообще, классная вещь – ночник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.